II гістарычны конкурс для моладзі

ПА-ЗА КАДРАМ:

ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці

ВЫНІКОВЫЯ МАТЭРЫЯЛЫ ГІСТАРЫЧНАГА КОНКУРСУ ДЛЯ МОЛАДЗІ

Выданне, якое вы трымаеце ў руках ці праглядаеце ў лічбавым фармаце, з'яўляецца плёнам працы арганізатараў і ўдзельнікаў гістарычнага конкурсу для моладзі «Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці». У межах конкурсу было прапанавана звярнуць увагу на адметныя з'явы жыцця Беларусі другой паловы XX ст. праз прызму сямейнай і лакальнай гісторыі — на падставе гутаркі са сведкамі часу і сямейнага архіву фотаздымкаў.

Удзел у конкурсе даў магчымасць школьнай і студэнцкай моладзі (і не толькі) пераканацца, што гісторыя — гэта не толькі школьны прадмет: яна паўсюль. Свет, у якім мы жывем, краіны, супольнасці, сем'і і нават нашы ўласныя жыцці аказваюцца пад уплывам гісторыі. А «ключамі памяці» да яе з'яўляюцца фотаздымкі і ўспаміны сведкаў таго часу.

Падрыхтоўка даследчай работы ў сваёй супольнасці або сям'і, пастаноўка ўласных асэнсаваных пытанняў, пошук рэлевантных тэме матэрыялаў і інфармацыі, іх крытычнае асэнсаванне і інтэрпрэтацыя дазволілі ўдзельнікам пашырыць свае веды па гісторыі, атрымаць больш глыбокае разуменне сувязі «вялікай» гісторыі, якая вывучаецца ў школе і ўніверсітэце, з гісторыяй сям'і і свайго атачэння, дапамаглі авалодаць карыснымі навыкамі самаарганізацыі, пошуку, структуравання, прэзентацыі інфармацыі, крытычнага стаўлення да яе.

У адрозненні ад першага конкурсу былі пашыраны храналагічныя рамкі аналізаванага перыяду гісторыі Беларусі, якія на гэты раз уключалі 1945-2000 гады. Таксама ва ўдзельнікаў з'явілася магчымасць скарыстацца не толькі сямейнымі фотаздымкамі, але і матэрыяламі з лакальных архіваў (мясцовых школ, музеяў і г.д.), што дазволіла больш комплексна падыйсці да асэнсавання абранай тэмы. Тым больш, што і прапанаваная тэматыка таксама павялічылася за кошт асэнсавання шэрагу актуальных з'яў 90-х гадоў XX стагоддзя. Разам з тым было вырашана адмовіцца ад фармату прэзентацыі як асноўнага тыпу работы. Замест гэтага было прапанавана ўсім удзельнікам падрыхтаваць творчае прадстаўленне работы.

У зборніку змешчаны работы пераможцаў і намінантаў, прадстаўленыя ў фармаце эсэ, а таксама багаты і разнастайны аўтарскі ілюстрацыйны матэрыял.

Хочам падзякаваць усіх удзельнікаў конкурсу і іх куратараў за неабыякавасць да сваёй гісторыі і актыўны ўдзел у конкурсе. Журы конкурсу — за глыбокі і дэталёвы аналіз работ. А таксама ўсе партнёрскія арганізацыі (Беларускі дзяржаўны архіў кінафотафонадакументаў, Нацыянальны інстытут адукацыі, Нацыянальны гістарычны музей, Мінскую цэнтральную бібліятэку імя Янкі Купалы, абласныя і Мінскі гарадскі інстытуты развіцця адукацыі, Мемарыяльны музей-майстэрню З.І. Азгура, «Краязнаўчую газету») за дапамогу і падтрымку ў правядзенні конкурсу.

© Прадстаўніцтва зарэгістраванага аб’яднання «Deutscher Volkshochschul-Verband e.V.»
(Федэратыўная Рэспубліка Германія) у Рэспубліцы Беларусь
© Моладзевае грамадскае аб’яднанне «Гісторыка»

Змест

Со страниц армейского альбома… 6
Миронюк Алина

Мы хотели выглядеть хорошо… 8
Седько Александра

Советская эпоха в зеркале свадебных фотографий 10
Толкун Анна, Толкун Анастасия

«У Божай міласці, у людской шчырасці будзе доўжыцца мой радавод» 12
Буяліч Вікторыя

Формирование домашней библиотеки. Её роль в повседневной жизни семьи 14
Плевако Антон

«Руссо туристо! Облико морале!» 16
Филинович Анастасия

Каваль з хутара Загрэбля 18
Ананька Аляксандр

Сталіца там, дзе ты жывеш! 20
Аўсюк Дар'я

Ещё раз про любовь… (женская история) 22
Винцалович Анна

Три моста одной реки 24
Гук Екатерина

Дневник памяти 26
Костина Ульяна

«Заслоновская республика» 28
Масалкова Наталья

Черная туча Чернобыля: влияние на судьбы людей 30
Михайлова Полина

Дорога к Жировичской Святыне… 32
Равинская Юлия

Сямейныя фотаздымкі — частка гісторыі краіны 34
Бубен Таццяна

Рамантыкі вялікай магістралі 38
Раўко Ірына

«Ты только день тем жил, ходил и даже спал с гитарой…» 40
Раку Артур

«Адно жыццё ў гісторыі малой Радзімы» 42
Галавач Дар'я

Вёска, якой няма 44
Ахоціна Яўгенія

Витебское «Узгорье»: возрождение культуры 46
Островская Вероника

І нараджае вера дабрыню 50
Мядзелец Карына

Усё пачынаецца з любові… 54
Антуновіч Настасся

Надя — надежда! 56
Лесниченко Алина

Апошні шлях. Жыццё да і пасля 58
Гушча Аляксандра

Малая радзіма: дзядоў і продкаў нашых дух не сцёрся на парозе 60
Барысік Паліна

«Мне повезло родиться с другом» 62
Козлов Денис

По волнам нашей памяти 66
Тишкевич Мария, Хроленкова Анастасия

Пра праект 69

Арганізатары конкурсу ў Беларусі 71

Пераможцы конкурсу 72

Со страниц армейского альбома…

Миронюк Алина

В каждом доме есть семейные реликвии и ценности, которые передаются из поколения в поколение. Это фамильные драгоценности, книги, посуда, сувениры, фотографии. Такие вещи несут определенный сакральный характер, бережно хранятся и, как правило, овеяны атмосферой тайны или легенды.

Как здорово было, когда наши бабушки и дедушки собирали семейные архивы фотографий! Бережно складывали их в альбомы, отводили целую полку или ящик для ценного хранения. Казалось бы, к чему все это? Большая часть фотографий моих родителей уже в электронном виде, на компьютере. Не могу сказать, что мы их часто пересматриваем. А вот с моей бабушкой, Ниной Владимировной, это — целая церемония. Удобно устроиться на диване, с трепетом положить на колени семейные альбомы и долгими вечерами на зимних каникулах рассматривать каждую деталь, каждую мелочь, каждое лицо. Монотонная речь бабушки прерывается то неожиданным восторгом, то бурными воспоминаниями молодости, а то и слезы появятся на глазах. Однажды, когда мы в очередной раз обратились к альбомам, бабушка запела песню своей любимой исполнительницы Эдиты Пьехи:

«Все, чего не расскажешь словами,
фотографии скажут про нас.
Сколько всякого мы позабыли, сколько снова забудем потом.
Чтобы вспомнить, какими мы были, загляните в семейный альбом».

Как правы были и певица, и бабушка! Среди семейных реликвий хранился армейский альбом моего дедушки, которого я, к сожалению, в живых не застала. Но всегда неподдельный интерес вызывал его альбом «Воспоминания о моем пребывании в ГДР».

Звездный час альбома настал во время изучения в школе курса новейшей истории и рассказа моей учительницы об образовании двух государств — ФРГ и ГДР, о строительстве Северного городка в городе Береза для семей военнослужащих после вывода советских войск из ГДР. Альбом дедушки я смотрела другими глазами, далеко уже не детскими, а с интересом исследователя и хранителя семейных традиций.

Альбом с фотографиями впечатлил не только меня, но и учителя истории Непарко Валерия Александровича, краеведа, заместителя председателя общественной организации «Белорусский союз офицеров», подполковника в отставке, который любезно согласился мне помочь.

Мой дедушка, Литвинюк Василий Федорович, служил в ГДР. Удивляет креативность и красочность альбома, но он совершенно не похож на привычный нам альбом с обложкой и любимыми фотографиями. Все форзацы ярко раскрашены рисунками, связанными со службой или войной (Георгиевская лента, автомат, «Вечный огонь», значок с надписью «Отечественная война»). Надпись ГСВГ 730 расшифровывается как группа советских войск в Германии, 730 — количество дней службы. На следующей странице я заметила приклеенный лист. Это была повестка. Из-за лакового покрытия и времени буквы плохо читаются, однако кое-что можно разобрать: «Призывнику Литвинюк Василию Фед., форма № 29 К.ст. 95, проживающему Октябрьская, 43

ПОВЕСТКА

На основании Закона о всеобщей обязанности Вы призваны на длительную военную службу и зачислены в команду № 27.

Приказываю Вам «27» апреля 1977 г. к «17» часам явиться для отправки на сборный пункт по адресу: Райвоенкомат. 8 апреля 1977 г.»

По известным данным служба была срочной (1977-1979 гг.). На первой странице форзаца написано: «27.04.77 — 11.05.77. Пуховичи» — подготовка к службе. Ниже: «12.05.77 г. – 1.05.79 г. Schönwalde». Значит, служил дедушка в немецком городе Шенвальде. Дедушка рассказывал бабушке, что месяц длилась войсковая подготовка под Минском, затем на самолете их отправили в Германию.

Благодаря В. А. Непарко мне удалось узнать, в какой военной части проходила служба: 71 отдельный полк радиоэлектронной борьбы, в/ч — 58390.

Дедушка жил в деревне Чижевщина Жабинковского района Брестской области. Закончил Пружанский совхоз-техникум. В ГДР возил командира части. Моя бабушка рассказа-

ла, что только по хорошим характеристикам из школы и техникума Василия Федоровича могли взять водителем командира.

Переворачивая страницы альбома, можно увидеть фотографии армейской службы. Событий много, везде отражена советская идеология.

Обращает на себя внимание первая постановочная фотография. Справа — флаг БССР, на заднем плане — казармы. В то время в состав СССР входило 15 союзных республик, и, по словам очевидцев, в каждом военном городке были флаги всех советских республик. Неудивительно, что солдаты фотографировались около советского флага. Обратим внимание на форму одежды: все пуговицы застегнуты, ремни подтянуты. Даже по этой аккуратности обмундирования можно смело сказать, что мой дедушка служил в воинской части, где соблюдалась строгая дисциплина. Внимание привлекает и хороший велосипед, однако таких вещей у обычных солдат быть не могло. Возможно, он принадлежал офицеру или прапорщику, а солдаты попросили сфотографироваться. Ведь в СССР таких моделей тогда еще не было.

Среди фотографий армейских будней нашлись снимки, которые отражали и праздники. Например, на второй фотографии армейцы сидят возле новогодней елки.

Я обратила внимание на скромное убранство деревца: небольшие шары, самодельные гирлянды-фонарики из бумаги, мишура. Позади на стенах — советская символика. Такие помещения называли ленинской комнатой. Здесь собирали личный состав для проведения политических занятий, партийных и комсомольских собраний, читали свежие газеты, писали письма родным, играли в настольные игры. Ленинская комната — яркая, красочная. Ее задача — пропаганда советской идеологии, военной и политической подготовки. Стенды в ленинской комнате были традиционными для советских времен: заветы воинам, солдатские будни, фотографии истории части, портреты членов Политбюро ЦК КПСС. Возможно, среди них была фотография К. Т. Мазурова, который до 1978 г. был членом Политбюро ЦК КПСС, а кандидатом — П. М. Машеров. Тщетны оказались мои попытки найти на фотографиях самый главный атрибут ленинской комнаты — бюст В.И. Ленина.

На заднем плане — сравнительный стенд достижений народного хозяйства СССР в 1976 и 1977 гг., где указаны в млн. т добыча нефти, газа, угля, выплавка стали, чугуна, производство цемента. На этом фотоснимке хорошо видна форма военнослужащих и наградные значки. Например, мой дедушка, Василий Федорович, имел 4 награды. Первые две, скорее всего, за боевые заслуги, третий значок — специалист 3-го класса, четвертый — отличник Советской Армии. Нашивки «СА» — Советская Армия.

Самой интересной фотографией я считаю третий снимок. Снова заветы В. Ленина: «Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом». Множество плакатов с требованиями глубоко изучить решения XXV съезда КПСС и Конституцию СССР, лозунги, правила. Виден стенд с фотографиями и надписью «Солдатские будни». На фото солдаты в ленинской комнате, а перед ними — праздничный стол. Возможно, это было празднование Нового года, но иногда в отдельных подразделениях разрешали особые праздники — «дембельский чай». Обычно это происходило перед увольнением старослужащих в запас. На столе могли быть конфеты, безалкогольные напитки. Очередная антиалкогольная кампания под лозунгом «Пьянству – бой!» началась в 1972 г. Было расширено производство безалкогольных напитков. Спиртного никак не могло оказаться на столах военнослужащих, не положено. Что же тогда находится на праздничном столе? Мы можем увидеть три вида напитков. Загадочные прозрачные, темные и белые бутылки. В темных бутылках могла быть кока-кола, ведь ее изобрели еще в XIX веке, или напиток «Байкал», но на третьем снимке видна этикетка с символами «Са», что все-таки могло означать «Coca – Cola». В СССР в то время кока-колы не было. На четвертой фотографии по этикеткам можно догадаться, что это напиток «Байкал». Что касается напитков в прозрачных бутылках, то предположительно это — лимонад или же обычная минеральная вода. Ну, а с «белыми» все понятно — молоко или кефир. Кроме напитков могли быть вафельные батончики, шоколад или конфеты. На столе отсутствуют стаканы и кружки.

Если рассмотреть третью и четвертую фотографии, то видно, что это два разных торжества. На четвертом снимке нет скатерти, что может свидетельствовать о небольшом торжестве, а на третьем фото скатерть есть, и мужчины даже пьют на брудершафт!

На стендах на четвертой фотографии видна строчка стихов Ольги Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто», она отражает тему событий Великой Отечественной войны. Справа описаны «самоотверженные поступки» Александра Матросова и Николая Гастелло.

Слева — заглавие «СССР — ГДР — Freundschaft», что означает «дружба», которая освещена рубрикой ежегодного товарооборота между ГДР и СССР. Например, удалось прочитать: «Ежегодно по нефтепроводу «Дружба» ГДР получает 45 тыс. т нефти».

На четвертой фотографии у военнослужащих на столе стоят кружки, но отсутствует кока-кола.

На всех фотографиях армейского альбома солдаты закрывают номера машин, а на одной он даже закрашен маркером. Я узнала, что до сих пор военнослужащим запрещено фотографировать номера бортовых автомобилей, потому что по ним можно определить воинскую часть.

Какая чудесная память — этот армейский альбом! Я не только узнала о своем дедушке, но и окунулась в армейские будни второй половины семидесятых годов прошлого века. В ходе исследования оказалось, что такие альбомы было запрещено создавать. Не все солдаты довозили их домой, бывало, что их просто рвали. Как я благодарна своим дедушке и бабушке, что они смогли сохранить этот уникальный исторический документ не только как память, но и как ценный источник информации!

Никогда бы не подумала, что это может оказаться так интересно.

Казалось бы, что может скрываться за армейскими фотографиями? Оказывается, очень много новой информации может подарить даже самый обычный снимок с велосипедом или ничем не привлекательная, на первый взгляд, фотография праздника. А сколько нового принесли и другие фотографии альбома!

Мне стало интересно, делают ли сейчас армейские альбомы? Расспросила своих знакомых и, к моему удивлению, выяснила, что их по-прежнему делают, правда, не все.

Проходит время, эпоха, меняются люди и лица, приоритеты и стратегии. А человеческая память остается на фотографиях в альбоме, где есть место долгу, патриотизму, дружбе, тоске по Родине и любимой девушке, отголоску строк из песни: «Чтобы жизнь повторилась сначала, загляните в семейный альбом».

Мы хотели выглядеть хорошо…

Седько Александра

Есть фотографии в альбоме старом —
Подумать страшно,
сколько им уж лет! —
Остановилось время в
кадре каждом.
Мне очень дорог
черно-белый цвет…

Однажды у бабушки на шкафу я нашла старый семейный альбом. На нем был толстый слой пыли, и поэтому было понятно, что его давно никто не открывал. Когда я начала просматривать альбом, мне как будто открылся новый мир: я узнала много интересного о моей семье и времени, в котором они жили. Здесь были и детские фотографии моей мамы, и армейские фото отца, но больше всего мне в душу запали фото бабушки. На них она еще совсем молода: вот бабушка со своей сестрой Ольгой, а здесь — фото со свадьбы. Бабушка вышла замуж в далекие 1970-е. Меня очень поразило, как она выглядела. Несмотря на все трудности того времени, у женщин получалось выглядеть модно, красиво, современно. И тогда я решила спросить у бабушки, как же им это удавалось.

—Конечно, у нас не было таких возможностей, как сейчас: не существовало интернета, не видели журналов и газет с изображениями моделей, в магазинах ассортимент был невелик. В основном, мы сами покупали ткань и обращались в ателье к профессиональным портным или к мастерицам, работающим на дому. Они и подсказывали фасон, крой, подходящий под фигуру. А иногда мы сами высказывали пожелания, замечания. И таким образом создавался уникальный наряд, — вспоминает бабушка.

Позже она рассказала о том, как молодые девчата искали новые модели. Они наблюдали, как выглядят их сверстницы — ведущие телепередач, тем более, что в то время телевидение уже играло большую роль в формировании взглядов у людей, оно влияло на восприятие мира, в том числе и диктовало моду. Девушки во всем подражали телеведущим, старались выглядеть не хуже, а иногда даже и лучше. Это сейчас мы можем зайти в интернет-магазин, выбрать понравившуюся вещь и заказать доставку на дом. А в те времена намного тяжелее было модничать.

Я листаю страницы альбома, и мой взгляд задерживается на свадебной фотографии. На ней запечатлены мои бабушка и дедушка. Их свадьба состоялась в январе 1974 года в городе Барановичи на Брестчине. Первое, что я увидела — молодость, красота, счастье в глазах моих родных. Рассмотрев фотографию, я заинтересовалась нарядом невесты. Образ был довольно необычный: объёмный венок на голове, фата, закрепленная на макушке, завышенная горловина — фасон платья довольно непривычный для нашего времени. Все это выглядело очень красиво, женственно, опрятно. Как же бабушке удалось собрать такой образ?

— В то время свадебное платье найти в магазине было практически невозможно, и поэтому я заранее (месяца за 3–4) купила очень красивую гипюровую ткань. Отнесла ее в ателье, рассказала мастеру свои пожелания насчет фасона, украшений, каких-то деталей. Платье получилось длинное, с кружевными рукавами, завышенной горловиной, очень изящное и элегантное. Фату мне пришлось брать напрокат. Мне она очень нравилась: длинная, почти равнялась с длиной платья. Также у меня были кружевные перчатки, которые очень точно подчеркивали красоту женской руки. Помимо этого, существовала традиция: у невесты на голове обязательно должен быть пышный венок. У меня он был из белых искусственных цветов. Этот веночек я купила в универмаге Барановичей (на рынках в то время продавали, в основном, сельскохозяйственную продукцию, встретить палатку с одеждой и обувью было большой редкостью) в отделе для молодоженов, — пояснила бабушка. — Такие отделы были очень распространены, в них можно было найти свадебную фурнитуру: фату, красивые бокалы, различные украшения. Здесь же я подобрала туфли. На фату прикреплялись листья живого папоротника, который рос почти у каждого в доме.

Бабушка в 26 лет переехала из Барановичей Брестской области в городской поселок Лоев на Гомельщине, на родину дедушки. И я решила спросить, отличалась ли мода в разных регионах Беларуси. Ведь Брестская область ближе к западным странам и, как я предполагала, подвержена их влиянию. А Лоев ближе к Украине, и мода в этих регионах могла отличаться. Но бабушка опровергла мои предположения:

— Я не почувствовала и не заметила значительных различий между нарядами женщин двух разных областей. Девушки одевались в одном стиле: аккуратные платья, опрятные юбки, неброские блузки, реже брюки и футболки.

— А какие вы предпочитали украшения? На фото я вижу у тебя перламутровые серьги. Это было твое единственное украшение?

— Да, я носила небольшие серьги, но они не были единственными. Периодически мы ходили в магазин, где продавалась различная бижутерия. Там мы покупали сережки из обычного металла (золотые и серебряные украшения не все могли себе позволить). Бусы и ожерелья надевали редко, браслеты не были в моде, а кольца, в основном, носили только обручальные.

— А во сколько лет ты проколола уши?

— Лет в 18. Тогда мы не обращались к профессионалам: собрались девчонки и прокололи уши друг другу с помощью обычной иголки. Мы хотели выглядеть модно и поэтому были готовы немного потерпеть. В более раннем возрасте уши не прокалывали, так как в школу не разрешалось носить украшения.

Когда бабушка закончила свой рассказ, мне стало интересно, а как одевалась ее мама, моя прабабушка, какая была мода во времена ее молодости. Но бабушка сказала, что не знает таких подробностей: мама не рассказывала об этом, и фотографий не сохранилось. Бабушка посоветовала сходить к Елене Тимофеевне Пинчук, учительнице русского языка и литературы. Ей уже 88 лет, а когда-то в Лоеве она считалась модницей: всегда ходила

в элегантном наряде и в красивой шляпке, к каждому костюму — своя.
Меня и сотрудников Лоевского музея битвы за Днепр, вместе с которыми я пришла записывать интервью, Елена Тимофеевна очень любезно встретила:
— Нам приходилось комбинировать и шить что-то из того, что удавалось найти. Послевоенные годы были сложными. Особенно хорошо помню беленькую блузочку. Ее часто просили одолжить на выступления или торжества. А история этой блузки началась еще в 1943 году. В школу я пошла 1 января 1944 года в третий класс. Но тут встал вопрос, а в чем же туда идти? Солдаты дали моей маме серое одеяло, не совсем протертое, почти новое. Мама сшила мне из него серое теплое школьное платье. Вот в этом солдатском одеяле я проучилась третий и четвертый классы. Оно мне так надоело! С тех пор я не люблю серый цвет, — улыбаясь, вспоминала Елена Тимофеевна. — С приходом весны ходить в теплом платье было жарко. И тогда моя тетя дала маме кусок ткани, из которой шили шторы. Ткань голубая, с большими цветами. На платье ее не хватило, зато на сарафанчик было достаточно. К нему мама сшила замечательную белую блузочку, мягенькую, шелковую. Это и был тот наряд, который многие просили одолжить.
Когда блузка уже совсем износилась, Елена Тимофеевна узнала, что ткань на беленькую блузку мама выкроила из рубашки убитого немецкого солдата. Верх был прострелен и испачкан кровью. Мама Елены Тимофеевны отрезала его, выстирала ткань и сшила эту памятную блузочку.
— Если бы вы знали, из чего сшита блузка, смогли бы ее носить? — поинтересовалась я, ошарашенная такой историей.
— Мама понимала, что, если мне будет известно, откуда эта блузка, я никогда в жизни ее не надену. Ведь она сама не смогла носить пальто, перешитое из немецкой шинели, какое бы оно ни было красивое и теплое: она все равно ходила в курточке, но пальто не надевала. Вот такие были тяжелые времена.
Очень интересным мне показался фрагмент из рассказа моей собеседницы об оранжевом пальто. В 1945 году дядя Елены Тимофеевны из Германии прислал семье Пинчук посылку с одеждой: «Мы впервые увидели, что пальто может быть не черным, синим и прямым, а как платье — приталенным, к низу колокольчиком». В посылке оказалось пальто ярко-оранжевого цвета.
— Это было чудо, а не пальто! Я все думала, как же его носить? Рискнула! Надела! Проходила я в этом оранжевом пальто вплоть до 10 класса (с 1945 по 1951 год!) и поехала в нем в Ленинград, поступать в институт.
—Трудно было с одеждой и тканями, не до моды. Приходилось как-то обходиться, — далее с большой гордостью рассказала Елена Тимофеевна историю еще одного платьица. В нем я увидела Елену Тимофеевну на черно-белом снимке в ее альбоме.
По карточке мама Елены Тимофеевны купила простую ситцевую ткань для постельного белья. Казалось бы, какой модный наряд можно из этого сшить? Но Елена Тимофеевна включила фантазию, нарисовала фасон. В это время в Лоеве было несколько портных, которые работали на дому. Елена Тимофеевна с рисунком платья направилась к глухонемой женщине. Ей нельзя было рассказать, но по эскизу она понимала. Портниха пожимала плечами, но за работу взялась. Через некоторое время Елена Тимофеевна принесла домой белоснежное платье.
— Уже дома я доработала образ. Нитками мулине синего цвета на воротнике вышила несколько полосок. Так платье стало похоже на моряцкое.
Страстью Елены Тимофеевны были шляпки. К моряцкому платью она придумала панаму-шляпу. Без навы-

ков закройщицы, просто включив смекалку, Елена Тимофеевна сшила шляпу.
— Очень много идей я черпала из журналов мод, — продолжает Елена Тимофеевна. — Но в Лоеве их было очень тяжело достать: на все местечко привозили один экземпляр. Надо было точно узнать, когда его привезут, занять очередь заранее, и тогда, если повезет, стать его счастливой обладательницей. К нам в Лоев привозили журнал мод из самой Риги — очень по-европейски, по-заграничному он выглядел… Благодаря нему я придумала много интересных и нестандартных вещей, а сохранившуюся подборку журналов теперь передала в Лоевский музей.
По дороге домой я решила мысленно подытожить все, что услышала и узнала в этот день.
Условия жизни, социальные и экономические, заставляли людей разных профессий приспосабливаться, а в некоторых случаях бороться, в том числе с модными тенденциями. Рассказ Елены Тимофеевны наглядно показал, что молодые люди в ограниченных финансовых и ресурсных возможностях должны были обладать большим запасом знаний, иногда специфических. На это их толкало желание выглядеть красиво, оригинально и отличаться от сверстников. Многие знания уже неактуальны для современной молодежи в связи с развитием сферы услуг, промышленности и уровня жизни. Например, сегодня мало кто из моих сверстников сможет отличить ситец от штапеля или бязи. Наш словарный запас не содержит таких слов как «шестиклинка», «обрезной лиф» и др. Плохо это или хорошо? Не знаю. Думаю, что каждая эпоха диктует свои тенденции. Сегодняшней молодежи легче дается язык информационных технологий и инноваций. Для себя я сделала еще одно заключение. Проанализированный материал, представленный фотографиями и рассказами моей бабушки и Елены Тимофеевны, свидетельствует о большом влиянии социума на людей того времени. Девушки и юноши 1940–1950-х годов очень зависели от общественных установок. Молодых людей волновало мнение старшего поколения, людей с большим опытом.
Мода в прошлом, как и сейчас, формировалась под влиянием общества, времени, возможностей людей. Но все-таки мода тогда и сейчас отличается кардинально. Раньше девушки старались выглядеть аккуратно, красиво, хотели выделиться из толпы, но в тоже время одевались не вызывающе. Несмотря на то, что у них не было таких возможностей, как в современном мире, не было такого выбора и ассортимента в магазинах, не было интернета, чтобы посмотреть модные наряды и варианты сочетания различной одежды, они не отчаивались, шили сами или обращались к профессионалам, с большим трудом доставали ткань. И в результате всего этого у них получались наряды не хуже, чем сейчас продают в магазинах.
Еще сложнее было женщинам и девушкам в послевоенный период, ведь тогда не было совершенно ничего. Но люди как-то справлялись, не сдавались, находили выход, шили из того, что было, но, важно заметить, делали это так качественно, что вещи служили не один год. И получались по-настоящему женственными и красивыми.
Мода — непредсказуемое явление. Говорят, что она идет по кругу и время от времени возвращается. И кто знает, что будет в будущем. Но наверняка могу сказать, что мода — это повод для исследования.

Советская эпоха в зеркале свадебных фотографий

Толкун Анна,

Толкун Анастасия

В каждом доме есть семейные реликвии и ценности, котоМы очень любим бабушкин альбом... Старый, толстый, обшитый бордовым бархатом, хранящий на своих страницах историю длиною в жизнь. Бабушка, Протокович Анна Васильевна, нередко вспоминает, листая его страницы, свою «советскую молодость». Мы обратили внимание, что особенно много в альбоме свадебных фотографий 1950-1990 гг., и решили исследовать несколько самых интересных, определив главных героев, место, время, особенности организации, традиции этого важного в жизни любой семьи мероприятия.

Целью исследования стал анализ семейного альбома, в частности, свадебных фотографий, и изучение на их основе особенностей традиции свадебных торжеств как одного из показателей развития общества в советский период.

Самая ранняя фотография относится к 1952 году. Конец «сталинской зимы» и послевоенного восстановления. Жизнь была непростой, бедной, но наполненной задором и оптимизмом. Это снимок «комсомольской свадьбы», которая состоялась в городе Могилеве у Суворовой Анны и Ханюта Николая. Жених приходится бабушке братом. Тогда Анна училась в Могилевском пединституте, а Николай служил в рядах вооруженных сил СССР на срочной службе. Во время краткосрочного отпуска он сделал предложение Анне, от которого она не смогла отказаться. По советским законам военнослужащих расписывали в течение трёх дней. Свадьбу «справили быстро». Жених в военной форме, а невеста в лучшем, но не в свадебном, платье. На столе коронное блюдо того времени — «холодец», и ещё тушёнка, консервы, соленья. Гости — однокурсники невесты, 14-15 человек. Все сидят за небольшим столом, а молодые — в его центре. Свадьбу отметили в общежитии. Любой подарок гостя был ценным в послевоенное бедное время: на этой свадьбе друзья подарили столовый набор — редкость и большой дефицит по тем временам. Комсомольская свадьба — скорая, скромная, была характерна для послевоенного времени. Чуть позже фотографию с этой свадьбы получила вся родня. Традиция многих советских семей: обмениваться свадебными фото.

Как показали источники, понятие «советская свадьба» родилось только в 60-е годы, когда люди стали забывать о послевоенной нищете. Постаралось и государство, которое озадачилось введением достойных обрядов: появлялись ЗАГСы и Дворцы бракосочетаний. Свадебными днями стали, в основном, пятница и суббота. В 1964 году в СССР установили определенный срок ожидания регистрации брака (один месяц с момента подачи заявления), ввели институт свидетельства. В сельской местности брак регистрировали в сельсоветах, но тоже торжественно и красиво. С нашей точки зрения, интересной может быть фотография, сделанная в 1966 году на свадьбе бабушкиной сестры Зинаиды Хованской, которая выходила замуж за Евгения Лысюка. Мы дали ей образное название — «сельская свадьба». Церемония была «богатой»: родители невесты держали большое хозяйство. Поэтому на свадьбе много и родственников, и друзей. В деревне свадьбу старались отмечать в теплое время года. Столы для гостей размещали в доме, снимая перегородки между комнатами, а танцы устраивали на улице. Это постановочное фото. В центре — жених с невестой, сваты, свидетели и «дружина». Музыканты — ключевые персонажи: они делали праздник незабываемым. Особая черта — наличие скрипача как признак «интеллигентной» свадьбы в те годы. А здесь музыканты по совместительству ещё и друзья жениха! Бабушка говорит, что свадьба благодаря этому получилась незабываемой. Празднование проходило в деревне Головачи, в родительском доме невесты. Как бабушка упоминает, кульминационной песней был «Вальс расставания». На столе уже красовались «под шубой», голубцы и «оливье» — новомодные блюда советской кухни. А свадебный наряд невесты — кремовый мини-костюмчик, пошитый из польского кримплена. Мини-платья и короткая фата

в свадебной моде — яркая примета свадеб 60-70 годов! Именно этот наряд перешел «по наследству» вместе с фатой моей бабушке и сидел на ней «как влитой»! Так было во многих семьях. Одежду берегли. Эту сельскую свадьбу праздновали три дня: сначала у невесты, затем переезжали к жениху. И здесь случилось ЧП: водитель грузовика, на котором планировала переезжать молодёжь и музыканты к жениху, «наотмечался», «был под мухой», и продолжение могло сорваться, если бы не жених — мастер на все руки: он сам сел за руль! Позднее невеста стала крестной матерью нашей мамы, невзирая на расцвет атеизма.

В 1970-х годах в СССР стали возрождаться многие свадебные традиции, имеющие место и на современных церемониях: хлеб-соль, рушник, выкуп, конкурсы для новобрачных и прочее. И появилась новая — возложение цветов к памятникам воинам Великой Отечественной войны. Связано это было с началом мемориализации памяти о Великой Отечественной войне, которая началась в эпоху Н.С. Хрущёва и активно развивалась в брежневский период.

Следующий «стоп-кадр», сделанный в 1970 году, мы назвали «У окошка любимой». Это наш дед — Протокович Александр Владимирович. За день до свадьбы жениху с невестой было запрещено встречаться («всплыл» старый обычай). Это придумали для счастливой и долгой жизни, но дедушка был партийным человеком, начинающим сотрудником прокуратуры и в дедовские «забобоны» верить не хотел: накануне свадьбы стучит в окошко бабушки, приглашая на прогулку. Интересно, что с ним пришел друг с фотоаппаратом, и, если бы бабушка вышла (её не выпустили родители), могла бы получиться Love story, прямо как сейчас модно. Этот друг, Тимофей, стал крестным отцом нашей мамы.

Есть в семейном альбоме фотографии, которые отражают свадебные торжества в 80-годы. Бабушка говорит (это подтверждают и интернет–источники), что коронной песней того периода стала знаменитая и теперь «Свадьба» Арно Бабаджаняна на стихи Роберта Рождественского из репертуара Муслима Магомаева. Украшали банкетный зал и готовили развлечения для гостей чаще всего друзья молодых. В этот период в моду входят шляпки вместо фаты и платья в пол. Невесты с «химическими завивками», у женихов — прическа «на пробор». Фотографии чаще всего уже студийные, а не любительские: в брежневский период появился относительный достаток в семейном бюджете. А еще одна черта того времени — кукла-невеста на капоте автомобиля, в котором ехали молодожены. Так было на свадьбе Сергея Пословского и Светланы Бурчик (Мосты — Скидель) в 1981 году. С появлением куклы как персонажа свадьбы родились и определенные приметы. Одни рассказала нам бабушка, а другие мы нашли в интернет-источниках:

- Нельзя куклу на капот брать в прокате.

- Счастливая семейная жизнь ждет ту пару, которая сохранит свадебную куклу и в будущем украсит свадебный кортеж своих наследников.

- Если во время поездки из ЗАГСа кукла на капоте собьется в сторону, это обещает неожиданности в семейной жизни.

- Хорошим знаком считалось, если на куклу-невесту обратит внимание какой-нибудь ребенок — это к быстрым наследникам.

«Крали» на свадьбе не только невесту, ее туфельку, но и куклу с капота автомобиля, что сопровождалось веселым ритуалом выкупа.

Последний стоп-кадр – «лихие 90-е»! На этом снимке запечатлена свадьба маминой подруги Натальи, а мама (брюнетка справа) — свидетельница. Здесь уже виден новый подход к мероприятию: свадьба проходила в самом большом помещении для торжеств городского поселка Дятлово — столовой завода инвентарных зданий. В это время начинали делать «общие свадьбы», то есть приглашали родню и жениха, и невесты, и праздновали 2 дня. Примета времени: кризис — распад СССР! 1991 год — пик «челночничества». И как доказательство — турецкий свитер на одном из друзей жениха и кофточка из ангорки на сестре невесты. Жених и невеста — «неформалы своего времени», поэтому и одежда нетрадиционная, стрижка «блюз», причем и у жениха, и у невесты. Никаких белых рубашек и гипюровых платьев! Из 80-х перешли традиционные печенья: «розочки», «белочки» и «орешки». Новое блюдо — заливной язык (всё круто: никакого холодца!). Из старых свадебных обычаев «100 лят!», «Кто родился ...» и «День добрый» — весело, интересно, шумно. В 90-х свадьбы стали снимать на видеокамеру. Позволить эту «роскошь» мог не каждый, но на свадьбе Натальи и Виктора оператор был. И как многие свадьбы в нашей семье роднили друзей, так и эта не стала исключением. Невеста Наталья стала нашей крёстной мамой и дорогим членом семьи.

Наше исследование показало, что свадьба в те далекие годы — это:

- незабываемая встреча родни в разных сёлах и городах Советского союза;

- звонки с переговорных пунктов родственникам в другие города, телеграммы «Приезжаем. Ждите. Любим»;

- общение представителей разных поколений семьи;

- активная подготовка: часть продуктов закупалась, а в сельской местности хозяйки все готовили из собственных продуктов;

- место реализации чудаковатых «традиций дарения». Например, «дарим квохтуху, чтобы невеста поцеловала свекруху», «дарим кол, чтобы у молодых был полон стол!»... И так могло быть до бесконечности, пока сват не остановит «креативного гостя»;

- расширение родни через дальнейшее крещение детей. Бабушка говорит, что кумовья — это самая близкая родня, данная Богом;

- обмен фотоснимками. На многих из них забавные и милые надписи: «На долгую память», «О днях нашей юности», «Помни. Храни. Люби».

- в 90% случаев через 1-1,5 года— новые фотоснимки жениха и невесты: уже с новорожденным;

- новая любовь, пара из «дружины» и следующая свадьба.

Каждая фотография отражает тенденции того или иного этапа в развитии советского общества: исторические, гастрономические, модные.

Бабушкин альбом насчитывает около 30 фотографий свадеб разных лет. И о каждой можно слушать интересные истории: как проходила, что дарили, что произошло и так далее.

В советский период фотография отражала, как правило, культовое событие. Фотоаппарат был предметом необычным, редким. К нему владелец должен был докупить много оборудования: проявитель, фотоувеличитель, красный фонарь и т.д. Поэтому фотографировались по важным случаям. Каждый снимок — это и история, и память, и ценность, которую наша бабушка бережно хранит как важную часть своей жизни и молодости.

«У Божай міласці, у людской шчырасці будзе доўжыцца мой радавод»

(з гісторыі жыцця народнай майстрыхі Ліліі Радзівонаўны Зарэцкай)

Буяліч Вікторыя

Усё пакінуць след павінна,
Бо, як пачаўся белы свет,
Прамень, пясчынка і расінка
Нязменна пакідаюць след.
Пятрусь Броўка

Старажытныя рымляне гаварылі: «Думай пра смерць». А навошта пра яе думаць? Мы ж яшчэ маладыя, і наперадзе – цэлае жыццё. І ўсё ж такі трэба думаць. Чалавечае жыццё — не вечнае. А ў канцы жыццёвай дарогі кожны з нас павінен адказаць на пытанні: «Для чаго я жыў? Які след пакінуў пасля сябе? Якую памяць я пакіну сваім нашчадкам? Якім я буду прыкладам для іх?» І адразу напрошваюцца пытанні: «А ці помнім мы сваіх дзядоў-прадзедаў? А ці зможам адшукаць свае карані ў тысячагадовым радаводным дрэве Беларусі?»

Дзе карані твае,
Адкуль твой род пачаўся,
Ці з прыцемкаў быцця,
Ці з цемры небыцця…
Рыгор Барадулін

Звычайна, далей імён бабулі і дзядулі ніхто нічога не ведае. Праўда, апошнім часам многія кінуліся расшукваць па архівах запісы пра сваіх продкаў. І не толькі дзеля таго, каб дакладна аднавіць гісторыю прозвішча, колькі каб «выкапаць» у якім-небудзь калене шляхецкую костку. Хаця, калі такія звесткі знаходзяцца, гонар ім і хвала! Але не толькі блакітнай крывёю можна і трэба ганарыцца, не толькі высакародную годнасць берагчы.

Памятаць, адкуль твой род, чым ён адметны, чым таленавіты, кім слаўны быў, — аратымі ці пчалярамі, ганчарамі ці бондарамі, музыкамі ці ваярамі, — і захоўваць, перадаваць гэтую памяць, і падтрымліваць традыцыі роду. Берагчы гонар прозвішча — доўг кожнага нашчадка.

Я раскажу вам пра адну дзіўную жанчыну, якая прайшла цяжкія жыццёвыя пуцявіны і дарогі, на яе руках шмат слядоў, шрамаў, якія пакінула праца. Але, калі яна кладзе свае спрацаваныя мазолістыя рукі на стол, «быццам ад сонца, ад іх пасвятлее ў хаце і ў сэрцы». Цяпер яна член Беларускага саюза майстроў народнай творчасці, лаўрэат міжнародных фестываляў і выстаў, муза для паэтаў, пяшчотная маці і бабуля. Але ці ўсё далося гэтай жанчыне так проста? Аб усім па парадку…

Нарадзіўшыся падчас вайны (22 кастрычніка 1942 года) у сям`і простых сялян — земляробаў і жывёлаводаў, Лілія Зарэцкая пражыла складанае жыццё. Бацька ўдзельнічаў у ваенных дзеяннях, дайшоў да Берліна і жывым вярнуўся дамоў. Сям`я была вялікая, шматдзетная, трое дзетак памерлі яшчэ ў дзяцінстве. Пабудаваўшы дом, які затым спалілі немцы, вымушаны былі пераехаць у леснічоўку, дзе пражывалі разам з другімі сваякамі. Затым хату перанеслі ў месца, дзе планавалася заснаваць пасёлак. Скончыўшы 7 класаў, дзяўчынка пайшла працаваць у калгас. Але жыццё лепшым не стала… Бацькі стараліся забяспечыць дзяцей хаця б элементарнымі прадуктамі харчавання. Неўзабаве з`явіліся вербаўшчыкі, якія «падгаварылі маму і папу» паехаць на цаліну. Як і многія людзі ў той час, сям`я адправілася шукаць лепшай долі далёка ад Радзімы. 12 сутак ехалі ў вагоне! На новым месцы круглыя суткі 15-гадовая Лілія працавала даяркай. Было вельмі складана, але гэта толькі загартавала, закаліла дзяўчыну. Зарабіўшы грошы, змагла забяспечыць сабе дастойны пасаг. Уволю наеліся і хлеба. Сапраўды, цалінны хлеб быў самым танным. На фота (1958 год), якое мы бачым (арыгінал, на жаль, не захаваўся, толькі копія), адлюстраваны дзве сяброўкі, якія прыехалі на цаліну з адной мясцовасці. Каб захаваць памяць, дзяўчыны звярнуліся ў фотаатэлье, каб зрабіць фотаздымак. Сяброўкі ў прыгожых сукенках, якія тады былі «ў модзе». Маме Ліліі гэту сукенку дала доктарка. Сукенка была з вырваным падолам, таму па даўжыні ён адрозніваецца ад сукенкі сяброўкі. Гэта не засмуціла маладую дзяўчыну. Да таго ж яшчэ фальбонкі на рукавах надавалі асаблівую прыгажосць. Акуратна заплеценыя валасы надаюць фота яшчэ большую святочнасць. Дзяўчыны стаяць, трымаючы адна адну за рукі, што падкрэслівае іх моцную дружбу. На заднім плане бачны фон з гарамі і дрэвамі. Не зусім зразумела, чаму, бо для цалінных зямель былі характэрны, ў асноўным, стэпы.

Нягледзячы на звышвысокія ўраджаі, жадаемай стабільнасці дабіцца не ўдалося: у неўраджайныя гады на цаліне не маглі сабраць нават пасяўны фонд, сапраўднай бядой станавіліся пясчаныя буры. Асваенне цаліны ўступіла ў стадыю крызіса, эфектыўнасць апрацоўкі ўпала на 65%. І сям`я Ліліі вярнулася на Радзіму.

Замуж Лілія Радзівонаўна выйшла ў 1961 годзе. Шлюб быў зарэгістраваны 29 лістапада 1961 года, а вяселле адбылося 19 студзеня 1962 года. Быў калядны пост, таму маладыя вырашылі адкласці святкаванне. На вяселлі прысутнічалі ўсе родныя, як з боку маладой, так і з боку жаніха. Праходзіла вяселле па традыцыі: 2 сталы дома ў маладой, 2 сталы — ў жаніха. Бачна, што ўбранне гасцей было простым: жанчыны схавалі свае прычоскі пад хусткамі. Так як была ўжо зіма, усе ў верхнім адзенні. А вось маладая Лілія Радзівонаўна — ў прыгожай вясельнай сукенцы, якая перайшла ад дваюраднай сястры. Прыгожая фата з вяночкам і кветкамі, якія былі зроблены з тканіны, а яшчэ былі ўплецены галінкі руты. Штапельная сукенка з доўгімі рукавамі. «Тады так трэба было». Жаніх у рэгламентаваным строгім касцюме з гальштукам. Замест сучаснай бутаньеркі ў маладога звісае белая стужачка. Калі на вяселлі прысутнічалі дзеці, яны павінны былі быць апранутымі ў школьную форму. Усе госці стаяць насупраць дома, дзе пражываў свёкар Ліліі Радзівонаўны. На вяселлі прысутнічаў музыкант.

Але замужжа не прынесла дастатку і лепшых умоў жыцця. З маленькімі дзецьмі прыходзілася туліцца ў кухні, каля топкі, насупраць печкі. Лілія Радзівонаўна не была ў адпачынку па догляду за дзецьмі, дапамагалі, хто мог: бацькі, суседзі. Часта дзеці заставаліся адны. Калі яны падраслі, Лілія Радзівонаўна завочна скончыла 10 класаў. Пазней атрымала правы на ваджэнне матацыклам. Пасадзіўшы старэйшых дзяцей у матацыкл з каляскай, выязджала па справах. Дзеці ў сям`і выхоўваліся працай. Заўсёды прасіла маці «не крадзіце» і «не маніце». Усе дзеці выраслі паважанымі людзьмі!

На фота ўся сям`я Ліліі Радзівонаўны. Зроблена перад тым, як старэйшы сын павінен быў пайсці ў армію. Гэта апошняе фота, дзе сям`я сабралася разам: бацькі і дзеці... Праз год не стане мужа...

Атэльле знаходзілася ў Варапаева. Адзенне ва ўсіх, хто адлюстраваны на фота, лепшае. Яго сям`я ўжо магла сабе дазволіць купіць, так як працавалі за грошы, а не за працадні. Строгія касцюмы ў мужчын увайшлі ў моду якраз у 80-я гады, спалучаліся з кашуляй або вадалазкай. Шмат адзення для дзяцей Ліліі Радзівонаўна рабіла сама. Тыповыя жаночыя стрыжкі яшчэ нагадвалі стыль 70-х: гэта быў паж, выкананы пад кароткую хвалістую «шапачку», або карэ з чубком. Канцы валасоў і бакавыя пасмы звычайна завівалі вонкі, што, дарэчы, актуальна і для сённяшняй моды, ці ўнутр. Не менш папулярнымі заставаліся стрыжкі «пад хлопчыка», што таксама можна назіраць на фотаздымку. Адзенне і мужчын, і жанчын фактычна аднаго крою, за выключэннем Ліліі Радзівонаўны (яна дазволіла сабе ўбранне ў кветкі) і малодшай дачкі. Але недапушчальным у той час было адзенне з крыклівымі ўзорамі, глыбокімі выразамі, пагэтаму ўстаўкі і каўняры мелі месца быць. У дочак на фота блузы з шалевымі каўнярамі. Актуальнымі былі падкладзеныя плечкі ў жакетах. Але такімі прыгожымі не даводзілася быць часта: чакала праца ў кароўніку.

Пасля смерці мужа жанчына з дзецьмі пераязджае ў Навасёлкі. Гэта была добраўпарадкаваная па тых часах вёска: тут будавалася станцыя чыгункі, школа. Працаваць Лілія Радзівонаўна ўладкавалася на механізаваную ферму. Кіраўніком калгаса ў той час быў Алег Адольфавіч Валодзька (савецкі і беларускі спецыяліст у галіне сельскай гаспадаркі і жывёлагадоўлі, кіраўнік-рацыяналізатар, грамадскі дзеяч. Герой Сацыялістычнай Працы (1988). Заслужаны работнік сельскай гаспадаркі БССР.)

На фота ён абдымае рукой Лілію Радзівонаўну. Калектыў быў дружны, усе жанчыны маладыя, але не абыходзілася і без абгавораў. На працу людзі хадзілі ў белых халатах, нават у пакаёвых тапках. На фотаздымку можна назіраць, што ў некаторых даярак на нагах басаножкі. Ферма была новая, з высокімі столямі і асвятленнем, кароў даілі апаратамі, а не ўручную. Часта прыязджалі розныя дэлегацыі, ужо тады пачыналі наладжваць гаспадарчыя сувязі з Германіяй. Менавіта адтуль Алег Адольфавіч прывозіў сучаснае абсталяванне і сельскагаспадарчую тэхніку. Нездарма калгас «імя Суворава», а цяпер ААТ «Навасёлкі-Лучай» з`яўляецца адным з перадавых не толькі ў вобласці, але і ў рэспубліцы.

А потым прыйшла пенсія. Лілія Радзівонаўна пачала займацца любімай справай, якая і прынесла ёй славу на ўсю краіну. Нават у «Астанкіна» пабывала: яе запрасілі на праграму «Малахаў +»! Самай вядомай яе працай з`яўляецца «Дрэва жыцця роду Лапачонак з вёскі Макаршчына».

Узяўшы спачатку кавалак шпалеры, разам з дачкой Таццянай намалявалі ўсіх, каго ўспомнілі. Глыбока не капалі, тут бы жывых успомніць, а ўжо потым успаміналі продкаў. Усяго 87 імёнаў і 14 прозвішчаў (пачынаючы з 1830 года) родзічаў Ліліі Радзівонаўны. Цяпер нараджаюцца праўнукі і вышыўка папаўняецца новымі імёнамі. Але на гэтым майстрыха не спыняецца. Хутка ў Зміцера (унука) народзіцца сынок. І яго імя зойме сваё ганаровае месца ў «Дрэве жыцця».

І ў кожнага — свой лісточак на дрэве. Яго, гэтае дрэва, майстрыха будзе вышываць, пакуль будзе жыць... Яшчэ яна вышыла вялікае палатно, прысвечанае беларускім пісьменнікам-класікам; карты свайго раёна і Беларусі... Дапамагала дачцэ Тані вышыць вялікі абраз святога Тадэвуша для касцёла ў вёсцы Лучай, што на Пастаўшчыне. Так старалася, што 35 дзён на вуліцу не выходзіла... Вышыла 8 абразоў свяціцеля Мікалая, 40 карцін, 15 дываноў... А ўжо колькі ручнікоў, абрусаў, навалачак ды падушачак... Раздарыла вельмі шмат: Надзеі Ермаковай, Ірыне Дарафеевай, Дзмітрыю Калдуну, шмат-шмат каму па ўсім свеце... Наскубла яшчэ пер'я і пашыла сваім родным 16 пуховых коўдраў, пад сотню дыванкоў звязала... Сярод работ — такія, якіх ні ў кога няма: гербы гарадоў-пабрацімаў Пастаў, карта раёна і Беларусі, многа вялікіх дываноў, мабыць, 300 падушачак без уліку тых, якія раздарыла. А адну карціну падарыла нават Прэзідэнту Беларусі падчас яго візіту на Пастаўшчыну.

У заключэнні хочацца напісаць, што, дзякуючы такім людзям як Лілія Радзівонаўна, на нашай зямлі захоўваюцца традыцыі папярэдніх пакаленняў, якія перадаюцца і нашчадкам. А гледзячы на нашчадкаў нашай гераіні, хочацца верыць, што яе род будзе доўжыцца яшчэ не адно стагоддзе, а традыцыі Ліліі Радзівонаўны прадоўжацца ў добрых справах яе ўнукаў і праўнукаў.

Каб калыскі сваёй не забыцца,
Каб не счэзнуць сярод нягод,
Прахалодай спрадвечнай крыніцы
Наталі мяне, мой радавод.
Маю памяць стагоддзям
не вынішчыць,
Маёй сцежкі не звесці ў прыгнёт –
Ад маны і ад лёсу рабініча
Беражы мяне, мой радавод.
У валошках, якім не выцвісці,
У вольных спевах вясновых чарод,
У Божай міласці, у людской шчырасці
Будзе доўжыцца мой радавод!
(Я. Пясецкі, верш прысвечаны Л.Р. Зарэцкай)

Формирование домашней библиотеки. Её роль в повседневной жизни семьи

Плевако Антон

В родительском доме моей матери, Аллы Леонидовны Коркотко, бережно хранятся книги. Они не просто составляют часть интерьера дома, а многие годы, десятилетия живут здесь, делая жизнь членов всей нашей семьи более духовной, интересной.

Хранятся здесь и семейные альбомы с фотографиями, собранными с конца 70-х годов. На многих из них — мой дед, Леонид Михайлович Коркотко, учитель, музыкант, поэт. И, что интересно, и он, и моя мама, и маленький я часто запечатлены на фоне книг. Я много слышал от бабушки и мамы о том, как дед любил книги, долго их собирал, был настоящим библиофилом.

Вот я и решил в этой работе рассказать историю создания нашей семейной библиотеки и её влияние на членов моей семьи.

В словаре иностранных слов значение слова «библиофил» объясняется так: «любитель и знаток книг, собиратель редких, имеющих особую ценность изданий». А библиотека — это «собрание печатных, а также рукописных материалов».

Увлечение книгами началось у моего дедушки Леонида Михайловича в студенчестве, которое попало на 70-е годы. Ему посчастливилось побывать в доме профессора Алексея Михайловича Петкевича, своего куратора, истинного интеллигента, писателя, патриота. Основным элементом интерьера там были книги. Молодой человек сделал вывод, что личность его уважаемого педагога сформировали именно они, и решил последовать этому примеру. На покупку книг Леонид Михайлович расходовал часть стипендии и денег, присылаемых родителями на питание. Часто голодал, зато книг у него прибавлялось. Тем более, что в Гродно их было просто купить. Из магазинов «Школьник», «Раніца» молодой человек не выходил часами. Многие издания помогали в учёбе. Так, в букинистическом отделе парень покупал некоторые произведения зарубежной литературы, которые изучались в программе филологического факультета, а взять их в библиотеке было трудно. Первой книгой по белорусской литературе, приобретённой для домашней библиотеки, был сборник стихотворений Анатолия Вертинского «Чалавечы знак». Навсегда полюбил Леонид стихи этого поэта, а сборник бережно хранил как память о юности.

В 1972 году Леонид Михайлович женился на своей однокурснице Марии, окончил институт и начал работать учителем белорусского языка и литературы в школе-интернате. На новоселье теща подарила ему вместительный книжный шкаф, позже были приобретены книжные стеллажи. Когда молодая семья переезжала в свою квартиру по улице Пионерской, соседи думали, что там откроется библиотека, так много выгрузили книг. И действительно, книгами семьи Коркотко пользовались не только их дети, друзья и родственники, но и многие соседи, ученики Марии Викторовны и Леонида Михайловича.

В 1974 году Леонида призвали в армию, он служил в ракетных войсках города Бобруйска. Часто писал жене, волновался за дочку Аллу, которой шёл 2-й год. Большой радостью для него была информация о новых книгах, покупкой которых в его отсутствие занималась жена. В частности, она оформила подписку на детскую энциклопедию «Что такое? Кто такой?», 5-томное собрание сочинений А. Грина, купила книги А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника «Я з вогненнай вёскі».

Кстати, упоминая о подписных изданиях, хочется отметить, что в библиотеке моего дедушки собраны издания всех белорусских классиков, много русских: Брюсова, Солженицына, Пикуля, Горького, Чехова, Толстого, Пушкина, Островского и др.

Позже Леонид Михайлович стал собирать книги различных серий: «Жизнь замечательных людей», «Библиотека приключений и фантастики», «Школьная библиотека», «Классики и современники» и др. Увлекался он и всемирной литературой.

Раньше не было большого ассортимента книг. Чтобы приобрести то или другое издание для домашней библиотеки, приходилось долго стоять в очереди, сдавать макулатуру в обмен на популярную новинку, получать 1 том по подписке раз в месяц.

Книги нашей домашней библиотеки расставлены по тематическим разделам: русская классическая литература, зарубежная литература, детская литература, белорусская литература, фантастика и приключения, энциклопедии и словари. До смерти дедушки в 2008 году библиотека насчитывала 2000 экземпляров. После его смерти часть учебной и художественной литературы семья подарила городской библиотеке. Сейчас наша домашняя библиотека исчисляется приблизительно 1500 экземплярами.

Доброй традицией в семье Коркотко стало приобретение хороших книг в подарок, на память. Так, будущей жене Леонид Михайлович подарил 3-томник В.Маяковского. В честь рождения сына супруги подписались на «Энцыклапедыю літаратуры і мастацтва Беларусі». Как же радовалась вся семья, когда в 1987 году в 5-м томе этой серии на странице 594 Леонид Михайлович нашёл статью о родственнике своей жены по бабушкиной линии Шутовиче Иване Иосифовиче, белорусском публицисте, общественном и культурном деятеле. Из далёкой Москвы, со съезда работников народного образования бабушка привезла подарок — «Советский энциклопедический словарь» 1987 года издания под редакцией А.М. Горохова. Он не только служил семье справочником, но и напоминал о той важной поездке. Моей маме на 17-летие был подарен очень редкий в те времена роман М. Митчелл «Унесённые ветром» в 2-х томах, а мне на 4-летие дедушка подарил «Большую энциклопедию сказок», которую я бережно храню, тем более, что это был его последний подарок. Из поездки в Калининград на экскурсию Леонид Михайлович привёз собрание сочинений В. Пикуля.

Энциклопедии в семье Коркотко всегда были хорошими помощниками в педагогическом труде, в воспитании детей. Так, много лет собиралась «Беларуская савецкая энцыклапедыя» в 12 томах. Большим спросом пользовались энциклопедические словари: «Янка Купала» 1986 года издания, «Францыск Скарына і яго час» 1988 г., «Беларуская этнаграфія» 1989 г., «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» 1990 г., «Беларуская мова» 1994 г., «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» 1995 г. Хорошими помощниками членам семьи, трое из которых были филологами, стали академические издания: «Слоўнік беларускай мовы» 1987 г., «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» в 5-ти томах 1977-1984 гг., «Русско-белорусский словарь» в 2-х томах, «Словарь иностранных слов» 1989 года издания.

Есть в домашней библиотеке и произведения писателей, которые в своё время были запрещены. Это сочинения Булгакова, Солженицына, Набокова, Ахматовой.

Мама продолжала пополнять домашнюю библиотеку. В детстве она очень любила читать исторические романы, в студенчестве интересовалась искусством. Поэтому в доме появлялись книги А. Дюма и Б. Акунина, красочные альбомы по истории живописи и архитектуры.

Как известно, литература, которую преподавали хозяева библиотеки, тесно связана с культурой. Поэтому в семейном хранилище есть много книг о знаменитых композиторах, скульпторах, иллюстрированные альбомы, посвящённые творчеству знаменитых художников, монографии по истории театра и кино. Когда моя мать поступила в музыкальную школу, в домашней библиотеке стали появляться книги по музыкальной культуре, ноты. Добрая традиция продолжается: из каждой поездки, экскурсии мы привозим книги по искусству.

Важной частью библиотеки являются тетради, журналы, сборники, связанные с творчеством моего деда Леонида Коркотко. Поэт-самоучка оставил 6 общих тетрадей стихов. При жизни он публиковал некоторые из них в районной газете, в журнале «Першацвет». Бережно хранятся в нашей семье его книги: «З паэтычных сшыткаў», изданная в 2009 году в издательстве средней школы № 1 г. Ошмяны; «Натхненне» — 2010 г, издатель А. Печенко. Жаль, что при жизни мой дед не успел издать все свои стихи, в сборники вошла только небольшая их часть. Я надеюсь, что когда-нибудь я смогу издать книгу с полным собранием дедушкиных стихов. А пока я выпустил электронную книгу стихов Л.Коркотко с тематической подборкой произведений, посвящённых Гродненщине «З паэтычных сшыткаў». Это мой, пусть и маленький пока, вклад в домашнюю библиотеку. Я благодарен деду за собранную им библиотеку, за возможность пользоваться ею, а свои мысли о нём попробовал выразить в этом триолете:

Жыццё трымалася на трох кітах:
Надзеі, кнігах і любові.
Не трэ было паэту болей,
Жыццё трымалася на трох кітах.
Кароткім быў яго жыццёвы шлях,
І адышоў ён з сумным стогнам: «Ах!»
Жыццё ж трымалася на трох кітах:
Надзеі, кнігах і любові.

Дом — это храм. Частью этого храма была и остаётся библиотека. Так было и есть в доме бабушки Марии. Так установлено и в нашей семье Плевако, семье учителей в третьем поколении. Здесь помимо моих родителей, меня и младших братьев, живут книги. Некоторые из них родители читали ещё в своём детстве. Другие приобретены для меня и братьев. У каждого из нас есть свои книжные полки. На моих — около 40 книг. Первые из них мне подарили родители, бабушки и дедушки. Помню, как у меня появилась каждая книга. В основном, в моей личной библиотеке художественная литература. Это книги из серии «Школьная библиотека», детективы Ю. Ситникова, романы С. Кинга. Есть научно-популярные издания,

8 томов энциклопедии «Я познаю мир», а также мои любимые книги детства: «Энциклопедия динозавров», «Атлас удивительных животных», энциклопедия «Пираты», много сказочных повестей Э. Успенского, А Линдгрен, А. Рыбаков. Я бережно отношусь ко всем книгам, к этому меня приучили родители, дедушка и бабушка. Поэтому, я надеюсь, что они сохранятся надолго и достанутся нашим потомкам. Так, как и в нашей семье бережно хранятся редкие издания с автографами авторов: сборник стихов М. Танка, повесть В. Быкова «Знак бяды», методический справочник по белорусскому языку В. Лещинской; подборка журналов и газет военного времени «Раздавим фашистскую гадину» и «Партизанская дубинка», изданные в 1942-45 гг. В свои 15 лет я понимаю, что книги — это моё образование, грамотность, успешность.

Моего дедушки, Л.М. Коркотко, нет на свете уже 11 лет, но библиотека, формирование которой он считал делом своей жизни, и сегодня живёт с нами. Помогает в учёбе, формировании характеров, дарит удовольствие.

В современном мире книга как бумажный носитель информации уже не может считаться единственным источником знаний. По последним подсчётам статистов белорусская молодёжь в возрасте 15-24 лет читает только 7 минут в день, а самая читающая страна в мире — Китай. А ведь в 70-80 годы лидировал СССР. Я заинтересовался тем, сколько же читают белорусы, и нашёл информацию института социологии НАН Беларуси за прошлый год. Оказалось, что только 49% читают художественную литературу, почти столько же людей вообще не читают книг. 12% из опрошенных читают белорусскую литературу, а предпочтение отдают таким белорусским авторам как В. Короткевич, В. Быков, И. Мележ. Полученная информация заставила меня задуматься над вопросом, а что читают мои сверстники? Поэтому я провёл социологический опрос среди учащихся 10-11 классов. Респондентами выступили 47 человек. Читают книги все. Более 70% — программная литература. Любимые жанры — фэнтези, детектив, фантастика.

20% моих сверстников читают русскую литературу, 80% — зарубежную, но в русскоязычном переводе, 10% — белорусскую. Любимые белорусские авторы — Н. Батракова, С. Алексиевич, пишущие на русском языке. К сожалению, современные школьники отдают предпочтение иностранной литературе, а не своей. Но зато все 47 человек ответили утвердительно на вопрос о том, читают ли их родители. И почти у всех есть домашние библиотеки. Количество книг в них варьируется от 20-ти до 70-ти.

Для молодёжи века электронных технологий аудиокнига, электронная книга значат иногда больше, чем книга на бумажном носителе. И всё же, приятно осознавать, что ценность чтения не потеряна, а домашние библиотеки бережно сохраняются в семьях, передаются из поколения в поколение, дарят радость и памятные воспоминания.

«Руссо туристо! Облико морале!»

Филинович Анастасия

Современному человеку, чтобы съездить в любую страну мира, нужны только паспорт и деньги. Но всегда ли было так просто нашим гражданам путешествовать?

Часть современной молодёжи уверена, что в СССР существовал запрет на свободные поездки, и за границу попасть было практически невозможно. Это действительно так, но лишь отчасти.

Во время переноса школьного историко-краеведческого музея мне на глаза попался групповой снимок, на котором был изображён председатель колхоза «40 лет Октября» Балюк Владимир Иванович. Фото сделано во время турпоездки (как позже выяснится) в Болгарию. Изучив подробнее фотографию, удалось установить имена некоторых людей. Среди них — Минюк Андрей Кириллович. Вот к нему я и отправилась в гости.

Снимок сделан в середине 80-х годов в Болгарии, в городе Шипка. На фотографии изображена группа туристов на фоне Шипченского монастыря, который был построен в честь событий русско-турецкой войны. Как я узнала из Интернета, инициаторами строительства были Ольга Скобелева, мать генерала М.А. Скобелева, и граф Н.П. Игнатьев.

Что представляла собой туристическая поездка за границу для обычного советского гражданина в 1980-е годы? Чтобы получить ответ на этот вопрос, я изучила источники в интернете, а также взяла интервью у Андрея Кирилловича.

Мой собеседник вспоминает: «В 1980-е годы появились платные туристические путёвки. Чаще всего посещали Болгарию, Польшу, Чехословакию, Финляндию. В Союзе Болгария считалась самой «доступной» из стран. Но она в те времена была ещё какой заграницей! Наблюдая совсем другую жизнь, нежели в родных Советах, наши люди изумлялись изобилию на прилавках и сервису в отелях. А еще, конечно, кафе и рестораны, варьете…

Путёвку в Болгарию покупали за свои деньги. Поездка обошлась мне где-то в 1000 рублей, что было достаточно дорого по тем временам, а в семье росли четверо детей-школьников.

В Болгарию по путёвке из колхоза мы поехали самыми первыми. Балюк Владимир Иванович, наш председатель, заказал путёвки на целую группу. Думали, что будет ажиотаж, но большим спросом путёвки не пользовались, так как было очень дорого. В колхозе набрать нужное количество туристов не смогли, и поездка была под угрозой срыва, а уже делали загранпаспорта. Недостающих людей нашли в других районах».

После того как путевка попадала в руки счастливого туриста, начиналась процедура оформления выездных документов, которая представляла собой целый «бюрократический квест». К сожалению, мой собеседник всех деталей оформления документов не помнит: заграничные паспорта им делали организованно, занималось этим правление колхоза «40 лет Октября». Интересный момент: получая загранпаспорт, гражданин обязательно сдавал советский. И, наоборот, по возвращении из вояжа заграничный паспорт обменивался на обычный. Как правило, в такие турпоездки чаще всего отправлялись партийные и профсоюзные деятели, передовики производства. А Андрей Кириллович, хоть и был одним из лучших трактористов, оставался беспартийным. Скорее всего, ему помогло то, что путёвки не пользовались особым спросом, и поездка находилась под угрозой срыва.

Андрей Кириллович продолжает: «В Болгарию ездили или в 1985-м, или в 1986 году. Поездка была долгой: сначала нас везли поездом, а потом посадили в автобус. По пути следования ночевали в гостиницах. Пересечение границ тогда было простым: мы сидели в автобусе и ждали пограничников. Те проходили по салону, внимательно осматривая каждого туриста.

Поездка продолжалась 12 суток. По приезде в Болгарию нас сразу встретили. В Софии заселили в гостиницу и повели в ресторан. Всем было интересно попасть в варьете. Вход туда стоил 7 левов, но нам пошли навстречу и пустили бесплатно. В поездке было много молодых парней. Я всё шутил: «Пойдём, хлопцы, на варьете, посмотрим на красивых девчат».

Автобусом в сопровождении гида объездили всю Болгарию. Ночевали в гостиницах. Начали с Софии, также посетили Пловдив, Золотые Пески, были на Чёрном море. Очень понравился юмористический музей и памятник Чарли Чаплину. Программа путешествий обязательно включала посещение заводов, фабрик, сельскохозяйственных предприятий (местных аграрных кооперативов). После каждой экскурсии нас очень хорошо угощали.

Ездили везде группой в полном составе, селились в предписанной гостинице, ели в ресторане. А вот денег меняли немного — рублей пятьсот. На них надо было подарки купить, которые потом везли домой».

Наше государство очень «заботливо» относилось к расходам своих граждан и не позволяло тратить много денег. На тот момент при поездке в Болгарию разрешалось обменять на болгарские левы определённую сумму на каждого выезжающего (около 500 рублей). Кроме этого, можно было вывезти рубли (только десятирублевыми купюрами). Всё. На эти средства и предполагалось «ни в чем себе не отказывать». Оправданием служило то, что в путевку было все включено, даже экскурсии. А бегать по магазинам в поисках «тряпок» — советский турист не за этим приехал!

Меняли валюту 1 к 1, по декларации, без декларации поменять деньги было нельзя. Могли обмануть (здесь открывался простор для мошенников). Один из самых распространенных и простых способов обмануть советского туриста при обмене — дать ему не ту валюту. Также могли подсунуть фальшивые деньги (стали появляться в то время).

На вырученную местную валюту (левы) за границей покупались особо дефицитные вещи.

Андрей Кириллович вспоминает: «Нашли обмен валюты. Поменяли деньги без декларации. У одного из членов поездки с собой было денег больше, чем меняли по декларации (где-то 1000 рублей). Мы ему помогли с обменом. За это он нам купил бутылку коньяка «Плиски».

В магазинах товары можно было покупать не только за левы, но и за доллары. Болгарские магазины удивили лично меня тем, что в них совершенно спокойно продавались хорошие по качеству и дефицитнейшие в середине 1980-х годов в СССР товары. Одежду нормальную в магазинах можно было купить. Из поездки я привёз пальто из натуральной кожи, не куртку, а именно пальто. Модно тогда было. Покупали кроссовки, спортивные костюмы, детскую одежду».

Как я узнала из интернет-источников, многие туристы посещали церкви, где покупали крестики и иконки, которые часто потом конфисковывались на советской таможне. Иногда люди совершали уж совсем «немыслимые деяния»: ставили Богу свечку.

Мой собеседник вспомнил случай, который произошел с ним в Софии: «Посещали православную церковь. Некоторые из нашей группы даже не зашли внутрь, боялись. Но председатель колхоза Балюк Владимир Иванович зашёл. Я подошёл к Вере Стасевич и предложил поставить свечи. Купили 10 свечей за один лев и стали ставить. Когда это увидел В.И. Балюк, группу выгнали из церкви на площадь. К нам подошёл болгарин, наверное, священник, и предложил поставить свечи за нас со словами: «Уже будет вам, наверное!» Я ответил: «Будет так будет!» Затем подошел председатель и сказал: «Что вы делаете!!!» Я спокойно ответил: «Я православный, не коммунист. Может, тут кто из моих родственников погиб, когда воевал. Я за них свечу поставил». На этом конфликт был исчерпан. Хотя мне за этот «проступок» пришлось путёвку оплатить полностью, а остальным, более «послушным», — только 70%.

Болгары очень тепло и дружелюбно относились к нам, постоянно называли нас «братушки» и старались угодить во всех мелочах. Особо радовал болгарский язык: буквы на вывесках легко читались, речь была понятной. Можно ходить без гида и переводчика».

Советских туристов на территории других стран строго контролировали приставленные к любой группе сотрудники КГБ. Они следили, чтобы турпоездка за границу не превратилась в банальную пьянку. А если кто сбежит или решит не возвращаться на Родину, накажут с руководителя группы.

«Во время поездки произошёл один курьёзный случай, — продолжает свой рассказ мой собеседник. — Мы уже должны были возвращаться домой. Чемоданы собраны, в гостинице ждем автобус, чтобы ехать на ж/д вокзал. Поезд задерживался на два часа. Решили с Комбатом (кличка односельчанина, он был командиром комсомольского стройотряда) пойти выпить пива напоследок.

Кстати, бутылка пива стоила дороже, чем бутылка яблочного вина (90 копеек). У нас 0,5 бокал пива стоил 25 копеек, а в Болгарии — 1,5 лева. В Болгарии не принято пить пиво из бутылки, вино можно, а пиво — нет. Выпивать тоже можно только в специально предназначенных для этого местах (кафе, закусочные, бары и т.п.). Но мы выпивали около остановки автобуса, чтобы не было видно. Я своё пиво выпил и ушёл в гостиницу, а Комбат остался допивать. Как выяснится позже, возле него остановился проезжающий на жигулях болгарин и, узнав, что турист из СССР, пригласил его в гости, так как его жена была из Белгорода.

Все ждали Комбата, стали искать. Я был последним, кто общался с ним. Но и я не смог ничего сказать. Поехали мы на ж/д вокзал без него. Сотрудники КГБ хотели уже сообщать в посольство, что пропал человек. Из-за этого запретили всем выходить из автобуса.

В.И. Балюк предложил гиду вернуться в гостиницу, где жили, но и там нашего друга не оказалось. Как только вышли из гостиницы, подъезжает машина, выходит из неё Комбат, пьяный, еле на ногах стоит. Оказывается, болгарин завёз его к себе домой и угощал вином.

В Болгарии существует традиция, по которой ребёнку при рождении начинают заготавливать вино на свадьбу. У каждого местного жителя, кто жил в частном доме, обязательно был свой погреб, где и хранились бочки с вином. Вот там наш турист и «надегустировался». И с собой ещё дал ему болгарин капроновую 10-литровую канистру вина. Но Владимир Иванович Балюк был так зол, что выбросил её.

Как выяснилось позже, жена болгарина работала на ж/д вокзале кассиром, а в этот день у нее был выходной. Она звонила на работу, чтобы узнать про поезд. Поэтому Комбат и не спешил возвращаться гостиницу, знал, что поезд задерживается. А что тут такое ЧП, никто и не догадался. За это происшествие Комбат тоже заплатил за путёвку 100%, а не 70%.

Когда были на экскурсиях в церквях, многие покупали крестики и иконки, так как у нас таких совсем не продавали. При пересечении границы встал вопрос, куда это всё положить, чтобы не забрали.

Приходит таможенник, проверяет. Комбат лежит пьяный. Толкал, толкал его, бесполезно, не добудился. Проверил таможенник наши документы и спрашивает, много ли иконок и крестиков везём.

— У него, — показываю я на Комбата, — их полчемодана.

— У него?... — удивился таможенник и ушёл.

А мы действительно ему все иконки и крестики в чемодан сложили. Так и проехали, никто не проверил. Всё-таки уже начиналась «перестройка», и было не так строго, как раньше. «Железный занавес» постепенно падал…»

Снимку, послужившему первоосновой нашего повествования, уже более 30-ти лет. За это время поменялось многое. Больше нет на карте той страны, гражданами которой являлись наши туристы, а крестики и иконки можно приобрести и в наших храмах. Мы свободно путешествуем по миру, нас никто не контролирует, и из поездок чаще всего привозим сувениры и массу впечатлений, потому что спортивный костюм или хорошее пальто можно купить и дома.

Сейчас поездка за границу в большинстве случаев не является чем-то очень значимым, а в советское время это было каким-то особенным событием в жизни человека, иногда единственным. И память у людей оставалась на всю жизнь. Замечательное общение с моим собеседником — тому подтверждение. Надо было видеть, как оживился Андрей Кириллович при воспоминаниях об этом путешествии, о людях, с которыми тогда провёл время.

Фотографируя, мы документируем свою жизнь. Сотни, тысячи кадров складываются по крупицам в канву жизни каждого из нас, в историю семьи, страны, мира.

Не думаю, что кто-то из нас задумывается о том, что, глядя в объектив фотоаппарата, смотрит в вечность! А ведь эти фотографии переживут нас… Спустя много лет, а, может, и десятилетий, наши потомки найдут эти фото и захотят больше узнать об истории каждого из них. Ведь в снимках отображается остановленное мгновение прошедшей жизни. Не зря говорят: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Каваль з хутара Загрэбля

Ананька Аляксандр

Перада мной фотаздымак. Пільна ўглядаюся і бачу, што дзве постаці на ім аб'яднаны ў адно цэлае: сталы майстар і яго памочнік. Абодва яны ўсміхаюцца. Усмешка старэйшага чалавека — спакойная і ўпэўненая, а малады ўсміхаецца лёгка і бадзёра. Ён ведае, што пасля працы сустрэнецца з сябрамі, ў шумнай кампаніі яны весела правядуць час. Старэйшаму чалавеку на выгляд гадоў 60, але нейкі аптымізм і добразычлівасць ідзе ад яго погляду на гледача.

Молат у руках малодшага, маленькі малаточак у руках і вялізны скураны фартух на старэйшым гавораць, што гэта — каваль з памочнікам-малатабойцам. Каваля клічуць Фёдар Осіпавіч Карповіч, а яго памочніка — Мікалай Юрчык. Фотаздымак зроблены ў пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя ў вёсцы Русіно, што каля Баранавіч у Брэсцкай вобласці.

Я таксама жыву ў гэтай вёсцы. Цяпер гэта — аграгарадок Русіно. Некалі вёска называлася Русіны. І яна мае сваю непаўторную гісторыю. Прачытаўшы кнігу «Русіны-Русіно», якую склалі краязнаўцы нашай вёскі Валынец Л.Г. і Кісялёва А.Л., я даведаўся пра кузню і каваля Фёдара Карповіча, які жыў і працаваў на хутары Загрэбля каля вёскі. Мяне зацікавіла асоба гэтага чалавека і яго прафесія. Я вырашыў больш даведацца пра яго.

Хата і падворак Карповічаў на хутары каля вёскі, дзе жыў каваль, засталася. Там цяпер жывуць чужыя людзі. Яны купілі гэту сядзібу ў Анатоля Станіслававіча Карповіча, унука Фёдара Осіпавіча, які жыве ў горадзе Баранавічы. Я сустрэўся з Анатолем Станіслававічам. Гэта сустрэча была цікавай і карыснай. Ён і паказаў мне гэты фотаздымак. Ад Анатоля Станіслававіча я даведаўся, што яго дзед пражыў 96 гадоў, памёр у 1981 годзе і пахаваны ў вёсцы Дарава (недалёка ад Русіно, за рэчкай Шчарай). Сваіх могілак у Русіно раней не было. Людзей хавалі ў суседняй вёсцы Вялікія Лукі або ў Дараве.

Нарадзіўся Фёдар Осіпавіч ў 1885 годзе, калі на нашых землях панавалі расійскія ўлады. Калі хлопчык стаў падрастаць, вырашыў вывучыцца на каваля. Ён пяць гадоў ездзіў ў Баранавічы да майстра-габрэя. І пешшу прыходзілася Фёдару дабірацца туды, хадзіў каля 10 кіламетраў. Пасля вучобы атрымаў ён рамесніцкую карту, так званы дыплом.

Я.М. Сахута ў сваёй кнізе «Беларускае народнае мастацкае кавальства» піша: «заходнебеларускія кавалі ў 1920-30 гады для арганізацыі самастойнай вытворчасці павінны былі здаць экзамен і атрымаць адпаведны дыплом — так званую рамесніцкую карту, таму навучанне было працяглым і адказным... У Баранавічах камісія з лепшых майстроў давала заданне падкаваць каня, правярала на ўменне адкаваць свярдзёлак і плуг. Пяцігадовыя курсы па розных спецыяльнасцях, у тым ліку і кавальскай, арганізоўваліся ў маёнтку Радзівілаў у Нясвіжы».

Калі Фёдару настаў час ісці ў войска, ён трапіў на службу ў Варшаву ў «Географическое общество». Служыў ён кавалём ў кавалерыі. Там заўважылі яго добрую работу і паслалі яшчэ на вучобу па кавальскай справе. За час службы ён зарабіў грошай і вярнуўся дадому прафесіяналам-кавалём. А на радзіме яго чакала нявеста Антаніна. Маладыя пажаніліся і завялі сваю гаспадарку. Фёдар паставіў кузню на сваім двары. Слух аб яго майстэрстве разышоўся па акрузе хутка, працы хапала...

Пачалася Першая сусветная вайна. У 1915 годзе Фёдар з жонкай, як і ўсе жыхары Русіноў, сталі бежанцамі, трапілі ў Германію. Там яны за тры гады навучыліся добра размаўляць па-нямецку і не забылі гэтай мовы да смерці. Некаторыя аднавяскоўцы трапілі ў Расію, а нехта — на захад: у Ламжынскую губерню або ў Прусію. У 1918 годзе вярнулася сям'я Карповічаў у родную вёску. Зноў пачалі абжывацца, падрасталі дзеці

— дзве дзяўчынкі і два хлопца. Карповічы жылі заможна дзякуючы іх працавітасці і цярплівасці.

У 1921 годзе на змену расійскай уладзе прыйшла польская. А каваль — карысны ва ўсе часы. Коні доўга яшчэ заставаліся асноўнай цяглавай сілай, і войска польскае абысціся без іх не магло таксама. «Патрэба ў кавальскіх вырабах у буржуазнай Польшчы была пастаянная, нават сярод самай беднай часткі сялянства, таму кавалі мелі сталы занятак. Яшчэ больш павысілася патрэба ў кавальстве ў сувязі з маёмасным расслаеннем вёскі. Фігурныя клямкі і завесы на дзвярах і варотах, багата акаваныя выязныя брычкі і вазкі, нават агароджы і крыжы на магілах былі паказчыкам таго ўзроўню, які займаў іх уладальнік у вясковай іерархіі. Асабліва гэта датычылася шляхты, якая любымі спосабамі імкнулася вылучыцца з «мужыцкага асяроддзя». Таму добрыя майстры-кавалі, асабліва з

бліжэйшых мястэчак, недахопу ў заказах не мелі», — піша Я.М. Сахута.
У 1939 годзе адышлі палякі, прыйшлі саветы… А тут і грымнуў 1941 год. Фёдару Осіпавічу было ўжо за 50. Прыйшлі зноў немцы. У Русінах яны былі заняты пракладкай чыгуначнага пуці на Слуцк. Там працавалі савецкія ваеннапалонныя. Немцам было вельмі зручна карыстацца паслугамі каваля, які і размаўляў па-нямецку. Працы было многа: і коней падкоўваць, і інструмент чыгуначных працаўнікоў рамантаваць. За гэта Фёдар атрымоўваў керасін, а яго дзяцей шакаладкамі частавалі. У канюшні Карповічаў стаялі нямецкія коні, а ў двары знаходзілася кухня. Тут і гаспадыні хапала работы. «Партызаны таксама наведваліся, бацькі і ім паспявалі дапамагаць», — расказваў сын Фёдара Осіпавіча — Вацлаў (памёр у 2016 годзе). «Вялікая Айчынная вайна ўнесла свае карэктывы ў характар кавальскага рамяства. Вяртанне вёскі да натуральнай гаспадаркі, адсутнасць прамысловых вырабаў вымагалі шырокі патрэб ў ім. Значнай сферай дзейнасці кавалёў было абслугоўванне патрэб мясцовых партызанскіх атрадаў ў рамонце зброі» (Я.М. Сахута).
Надышоў 1944 год, немцы адступалі, пачала ўстанаўлівацца савецкая ўлада. Мужчынаў забіралі на фронт, а Фёдара Осіпавіча пакінулі: накіравалі працаваць кавалём у чыгуначнае дэпо ў Баранавічах. Затым пачалася калектывізацыя, утвараліся калгасы. Маючы сваю немалую гаспадарку, сям'я Карповічаў не спяшалася раставацца з ёю. Але ж прыйшлося… Іх сваяк з вёскі Вялікія Лукі дазнаўся пра намер уладаў «раскулачыць» каваля Карповіча і папярэдзіў яго аб гэтым. Фёдар за адну ноч парэзаў свіней, кароў. Раніцай запрог коней і паехаў на базар у Баранавічы і прадаў усё амаль што задарма разам з брычкай і пугай. Вярнуўся дадому ён з аднымі ўспамінамі пра сваё дабро. Радасць была ў тым, што ўлады не выслалі яго і сям'ю ў Сібір або Казахстан як другіх.
На тэрыторыі Русіно ўтварыўся калгас імя Суворава. Тэхнікі было вельмі мала. Але з цягам часу ў 1959 годзе сваімі сіламі правялі электрычнасць ў вёску. Падшэфнае прадпрыемства (нафтабаза) перадала некалькі старэнькіх грузавікоў калгасу і быў заснаваны машынна-трактарны стан. Неабходнасць у працы каваля была вялікая. Прыйшлося Фёдару Осіпавічу працаваць і тут, навучаць моладзь. А яму было ўжо за 70. Вось такім мы яго бачым на гэтым здымку. Відаць, ён і яго памочнік пазіруюць фатографу з асноўнымі кавальскімі атрыбутамі. Для чаго быў зроблены здымак, Анатоль Станіслававіч не ведае. У той час не часта фатаграфаваліся людзі.
Я паказаў гэты фотаздымак нашаму жыхару Бернату Міхасю Язэпавічу (1935 г.н.), і ён адразу пазнаў Карповіча Фёдара і Юрчыка Міколу і паведаміў, што здымак быў зроблены прыкладна ў 1960 ці 61 годзе. Пра Мікалая ён сказаў, што гэта быў дужы хлопец, але любіў пагуляць, павесяліцца. Ён працаваў малатабойцам на стане каля трох гадоў. Сам Міхась Язэпавіч таксама прайшоў курс вучобы і быў малатабойцам на стане ў Русіно ў «дзядзькі Федзіка», як яго тады называлі. Міхась Язэпавіч, скончыўшы Русіноўскую сямігодку, рашыў зарабіць трохі грошай. Ён добра памятае першы дзень яго працы. Гэта быў як бы ўступны яго «экзамен». Вельмі цяжка было маладому хлопцу, але ён стараўся, не падаваў выгляду, што стаміўся. Стары майстар гэта бачыў, даваў невялікія перапынкі, каб Міхась адпачыў. Скончыўшы работу, «дзядзька Федзік» сказаў: «Падыдзе, падыдзе гэты хлопец». Каля года працаваў Міхась Язэпавіч малатабойцам з Фёдарам Осіпавічам. Затым ён рашыў пайсці вучыцца далей… Дзякуючы Міхасю Язэпавічу ў нашай вёсцы ёсць этнаграфічны музей. Ён вельмі многа зрабіў і прадаўжае рабіць для адраджэння гісторыі і культуры на-

шай бацькаўшчыны. Я думаю, праца ў каваля загартавала характар і навучыла пераадольваць цяжкасці маладога хлопца.
Размаўляючы з былым загадчыкам па тэхнічнай частцы калгаса імя Суворава Малевічам Рыгорам Мікалаевічам, які пачынаў працаваць у канцы 50-х гадоў у Русіно, я дазнаўся, што Фёдар Осіпавіч быў адмысловым майстрам. «Кавалі — людзі вольныя, яны не любяць, каб імі камандавалі. Як каваль сказаў, так і будзе. А чалавек ён быў вясёлы, любіў пагаварыць, падтрымаць кампанію», — успамінае Рыгор Мікалаевіч. А працы ў калгасе ў той час хапала: рамантаваць сельскагаспадарчую тэхніку, для будавання кароўніка трэба было скобы рабіць і многа іншага. Рыгор Мікалаевіч успамінае, што памочнікам быў і сын Фёдара Осіпавіча — Станіслаў. У каваля звычайна прадаўжальнікам яго справы станавіўся сын, бо з маленства дапамагаў бацьку. Гавораць, што калі трохгадовы хлапчук можа ўтрымаць ў руцэ кавальскі молат некалькі хвілін, то ён зможа стаць кавалём. Станіслаў стаў прадаўжальнікам бацькавай справы. Я думаю, сам лёс вымусіў яго да гэтага.
Анатоль Станіслававіч расказаў, што яго бацька яшчэ зусім маладым хлопцам падаўся працаваць на будоўлю. Аднаго разу ён сарваўся з даху будынка і ўпаў, паламаўшы сабе рэбры. Бог даў, што ён не пашкодзіў жыццёва важныя органы і паправіўся. Пасля таго выпадку ён больш не працаваў на будоўлі. Ён зразумеў, што яго справа — кавальства, работа з жалезам. Хутка і праца для яго знайшлася: яго ўзялі кавалём на ваенны аэрадром каля Баранавіч. Калі з'явілася электрычная зварка, то ён працаваў там зваршчыкам. Свайго сына, Анатоля Станіслававіча, таксама навучыў гэтай справе. Хоць скончыў ён Талінскае мараходнае вучылішча і працаваў у тралавым флоце ў Рызе, усё роўна прыйшлося некаторы час зарабляць на жыццё зваркай. Сын Анатоля таксама ўмее зрабіць зварачныя работы і карыстаецца яшчэ інструментамі свайго прадзеда Фёдара. Адным словам, дынастыя прадаўжаецца.
Анатоль Станіслававіч памятае свайго дзеда Фёдара дзіцячымі вачыма. Яму было тады гадоў 8-10, калі са сваім бацькам Станіславам Фёдаравічам прыязджаў з Баранавіч, дзе яны жылі, наведаць дзеда і бацьку ў Русіно на хутар Загрэбля. Яму ўспамінаецца жвавасць і вясёлы нораў дзеда. Памятае, што бабуля была строгая. «Кузня дзеда для мяне — гэта вялікі скураны мех, які мне дазваляў пацягаць дзед, і бліскучыя іскры ў цемнаце». Міжволі накатваецца думка, каб табе «засвяцілася» ў жыцці, трэба ў цемрах сваёй душы знайсці свой «горан» і прыкласці ўсе намаганні? каб прывесці яго ў дзеянне, і тады ты зможаш убачыць свой лёс, пабудаваць правільна сваё жыццё і быць шчаслівым.
Я не ўпэўнены, што буду кавалём, але я пранікся вялікай павагай да людзей гэтай прафесіі. У былыя часы нашы продкі адзначалі святы кавалёў — дні святых Кузьмы і Дзям'яна ў ліпені і ў лістападзе. Цяпер гэтыя традыцыі адраджаюцца ў выглядзе фестываляў. Напрыклад, «Крашынскі перазвон» у нашым Баранавіцкім раёне на радзіме вялікага каваля і паэта Паўлюка Багрыма. Сучаснае жыццё паказвае, што гэта прафесія працягвае жыць і карыстацца попытам ва ўсім свеце на сённяшні дзень. У нашай вёсцы жыве і працуе малады каваль — Дзяніс Іванавіч Бабко, які мае сваю кузню і робіць цуды з жалеза.
А ў суседняй Украіне, на Львоўшчыне, гэта самая папулярная прафесія. Аб гэтым гавораць гіды на сваіх экскурсіях.

Сталіца там, дзе ты жывеш!

Аўсюк Дар'я

75 год прайшло з таго часу, як адгрымелі залпы Другой сусветнай вайны. А Беларусь усё яшчэ вымярае дні свайго жыцця той, ваеннай, меркай — надта жудасныя сляды пакінула вайна ў нашых лёсах. Цяжка знайсці ў гісторыі прыклады, якія можна параўнаць з жорсткасцю і колькасцю чалавечых ахвяр, прынесеных нашай зямлі.

Адыходзяць з жыцця дзеці вайны і тыя, каму давялося зведаць рабства і зверскія здзекі канцлагераў. Гаснуць на небе іх зоркі. Не згасае праз гады толькі адно, робячы ўсе іх ахвяры апраўданымі перад намі, нашчадкамі, і перад Богам. Гэта — Памяць.

На паўночным усходзе Беларусі ў Верхнядзвінскім раёне Віцебскай вобласці ёсць прыгожая з вельмі цікавай гісторыяй вёсачка Сар'я, у якой мне пашчасціла нарадзіцца. А побач з ёй вёсачка, у якой зараз толькі адзін двор. Ніжняе Фаміно — малая радзіма маіх продкаў і сваякоў. Тут нарадзіўся і вырас мой бацька. Вёсачка, якой суджана было перастаць існаваць яшчэ 75 год назад. Але людзі, якія любілі свой край, прадоўжылі яе жыццё, лічачы, што, кінуўшы свой край, у іх саміх не будзе сапраўднага жыцця, гісторыі, памяці.

Гэта гісторыя пра тое, як людзі, страціўшыя свой дом, родных і блізкіх, страціўшыя амаль усё, не страцілі веру ў лепшую будучыню, змаглі выжыць, аднавіцца і жыць далей. Пра тых, якіх у дзяцінстве і юнацтве не зламала жорсткасць людзей, яны засталіся моцныя духам і змаглі адрадзіцца, стварыць сям'ю і выхаваць дзяцей. Пра людзей, якія прынялі сваю Радзіму такой, якой яна была. А бачылі яны ў ёй толькі самае лепшае. І як пасля гэтага здрадзіць родных, прамяняць іх дзеля лепшага жыцця.

Адразу пасля вайны на месцы вёскі нічога не было, «ні адной хацінкі, адны печкі з трубамі», так гаворыць мая бабуля, якая ў час вайны была яшчэ дзіцём. Рэшткі вайны яна была разам з сям'ёй, якая хавалася ад карнікаў у лясах і балотах Верхнядзвіншчыны. А вось майму дзядулю пашанцавала менш. Ён трапіў у Саласпілскі канцлагер, што недалёка ад Рыгі. Яго разлучылі з сёстрамі і маці. Малодшая сястра прапала без вестак. Дзядулю ўдалося выжыць у канцлагеры, а пасля яго забрала латышская сям'я, у якой ён доўгі час жыў і працаваў на ферме.

Як прыехаў, яго адразу адвялі ў лазню, памылі, далі чыстую бялізну. Спачатку многа есці не давалі: дзіця, якое да гэтага амаль нічога не ела, магло памерці. Потым кармілі добра.

Гаспадара звалі Марцін Залец. У яго былі жонка і дачка. Яшчэ ў сям'і — дзве бабулькі і дзядуля. Як кажа мая бабуля: «заядлы быў латыш» [1]. На пытанне, што значыць «заядлы ла-

1 Ацэнкавае меркаванне гераіні інтэрв'ю, не скіраванае на распальванне нацыянальнай варожасці

тыш», яна адказвае, што гэта быў не зусім добры чалавек, вельмі падобны да фашыстаў, і ў дзядулі з ім былі не вельмі добрыя адносіны. А як маглі яны быць іншымі, калі адну з самых буйных і жорсткіх па маштабу антыпартызанскіх аперацый немцы правялі сіламі латышскіх калабарацыяністаў.

Мабыць, латышоў запэўнілі ў тым, што на зямлі суседзяў-беларусаў жывуць нікчэмныя і тупыя людзі, якіх можна сцерці з твару зямлі. Можна меркаваць, што стары латыш пад уздзеяннем нацысцкай ідэалогіі лічыў, што гэты беларускі хлапчук ні на што не здатны ў адрозненні ад латыша. Але ён памыліўся. Пройдзе час, які гэта дакажа. І прыкладам будзе мая сям'я.

Так і жыў у гэтай сям'і мой дзядуля да 1949 года. Потым яго знайшла цётка разам з маці. І перад ім стаў выбар: застацца тут, дзе ў цябе ёсць ежа, адзенне, месца, дзе можна спаць, або вярнуцца на радзіму, на папялішча, дзе раней стаяў твой дом, жыць у голадзе, але побач са сваёй сям'ёй. Дзядуля расказваў, што не хацеў вяртацца назад на радзіму, але «я ж маці слухаў, а не сябе». Так ён і вярнуўся. Вярнуўся на пустое месца.

Трэба было адбудоўвацца і жыць далей. Бабуля расказвае, што пасля вайны скончыла 8 класаў. Трэба было ехаць кудысьці вучыцца ды і хацелася вучыцца. Але не было грошай. Тады яна стала працаваць даяркай. Здаецца ўсё вельмі проста: ну што тут складанага — падаіць кароў? Але так толькі здаецца. Бабуля кажа, што гэта была вельмі цяжкая праца. Трэба было рана ўставаць, даіць уручную цэлую групу кароў, грузіць цяжкія 40-літровыя бідоны. У тым узросце, а было бабулі ў той час прыкладна шаснаццаць, хацелася і пагуляць, і на танцы збегаць. А пасля танцаў раненька, нават не паспаўшы, зноў бегчы на працу. Трэба было не толькі падаіць кароў, але і памыць іх, і накарміць. Ужо пасля, з цягам часу, працаваць стала лягчэй. З'явілася хоць нейкая тэхніка.

На мясцовых танцах бабуля і пазнаёмілася з дзядулем. Кажа, што ён адрозніваўся ад мясцовых хлопцаў. У яго была новая добрая вопратка. Мясцовыя не маглі так апранацца: ні адзення тут такога не было, ні грошай, каб яго купіць. Сустракаліся доўгі час, потым пажаніліся. Спачатку жылі ў дзядулявых бацькоў. Пасля пабудавалі свой дом, у ім бабуля жыве і зараз. У 1963 годзе нарадзілася дачка Валянціна, у 1969 — сын Сяргей, мой бацька. Як і ўсе аднавяскоўцы — працавалі, гадавалі дзяцей, трымалі гаспадарку. Разам з тымі, хто застаўся у жывых пасля карнай экспедыцыі, аднаўлялі вёску Фаміно. Усяго было 20 хат: 10 з аднога боку і 10 з другога. У асноўным жылі маладыя сем'і. З цягам часу дзеці пачалі падрастаць, і кожны імкнуўся выехаць з вёскі ў пошуках лепшага жыцця.

Але ж чаму засталася бабуля? У яе таксама была магчымасць. Яна кажа, што яе ніколі нікуды не цягнула, толькі ў сваю родную вёску. Нават ад'язджаючы да сваякоў, не магла доўга там знаходзіцца. Заўсёды цягнула дадому.

У 80-х гадах у госці да дзядулі прыязджалі латышы (сям'я гаспадара). Самога гаспадара не было. У той час бабуля з дзядулем жылі даволі заможна, таму ўсяляк стараліся паказаць, што тут, у Беларусі, нічым не горш. Яны вельмі грунтоўна рыхтаваліся да прыезду гасцей.

Латышы былі здзіўлены: «Ніколі б не падумалі, што вы так хутка схопіцеся жыць».

З 90-х гадоў вёска пачынае пусцець. Ужо не гуляе моладзь, маладыя дзяўчаты не бягуць на танцы. Старыя паміраюць, моладзь імкнецца ў горад. Сёння ў вёсцы жыве адна мая бабуля. І нікога вакол… Толькі лес, рэчка і пустыя хаты. Дзе пасля пахавання бацькоў дзеці нават не вяртаюцца ні за рэчамі, ні за дакументамі і нават фотаздымкамі, ім гэта не патрэбна.

Хаты, якія некалькі год стаяць закінутымі, зараз паляць па «плану ўпарадкаванасці». Як сімвалічна паўтараецца гісторыя вёскі. У згарэўшай хаце, дзе раней было жыццё, застаецца нагрэтая звонку на некалькі дзён цёплая печка, якая збірала вакол сябе ўсю сям'ю. Яе цэгла дае апошні жар, нібы жадае, каб яе пачулі тыя, каго яна грэла, для каго ў ёй гатавалі ежу, але цэгла так і астыне, нікога з гаспадароў не дачакаўшыся. Потым прыедзе трактар і зарые ў вырытую магілу попел, рэшткі і печку таго, што раней называлась домам. Аперацыя выканана!

Але бабулю гэта не засмучае. Для яе галоўнае, што яна жыве на сваёй зямлі і займаецца любімай справай. Вось у такіх людзей, якія аддалі ўсё сваё жыццё роднай вёсцы, нам, моладзі, трэба вучыцца любіць сваю зямлю. Любіць не за штосьці, а проста таму, што гэта родная зямля.

Не паехалі шукаць лепшага жыцця і дзеці Уладзіміра і Вольгі Аўсюк — мой тата і яго сястра Валянціна. Жывуць ў аграгарадку Сар'я побач з матуляй. Тут нарадзіліся і выраслі мы з братам. І куды б ні завяла нас дарога жыцця, мы з дзяцінства ведаем: «Сталіца там, дзе жыве маці, дзе на дагледжаных могілках — магілы тваіх родных, дзе пахнуць мёдам ліпы каля дома бабулі. І пакуль ты жывеш, ты будзеш імкнуцца сюды прыехаць».

І вось мы, родная старонка,
Зноў сустракаемся з табой…
Аклікнуць хочацца мне звонка:
«Дзень добры, край Сар'янскі мой!»
Дзе плёскат быстрае Сар'янкі,
Дзе гай гамоніць над вадой,
Расою вымытыя ранкі
І подых дзён мінулы твой.
Калі ў падвячэрняй высі
Над Сар'яю павісне ціш,
Табе пачуецца: «Спыніся!
Глянь, на якой зямлі стаіш!»
Зямлі, што для цябе святая,
Дзе нескароны жыў народ,
Народ, што памяць зберагае
Пра Лапацінскіх слаўны род…

А.Бубала

Ещё раз про любовь… (женская история)

Винцалович Анна

О любви сказано уже так много… В эпоху античности были написаны философские трактаты, во времена Шекспира — дивные сонеты, в XX веке стали снимать романтические киноленты, сейчас показывают шоу-программы по телевизору и пишут на просторах интернета. Что же нового о любви могу сказать я? Правда, я и не собиралась, пока мне в руки не попали старые черно-белые семейные снимки. Это произошло неслучайно: я искала интересные фотографии для участия в данном конкурсе. Семейный архив моей мамы хранится в старом бабушкином доме, в деревне Берники Ошмянского района. Когда-то это была многолюдная деревня, более 24 дворов, сейчас только четыре жилых дома осталось. Опустевшая деревня, опустевший бабушкин дом… Когда я там была в последний раз, испытала грусть: было ощущение, будто время остановилось. Но, когда открыла старый фотоальбом, жизнь словно вернулась. Я всматривалась в лица родных людей, пыталась представить, как они жили. Я часто, как и мои ровесники, слышу фразу от взрослых: «Раньше все было по-другому». Это действительно так? Я смотрела на фотографии и думала: «Но в чем разница? Почему люди приходят к такому выводу? Что отличает меня от мамы или бабушки?»

Вот фотография 1979 года, сделанная в Ошмянском фотоателье. Моя мама говорила, что в советское время в каждой семье старались сделать такое фото на память. Моей бабушке, Мигун Янине Брониславовне, на этом снимке 48 лет. Она одета очень нарядно по такому случаю: белоснежная кружевная блузка, черный строгий сарафан. Волосы гладко зачесаны назад и никакой косметики. Рядом сидит дедушка, Мигун Франц Иосифович, ему 46. Он одет в элегантный черный костюм и белую рубашку. Черные, без седины, волосы аккуратно причесаны. Между родителями — моя мама, Винцалович Мария Францевна, ей здесь всего 4 года. Она тоже в самом лучшем платье и белых колготках. У всех совершенно новая обувь. Они сосредоточенно, без улыбок смотрят в объектив камеры, наверное, ждут традиционных слов: «Сейчас вылетит птичка!» Обычная семейная фотография. Но меня удивил зрелый возраст семейной пары. Мне захотелось узнать, почему они так поздно вступили в брак, как познакомились, какими были отношения? Была ли это любовь, и как любили раньше?

Тогда я решила расспросить обо всем бабушку. Деда нет с нами уже три года, вот и получилась чисто женская версия истории. Узнать её оказалось делом непростым, ведь моей бабушке уже 88 лет, она плохо видит и слышит. Но, главное, очень многое из памяти стерло время. Да и некоторые мои вопросы её явно смущали.

У бабушки была тяжелая жизнь. Родилась она в 1931 году в деревне Берники, тогда Ошмянского повета, как у нас говорят, «пры Польшчы», в многодетной крестьянской семье. У родителей своей земли было мало, поэтому они ходили батрачить на своих более зажиточных соседей. Маленькая Янина два года босиком бегала в соседнюю деревню в школу, научилась немного читать и писать по-польски. Ей было восемь лет, когда отца в 1939 году забрали на войну, но он скоро вернулся (польская армия недолго оказывала сопротивление немцам). Бабушка очень хорошо помнит начало Великой Отечественной войны: как прятались в окопах возле дома, как горела деревня, как уже позже «хадзілі ў Ашмяну прадаваць яйкі», как проходили проверку у немцев и «дрыжэла ад страху, што забяруць».

После войны в Берниках построили новую школу. Янине тогда исполнилось уже 15 лет. Она считалась переростком, ей было очень неловко ходить на занятия. Я хотела больше узнать про бабушку в этом возрасте, ведь тогда она была мо-

его возраста. Среди её одноклассников — много мальчиков и девочек. Она рассказала про то, как они все вместе весной «збіраліся і галаву круцілі ў пікіры», эта игра похожа на хоккей на траве, только вместо клюшек- деревянные палки, а вместо мяча — камни. На мой вопрос, какие мальчики ей нравились, она сначала ответила: «Хто там углядаўся на тых хлапцоў». А потом рассказала, что парень, который ей нравился, не смотрел в её сторону. Тогда я подумала, что это мой случай: моя первая любовь тоже была неразделенной (я его любила, а он просто со мной дружил).

Янина проучилась в школе всего год. Потом пошла на торфопредприятие «Берники». Чтобы взяли на работу, приписала себе пару лет. Работа была сезонная, с весны до осени. С утра до позднего вечера она вместе с другими парнями и девушками копала торф и резала брикет. Все, кто был в бригаде, дружили. К сожалению, сейчас бабушка не помнит имен, но сохранилась любительская фотография начала 60-х годов. На ней — четыре молодые женщины в рабочей одежде, они на время остановились, отложили лопаты и с удовольствием позируют фотографу. На заднем плане мужчина, думаю, водитель грузовика, который стоит неподалеку. Моя бабушка — самая маленькая и серьезная. Почему-то в моих ранних детских воспоминаниях бабушка — всегда серьезная и строгая. А когда я её расспрашивала о парнях, она только улыбалась и отмахивалась. Оказывается, как и положено всем молодым девушкам, Янина вместе с подругами ходила на танцы. Они собирались сначала в доме у одной из девушек, а потом все вместе шли в клуб. Обычно там играл кто-то на гармони. Девушки скромно теснились у стены и ждали приглашения на танец. По рассказам бабушки, у неё было много поклонников, но замуж она не торопилась. Родители Янины не вмешивались, но к претендентам присматривались: откуда, какое хозяйство и достаток, кем работает, партийный или нет. Правда, был один случай, когда все пошло не так. К бабушке посватался Эдуард, местный парень. Родители ему отказали, так как их старшая дочь Елена была ещё не замужем, и этот жених достался ей. Я долго не могла поверить, что так могло быть, что тогда это старое правило ещё действовало.

Шло время, все подруги Янины с торфобрикетного завода уволились. Одни вышли замуж в соседние деревни, другие уехали искать счастья в Вильнюс. Но зато на предприятие устроился мой дед Франц. Так что бабушка и дедушка познакомились на работе. Они долго общались, и, наконец, Франц решился посвататься. Мне хотелось узнать, как дедушка ухаживал за бабушкой. То, что я услышала, меня немного разочаровало: «Нічога мне не дарыў. Кветак не прыносіў. Моды не было тады такой». В наше время девушки ждут большего внимания от парней. Однако Янина и Франц стали больше проводить времени вместе, говорили обо всем, ездили за покупками в Ошмяны и в Вильнюс. И все-таки почему бабушка выбрала деда? Мне она сначала сказала: «Бацькі казалі: паўміраем — і што ты будзеш рабіць адна?» А через паузу добавила: «Ну, палюбіла. Ну дык як не ісці?». А потом она с большой охотой и теплотой говорила про своего Франца.

Кстати, фотографий деда в семейном архиве значительно больше, чем бабушки, и они о многом могут рассказать. Моя любимая та, где дед еще совсем юный сидит на тракторе. Он выглядит завправским трактористом: трудно догадаться, что парень сел за руль исключительно только ради того, чтобы сфотографироваться. Франц тогда работал в колхозе учетчиком земли и водить не умел (и позже так и не научился, прав не имел). Но кадр и вправду получился отличный. Бабушка потом вспомнила, что к Францу приклеилось прозвище «министр» из-за его манеры одеваться и всегда носить кепку. А вот другой снимок. Деревенский дом с верандой. Раскидистая вишня во дворе. Лавочка у забора. Лавочки в деревне — это особое место. Днем там собирались женщины посудачить, работало так называемое «сарафанное радио». А вечерами, иногда до соловьев, сидели парочки (ведь больше влюбленным в то время деться некуда было). Но в этот раз там присели отдохнуть мужчины после утренней косьбы. В руках у одного сразу появилась гармонь (в деревнях в то время много было музыкантов-самоучек, и именно они считались «первыми парнями на деревне»), у другого — самокрутка. Мой дед стоит сзади, как всегда подтянут и аккуратен. По словам бабушки, он был душой компании, много шутил и балагурил (я его тоже запомнила таким).

Франц не имел возможности учиться. Рано остался без отца, пришлось самому ходить за плугом. В школу попадал несколько раз в неделю. Но обладал хорошей памятью и сообразительностью. Хорошо научился читать по-польски. После войны учился в Гравжишках в семилетке, но не окончил. Упросил директора выдать справку об окончании и смог очень успешно учиться в училище на электрика. Бабушка с гордостью говорила, что, если бы семья была богатой, то мог бы дальше учиться, стать ученым или начальником. Министром дед, конечно, не стал, а всю жизнь проработал электриком. Сначала на узле связи в Крейванцах, потом на торфозаводе, последнее место работы — колхоз «Ясная поляна».

Расписались Янина и Франц 5 мая 1973 года в Крейванцевском сельсовете. А свадьбу сыграли в деревне Вельбутово, в доме жениха. После этого события остались удивительные фотографии. И, конечно, традиционное общее фото. Гости и стар и млад стоят рядами навытяжку. На правом фланге — детвора, на левом, чуть поодаль, музыкант. В центре — молодожены. Бабушка в роскошном кружевном наряде, белых перчатках и, как и положено невесте, с букетом. Дед в элегантном черном костюме. Все сосредоточенно ждут «птичку». Чувствуется торжественность момента, волнение молодых.

Моя история на этом заканчивается. За время её написания я узнала много нового о своей семье. Бабушка стала мне значительно ближе. Хорошо, что я с ней смогла вот так по-девичьи поговорить. Благодаря бабушке я поняла очень важную вещь: «Любовь — это всегда Любовь». Да, сейчас гораздо больше мест для знакомств, больше романтики. Отношения более свободные и демократичные. Но девчонки впервые влюбляются в том же возрасте, им нравятся такие же веселые парни, как мой дед в юности. И только глубокие чувства можно пронести через всю жизнь. И это утверждение справедливо и тогда и теперь. Любовь — это жизнь, жизнь — Любовь.

Три моста одной реки

Гук Екатерина

Моя учительница истории рассказала об интересном конкурсе — исследовании семейных архивов. А что может быть интересней семейных архивов, в которых скрывается твоя история!

«Архивом» нашей семьи можно назвать бабушкину коробку со старыми чёрно-белыми фотографиями. Я с детства любила её «исследовать», а сейчас делала это с серьезной целью. Внимание привлекла одна, простая на первый взгляд, фотография.

Это снимок моего дедушки, ловящего рыбу на мосту. Казалось бы, ничего особенного.... Но мне было непривычно увидеть моего дедушку, работавшего в райисполкоме, постоянно носившего строгий костюм и массивные очки, в столь необычном для него образе: босым, в растянутой майке и с кепкой на голове. Эта фотография была как будто сценой из какой-то доброй советского киноленты. И первый фильм, который пришел мне на ум — «Любовь и голуби». Мои мама и бабушка обожают это кино! И мне стало интересно разузнать побольше об этом фото у бабушки. А она с усмешкой на лице открыла мне целую историю, таившуюся в этом простом снимке.

После рассказа бабушки образ дедушки оказался не самым удивительным на этой фотографии. Оказалось, что мостов, соединяющих город Каменец и его предместье Замосты, было целых три. Три деревянных моста, настолько низенькие, что величественная тогда ещё река Лесная порой заливала их. А уже в 1960-х годах построили один бетонный мост. Мне было трудно представить три деревянных моста, и я захотела узнать эту историю подробнее. Тут мне помогли архивы Каменецкой библиотеки, личные архивы местного журналиста А. Осташени. И, благодаря всему этому, я вытянула ещё одну нить из клубка тайн и загадок своего района.

Мостов через реку Лесная действительно было три! Дело в том, что между городом и его предместьем — Каменцем и Замостами — река образует сложное русло из трёх рукавов. А так как через город в XVI веке проходил важнейший сухопутный королевский «шлях» из Вильно (столица Великого Княжества Литовского) в Краков (столица Королевства Польского), то было построено три моста — через каждый рукав.

Кстати, предместье Замосты носило ещё два названия — Замлыны и Заставье. Последнее из них происходит, очевидно, от польского слова «staw» — пруд, сажалка. Возможно, у трёх мостов ловили рыбу и даже в промышленном масштабе (по мнению каменецкого краеведа Георгия Мусевича). Однако это только догадки.

На месте первого моста сейчас находится озеро, которое в народе называют по-разному: «Дурашмеково», «Чучмеково», «Чучмечка». На его берегу можно увидеть много

Kolonie-Lit., den 18.12 1943
Cybula Arszniuk
Zamosty
3. 1. 44. 1943 zur Arbeit bei Brückenbau
Sie werden aufgefordert am
Kolonie-Lit. um 7.00 Uhr morgens zu erscheinen.
Nichtbefolgung dieser Anordnung wird bestraft.
Der Ortsvorsteher

валунов, которыми заваливали рукав реки. До Второй мировой войны здесь праздновали «Водохрышча» (Крещение Господне). Строили храм изо льда, украшали его ветками хвойных деревьев. Озеро символизировало Иордан. Однако в прорубь здесь не окунались.

На месте второго моста остались только пни от свай. Он был самым длинным, и, скорее всего, именно рядом с этим мостом взрывали лёд ранней весной. Между прочим, во время ледохода каменецкие мальчишки катались по реке на льдинах! Ну а третий мост был когда-то местом, рядом с которым в XVI веке располагался филиал брестской таможни («мыто») — «прикоморок». При проходе по реке и проезде по мостам за перевозку товаров взималась пошлина. Прикоморком владело государство, но управлением занималось частное лицо (чаще всего еврей), которому «пункт» сдавался в аренду. Однако позже столицу Польши перенесли в Варшаву, королевский «шлях» пошёл в обход Каменца и город стал приходить в упадок. Мост же превратился в место свиданий, встреч и танцев молодёжи! Можно лишь предполагать, сколько семей было создано после танцев у замостовского моста.

Во время Второй мировой войны мостом пользовались оккупационные власти. Сохранились документы о вызове на ремонт моста местных жителей.

В июле 1944 года за рекой находилась линия обороны немецких войск, мост сожгли. Поэтому после войны Лесную приходилось переходить вброд или прыгать по пенькам старых мостов. Это доставляло много неудобств местным жителям. Поэтому все были рады, когда все три моста отстроили на их привычном месте.

Мосты по-прежнему были местом встреч молодёжи по вечерам. А вот рыбаки занимали мосты и берега реки Лесная в любое время суток. И мой дедушка очень любил ловить рыбу. На фотографии изображены они с бабушкой летним днем 1961 года.

А в 1963 году два крайних моста разобрали, рукава реки засыпали и возвели один большой бетонный мост.

В наше время мост отремонтировали: сделали большие бордюры у проезжей части, металлические перила. Здесь по-прежнему ловят рыбу, окунаются в незамерзающую прорубь и, конечно же, назначают встречи и свидания.

Дневник памяти

Костина Ульяна

«Никогда не забуду день, когда впервые взял младенца на руки. Помню, как сильно переживал, боялся потревожить беззащитное создание. Долго не мог собраться. Это была моя первая практика в отделении для новорожденных. Нам дали ребёнка, который появился на свет два дня назад. Опухшие веки скрывали непропорционально огромные щёлочки глаз. Переносица малыша была покрыта розовато-красноватыми пятнышками с синюшным оттенком, «пятнами аиста». Но всё это — теория. На деле передо мной был крохотный человечек, который вопреки своему возрасту уже всё понимал и чувствовал. Открыв глазки, он испуганно посмотрел на окружающих его людей в белых халатах и зашёлся криком».

Под звуки фильма из телевизора мы с Соней крутились в кухне. Я искала подходящую посуду, а сестра нарезала овощи. Был канун Нового года. По традиции это время мы проводим в кругу семьи. Сегодня за праздничным столом соберутся самые близкие люди. Гости начинают подходить, а мы с детьми, закончив приготовления, решили разобрать старые фотоальбомы бабушки. Малышам всегда было интересно посмотреть черно-белые снимки, даже если они видели их в сотый раз. Перелистывая страницу за страницей, они смотрели на фотографии с возрастающим интересом. Наше внимание привлёк снимок дедушки Лёни. Здесь он ещё студент, в окружении однокурсников стоит в палате с детьми. Дедушку мы никогда не знали, он умер задолго до нашего рождения, поэтому его фотографии особенно важны. В тот момент, когда я смотрела на его внимательное, серьёзное лицо, ко мне пришло осознание того, что мы очень мало знаем о жизни родного человека. Чем он жил? Чем увлекался?

Сегодня я хочу рассказать вам историю с самого начала. Историю человека с большой буквы. Историю моего дедушки.

...Костин Леонид Владимирович родился 24 апреля 1941 года в Минске. Мать — Ольга Ивановна — работала поваром, отец — Владимир Алексеевич — хирургом и рентгенологом. С детства маленький Лёня был окружён заботой и лаской, хотя дисциплина играла значительную роль в воспитании мальчика. Кроме него в семье было ещё трое детей: старший брат Женя, младшие сёстры Валя и Нина. Военные годы Лёня провел с матерью в Минске, а отца забрали на фронт, где он работал в госпитале. После 1945 года семья едет в Могилёв, Владимир Алексеевич становится главврачом медсанчасти завода искусственного волокна имени Куйбышева. Окончив 7 классов средней школы, Леонид продолжает учёбу на вечернем отделении, параллельно устраивается на работу. Как ни странно, задатки будущего врача молодой человек находит в себе не сразу. До начала медицинской деятельности он успел попробовать себя даже в роли штукатура. После чего поступает в ремесленное училище, получает профессию слесаря. В будущем ему не раз пригодятся эти навыки. Молодость юноши проходит насыщенно. Он всё больше увлекается музыкой. Вместе с друзьями играет в оркестре, принимает участие в городских концертах. Однако самым любимым занятием, отрадой для души остаётся аэроклуб.

«Счастье начинается с полёта, а небо начинается с земли» — таков лозунг нашего клуба. А с чего начинается полёт? Сначала родилась мечта. Мечта увидеть свой дом с высоты птичьего полёта, дотронуться рукой до облаков. Затем был первый урок авиамоделирования, первый выход к взлётной полосе, первая экскурсия на аэродром. Наконец, сидя в салоне самолёта с парашютом за плечами, я сделал первый шаг в бесконечность. Ощущения непередаваемые! Сердце, казалось, выпрыгивает из груди. Понимание того, что я только что сделал, пришло уже на земле. Вокруг слышались радостные голоса, поздравления. А в голове была всего одна мысль: «Хочу ещё!»

Раннее утро. Окна казармы темны. Минутная стрелка подползает к нужной цифре, и… «Рота, подъём!» — крепкий сон солдата исчезает с командой дневального. В 1961 году Леонида призвали армию, где он на протяжении трёх лет служил в воздушно-десантных войсках, был радистом. Служба в армии стала переломным этапом в его жизни.

«Которую ночь меня не покидают мысли о доме. Я всё чаще вспоминаю мою семью, родных. Интересно, как они без меня? Справляется ли мама с девочками? Женя уже на втором курсе мединститута. Он решил идти по стопам отца, учится на эндоскописта. Честно признаться, за время службы я не раз думал о медицине. А что, если ремонт и монтаж — это не мой «потолок», и я способен на нечто большее? Сейчас я больше всего хочу помогать людям и вижу своё предназначение в спасении человеческих жизней».

Как изменилась бы судьба моего дедушки, если бы он не решил оставить рабочую специальность и уйти в медицину? Загоревшись идеей, он без промедления поступает на подготовительные курсы, успешно сдаёт экзамены. А через два года ряды врачебного факультета Витебского государственного медицинского института пополнились еще одним студентом.

Первое время учёба давалась нелегко: с утра до вечера лекции, оставшееся время проводили в «анатомичках». Тем не менее, студент всегда подходил к работе с энтузиазмом. Внимательно писал конспекты, непонятные темы разбирал особенно детально. Много читал, заказывал книги со всех уголков СССР. Свободное время любил проводить на выставках. Параллельно с медицинской деятельностью строил и семейную жизнь. В 1964 году женился на Валентине Иосифовне Кучинской, а на втором курсе у них родилась дочь Света.

«Проведя всю ночь за учебниками и толком не выспавшись, мы направляемся на базу инфекционной больницы. Каждому из студентов поручают своего пациента. Сегодня наша цель — изучить симптомы и назначить лечение».

Из записей за 15.04.1968.

***Пациент:** мальчик 7 лет попал в больницу с жалобами на тошноту, рвоту, головокружение. Симптомы начались вечером, продолжались ночью и усилились к утру. Температура поднялась до 38º. Из анамнеза: накануне ел жареную рыбу.*

***Предварительный диагноз:** отравление?*

***План работы:** наблюдение, лабораторные исследования (общий анализ крови, мочи; биохимический анализ крови), дополнительные исследования (УЗИ органов брюшной полости).*

***Лечение:** согласно полученным данным.*

К концу дня мне посчастливилось самому провести лабораторные исследования анализа крови. Мои предположения совпали с данными результатами анализов. Я доволен своей работой.

Со своей будущей специальностью — гинекологией — студент определится чуть позже. В 1970 году двери мединститута выпустили нового специалиста. Так начался карьерный путь врача Костина Леонида Владимировича.

Ещё в Витебске ему предлагали различные места работы, но Леонид делает выбор в пользу семьи и возвращается в Могилёв. Вскоре на свет появится новая жизнь — сын Серёжа. Вторым домом на ближайшие 12 лет становится областная больница. Здесь он найдёт не только хороших коллег, но и верных друзей, которые на протяжении жизни будут идти с ним рядом. Здесь он заявит себя как опытный врач. Здесь проведёт первую операцию. Поначалу люди с недоверием относились к молодому специалисту. Спустя годы в его кабинет будет стоять очередь из пациенток, желающих попасть на приём.

Несмотря на трудоёмкую работу, дедушка продолжает играть в оркестре, выступает на различных демонстрациях. Находит в себе новый талант — строить дома, с воодушевлением берётся за дело. Помогает в создании домов и дач для родственников, друзей; не забывает о семье.

После закрытия отделения переходит в Могилевскую больницу №1 (Лавсановскую), получает повышение по должности — становится заведующим оперативной гинекологией. Помимо лечения и изучения врождённых патологий, проведения хирургических вмешательств, в его обязанности также входит санитарная авиация.

«За время работы мне не раз приходилось участвовать в оказании экстренной помощи. Сегодня вместе с бригадой из терапевта и реаниматолога мы летали в Климовичский район».

Из записей за 26.07.1982

***Пациент:** возрастная роженица. Роды первые, осложнённые ягодичным предлежанием плода.*

***Оказание помощи:** кесарево сечение.*

Будни дедушки проходили один за другим. Тяжелая работа сменялась любимой семьей. Казалось, что жизнь ещё впереди. Но роковым днём стало 29 июля 1990 года. Издержки профессии, личностные качества сыграли не последнюю роль в смерти родного человека.

Так мир потерял прекрасного семьянина, бесценного друга, настоящего врача.

Память о нём будет жить не только в фотографиях и дипломах. Она живёт в каждом из нас. Как гласит мудрость, «чтобы дать плоды, семя должно погибнуть». Сейчас в семье Костиных на благо людей трудятся рентгенолог Костин Сергей Леонидович, хирург Абрамов Павел Александрович, оториноларинголог Абрамова Анастасия Александровна, офтальмолог Фроленко Мария Сергеевна.

Конец?...

«Заслоновская республика»

Масалкова Наталья

Каждый социум что-то объединяет. Встречаясь с жителями других городов и стран, я пришла к выводу, что у нас, оршанцев, есть своя «визитная карточка»: «Катюши», В.С. Короткевич и К.С. Заслонов.

Почему именно эти слова являются ключевыми для моего родного города? Думаю, что события, связанные с этими именами, стали значимыми не только для оршанцев, Беларуси, бывшего Советского Союза, но и для всех людей в мире. Наверное, время выбирает самое главное и яркое, что в будущем становится культурным наследием и бережно передаётся из поколения в поколение.

Посетив музей истории и культуры нашего города, я узнала интересный факт. Оказывается, в советские годы в СССР существовала так называемая «Заслоновская республика». Её не было ни на одной карте, но она, как оказалось, жива в воспоминаниях её жителей. Одним из тех, кто был главным действующим лицом в жизни этого общественного образования, является бывший директор СШ №10 г. Орши Гладких Валентина Васильевна. У меня возникли вопросы: кто инициатор этой республики? Кто в неё входил? Чем занимались в «заслоновке»?

Из интервью с Валентиной Васильевной я узнала, что «Заслоновская республика» — это гражданско-патриотическое содружество трёх поколений: партизан-заслоновцев (ветеранов, которые воевали вместе с Заслоновым), работников железнодорожного депо имени К.С. Заслонова и учащейся молодёжи. Эта «республика» объединяла несколько городов СССР. Документы IX Всесоюзного слёта заслоновцев музея СШ №10 г. Орши поразили меня масштабностью участников: г. Невель (Псковская область), г. Бельцы (Молдавская ССР), п. Индра (Латвийская ССР), г. Ленинград, железнодорожный техникум г. Великие Луки (место рождения Заслонова), ст. Вяземская (Хабаровский край), г. Стерлитамак (Башкирская АССР), г. Карталы (Челябинская область), г. Смоленск, г. Минск, г. Брест и т.д. Республика юных заслоновцев объединяла более 30 школ и пионерских дружин, носящих имя К.С. Заслонова, легендарного героя Великой Отечественной войны, руководителя партизанского движения на территории Беларуси, Героя Советского Союза.

Первыми стали общаться, переписываться учащиеся заслоновских школ Орши, Ленинграда и Невеля. Оршу заслоновцы считают своей столицей. В.В. Гладких объясняет это так: в Орше находился музей Заслонова, за вокзалом место его захоронения и памятник, недалеко — место гибели знаменитого комбрига (д. Куповать), куда неоднократно совершались походы с гостями города вместе с ветеранами, участниками тех легендарных событий. Представляете, идут ребята по партизанской тропе, а ветеран говорит: «Вот здесь мы сидели у костра» или «Здесь был тот самый последний бой...». Оживает история, врезаются в память незабываемые события и лица…

В июне 1965 года по инициативе преподавателей Невельской средней школы №1 Станиславы Викентьевны Марченко, Ленинградской №309 — Людмилы Михайловны Виноградовой и Оршанской №10 Ванды Иосифовны Фролковой состоялся первый слёт воспитанников школ, носящих имя К.С. Заслонова. Для встречи выбрали живописный уголок — берег озера Черствица. Это и было началом основания «Республики заслоновцев». Слёт был необычный: заслоновцы 3-х школ жили в лесу в палатках. Вспоминают первые заслоновцы: «Целый день мы строили наш город — Заслоновск. Стройными рядами появились туго натянутые палатки, далее в озеро протянулись мостки, ребята подняли 12-метровую мачту... Возник проспект Жени Корженя, славного адъютанта К.С. Заслонова, улица Романтиков...».

Слёты стали проходить каждые 4-5 лет. Первая фотография рассказывает о слёте 3-х поколений в Орше. На сцене Дворца культуры железнодорожников: участники Великой Отечественной войны, представители делегаций школ Советского Союза, представители трудовых коллективов депо им. Заслонова. На переднем плане мы видим самых активных жителей «республики»: Грищенкова Константина Васильевича (зам. комбрига), Снытко Александра Дмитриевича, Сплошного Владимира Ивановича. Справа на фотографии в светлом костюме ведёт слёт Валентина Васильевна, наш главный свидетель тех событий. Данная фотография сделана учащимися СШ №10 и хранится в архиве этого учреждения.

Что же было на слётах? О чём говорили их участники? Чем занимались? К моему удивлению, это было не только приятное общение. На встречах заслоновцы рапортовали о своих делах, успехах. Оказывается, учащиеся вели свою работу по

нескольким направлениям: поисковая работа по ВОВ, помощь ветеранам, работа на колхозных полях, выступления с концертами перед населением. Именно заслоновцы стали основателями лагерей труда и отдыха в Беларуси. Кроме слётов в СШ №10 существовала традиция — ежегодный праздник в честь школы в день рождения К.С. Заслонова (7 января). Это было время школьных каникул, и учащиеся приглашали своих друзей из школ страны.

Больше всего Валентине Васильевне запомнился слёт, посвящённый 55-летию СШ №10. В Оршу приехало 36 делегаций из разных городов Советского Союза. Ребят размещали в вагонах депо (помогали шефы), в семьях друзей (многие уже встречались не раз). Слёт начался с торжественного марша к памятнику К.С. Заслонова. Об этом свидетельствует вторая фотография, на которой праздничная колонна марширует вдоль вокзала Орши. На переднем плане — знаменосец. Это подчёркивает важность и торжественность момента. Слева от знаменосца гордо шагает бывшая ученица, а ныне учительница СШ №9 г. Орши Катович Ольга Михайловна. Она принимала активное участие во всех мероприятиях «Заслоновской республики». А вот как вспоминают об этом событии учащиеся Невеля: «Это были незабываемые дни. В Орше нас встречали не только оршанцы-ребята, но и гости-партизаны. Более 60 партизан приехали в Оршу, а также заслоновцы со всех концов страны. Праздник начался с торжественного шествия к могиле и памятнику К.С. Заслонова под звуки духового оркестра железнодорожников. Впереди шли партизаны, друзья, родные героя. Возложили венки и Гирлянды Славы, почтили память погибших минутой молчания. Торжественная встреча продолжалась во Дворце культуры железнодорожников. Под оркестр в зал вошли с горящими факелами заслоновцы 3-х поколений: партизаны, ветераны заслоновского движения, пионеры. У импровизированного костра собрались ветераны и пошли воспоминания. Запомнилось выступление матери Жени Корженя, погибшего вместе с Заслоновым».

Завершилась интереснейшая встреча посадкой деревьев за Дворцом культуры железнодорожников. На третьей фотографии мы видим сажающих деревца ребят из Невеля, Индры и других городов. На участках виднеются таблички с названиями городов — участников слёта. Для меня удивительно, что никто не делает «сэлфи», никто не смотрит в объектив, молодые люди просто работают... Кстати, этот парк существует и по сей день.

Когда я брала интервью, мне хотелось спросить о том, как сами ребята относились к делам «заслоновской республики». К сожалению, мероприятия в современных школах часто носят «добровольно-принудительный» характер. Иногда формальный. Захотелось посмотреть на лица детей этаким «крупным планом», увидеть их эмоции, понять мотивацию их активности. Мы поехали в Дзержинск. В государственном архиве кинофотофонодокументов мы нашли три фотографии, имеющие отношение к нашей теме. Одна из них запечатлела юных пионеров заслоновской школы №5 Лепельского района на фоне оршанских «Катюш» (это 1967 год!). Ребята сосредоточенно что-то записывают, фотографируют. На лицах — живой интерес, чувствуется, что они осознают важность своей деятельности и свою значимость в этом деле. Вот как вспоминают этот же год ребята Невеля: «Вот опять мы в Орше. С нами встретились старые, заветные друзья. Приехали рано. Устали жутко, но, несмотря на это, быстро натянули палатки, сварили обед. Холодно... Дождь... А мы строили свой город. Самый лучший и весёлый на Земле — Заслоновск. Первый огонёк у костра... Он почему-то очень растрогал души ребят. Задел за живое...». На второй фотографии из архива мы видим возложение венка к памятнику К.С. Заслонова (1960 год!) учащимися СШ №10 г. Орши. Зима, январь, люди помнят...

Не думала, что некоторые факты, с которыми я ознакомилась, подтолкнут меня к проявлению активности. Одним из направлений деятельности заслоновцев был сбор макулатуры и металлолома. Но главное не в этом, а в результатах! Так, например, из металлолома, собранного пионерами Хабаровского края и заслоновцами Урала, было построено два тепловоза «Константин Заслонов», которые ходили по Южно-Уральской железной дороге. Было о чём сказать и ребятам из города Златоуст Челябинской области: «И теперь готовит наша школа новый подарок — звено комбайнов, которые будут носить имена боевых сподвижников К. Заслонова и убирать хлеб с полей». Эти же факты подтвердила и В.В. Гладких. В колхоз имени Заслонова тоже была передана колонна комбайнов, которым были присвоены имена героев оршанского подполья. А ещё я прочитала, что на средства, вырученные от трудовых операций, не только строились тепловозы и комбайны, но и... открывались музеи!

Меня задела за живое информация о том, что мемориальный музей К.С. Заслонова в Орше перестал существовать, а его экспонаты разбросали по другим экспозициям города. Причина? Ураган в 2016 году, который повредил постройку 1914 года. Пришли к выводу, что из-за ветхости ремонт нецелесообразен. И снесли... Есть информация, что новый музей будет построен в 2023 году. Грустно не только потому, что ребята не могут глубоко познакомиться с биографией легендарной личности, и даже не потому, что нет возможности сводить в музей гостей из других городов и стран. Печальнее всего то, что нет традиционного и привычного места сбора ветеранов, один из которых и обратился в газету «Советская Белоруссия».

В связи с тем, что решается вопрос о строительстве нового музея Заслонова, мы обратились в отдел молодёжи и идеологии оршанского райисполкома, в редакции «Оршанской газеты» и «Телеком-экспресс» с письмом-инициативой. Мы призвали всех учащихся города и района (а, может, и не только!), заслоновских школ бывшего СССР (а вдруг откликнутся!) направить средства, полученные от сборов макулатуры и металлолома, для строительства нового музея. Мы также сняли и выложили ролик на YouTube, чтобы привлечь внимание тех, кому не все равно.

Я думаю, что в Год малой родины и накануне 75-летия Великой Победы эта инициатива была бы знаковой и значительной для нас, учащихся, которые внесли бы свой небольшой вклад в продолжение добрых традиций нашего города, страны, и сохранение исторической памяти.

Черная туча Чернобыля: влияние на судьбы людей

Михайлова Полина

В жизни людей бывает много знаковых событий, оказывающих серьезное влияние на судьбы отдельных людей, целых поколений и общества. К таким событиям относятся войны, революции, природные и техногенные катастрофы. Во второй половине XX века одним из таких событий стала авария на Чернобыльской атомной электростанции. Случился коренной переворот в жизнях многих тысяч людей Гомельской области и других районов Беларуси и Украины, которые были вынуждены спасать себя и свои семьи от «радиационной бури», покидая родной дом, возможно, навсегда!

История про «Черную Быль» напрямую затронула мою семью: мои бабушка и дедушка с 1986 по 1989 годы решали вопрос о спасении себя и своих детей. На примере своей семьи я расскажу эту историю, пользуясь аудиозаписью беседы с дедушкой и видеоинтервью про детские воспоминания мамы.

26 апреля 1986 года мой дедушка, как и в самый обычный день, собирался на работу в школу (работал он учителем истории и начальной военной подготовки в Холочской средней школе Чечерского района). И вот по дороге он заметил необычное явление: после вечерней и ночной грозы все лужи были покрыты желтой густой пеной, от которой исходил неприятный запах серы. Дедушку это серьезно озадачило, он подумал, что, возможно, на каком-то химическом предприятии произошел взрыв. В школе учителя бурно обсуждали случившееся, и многие были в замешательстве, терялись в догадках. Официальной информации на этот счет нигде не было, и вскоре люди стали жить той обычной жизнью, которой жили раньше.

Первые сведения о произошедшей аварии на Чернобыльской атомной станции люди услышали по радио «Голос свободной Европы» — в мае. У всех была паника, слезы, многие родители забрали в этот день своих детей из школы, не дожидаясь окончания уроков. Люди не знали, что им делать и как жить дальше, не представляли, какой будет их дальнейшая судьба.

С этого дня военные ежедневно стали измерять уровень радиации. Как рассказал мне дедушка, летали вертолеты с дозиметрами, приезжали на машине специалисты и измеряли с помощью своих приборов радиацию в начале, посередине и в конце деревни. К ним часто обращалось местное население с просьбами измерить уровень радиации овощей, фруктов, воды, одежды, дома и построек. Как правило, военные отказывались это делать, чтобы не сеять панику среди населения.

Но вскоре были созданы санитарные отряды из резервистов, которые мыли крыши домов и построек, снимали верхний слой грунта, асфальтировали дороги и делали тротуары, прокладывали новые водопроводы. Местному населению в деревнях было запрещено выращивать домашних животных и употреблять в пищу местное молоко, мясо и другие продукты, в том числе выращенные на собственных подворьях и огородах. Всё стали привозить в магазин и продавать по количеству членов семьи. Как рассказывал дедушка, в сельском магазине продавали тушенку китайского и оршанского производства, рогачевское и глубокское сгущенное и концентрированное молоко, гречку, колбасу и колбасные изделия, завезенные из Минщины и Витебщины.

Дети часто уезжали на оздоровление на все лето в детские лагеря под Минском, Витебском. Моя мама за неполные четыре года семь раз выезжала на оздоровление в санатории и летние лагеря. В санаториях Анапы и Ялты была организована учеба, лечение и оздоровительные процедуры.

В период отпусков люди уезжали семьями к родственникам в более «чистые» от радиации районы и области. Моя прабабушка через год после аварии со всей семьей переехала в Витебскую область, так как прадедушка, работая бригадиром в

колхозе, прямо на поле терял сознание либо у него из носа, ушей сочилась кровь. Поэтому моим бабушке и дедушке было куда приезжать в период отпусков и привозить своих детей. Моя тетя, будучи маленькой девочкой дошкольного возраста, росла у бабушки и дедушки и ходила в местный детский сад. Так ей была спасена жизнь, а ведь некоторые дети ее возраста впоследствии умерли от белокровия!

В 1989 году деревня Холочье, находящаяся в 100-километровой зоне от Чернобыля, была признана обязательной для отселения людей. Однако местным жителям предложили переезд в другую, специально отстроенную деревню … в той же Гомельской области. Мой дедушка, понимая, что это бессмысленное переселение, сам стал искать жилье, работу и школу для своих детей в Витебской области, как наименее пострадавшей от радиации.

За май 1989 года он нашел такое место, где было и жилье, и работа — д. Белая Липа Сенненского района Витебской области.

В июле вся семья переехала. Адаптация к жизни на новом месте была сложной, несмотря на доброжелательное отношение жителей к переехавшим из загрязненной радиацией зоны. По воспоминаниям мамы, всё лето 1989 года на Витебщине было дождливым и сырым, к такой погоде было нелегко привыкнуть после солнечной и тёплой Гомельщины. Вследствие этого у мамы развилась холодовая аллергия, преследующая ее до сих пор. Вся семья была поставлена на учёт у эндокринолога районной поликлиники: и дети, и взрослые принимали лекарства, помогающие щитовидной железе нормально работать.

Я хочу сказать о том, что повседневная жизнь и психологическое состояние людей изменились. Моя семья адаптировалась к новым условиям, а многие семьи, по словам дедушки, были негативно встречены местным населением и даже им наносился моральный (игнорирование либо агрессия со стороны соседей) и материальный ущерб (к примеру, поджог стогов сена, дров, заготовленных на зиму, сельскохозяйственных построек). Эти несчастные люди были вынуждены вернуться на прежнее место проживания и дальше продолжать борьбу с радиацией за свою жизнь. В такой момент у части населения проявлялось сильное патриотическое чувство к своей малой родине. Многие пожилые люди отказывались покидать родной дом, желая быть похороненными на родной земле.

Мои дедушка, бабушка, мама, тётя и дядя скучают по прежней жизни: их тянет на малую родину, несмотря на то, что на сегодняшний день память о Чернобыльской трагедии там хранят только несколько старых домов (остальные захоронены вместе со школой, сельским клубом, магазином и другими общественными постройками), поля, заросшие лесом, и старое кладбище, на которое приезжают родственники усопших один раз в год — на Радуницу, чтобы привести в порядок могилы и увидеться с теми, с кем развела злая судьба под названием «Чернобыль». К слову, пострадавшая деревня Холочье, как и некоторые другие деревни Гомельщины, стёрта с карты Беларуси! Узнать координаты этой деревни сегодня можно только по памятнику погибшим воинам в Великой Отечественной войне! Чёрная быль закрыла своим чёрным плащом эту деревню! Пока живы пострадавшие от радиации холочинцы, память о деревне, о прежней жизни, о соседях будет бережно храниться в их сердцах!

Дорога к Жировичской Святыне…

Равинская Юлия

Я живу в Жировичах, где расположен один из древнейших монастырей Беларуси. В этом году он отмечает две юбилейные даты: 550-летие явления чудотворной Жировичской иконы Божией Матери и 500-летие основания Жировичского Свято-Успенского монастыря.

Глядя на множество паломников, которые приезжают сюда не только из разных уголков Беларуси, но и со всего мира, мне стало интересно, что же заставляет людей преодолевать столь дальние расстояния, а многим из них оставаться здесь на постоянное место жительства.

Чтобы найти ответ на этот вопрос, я решила исследовать жизненный путь моего односельчанина Ковальчука Владимира Михайловича. Этот творческий человек много лет назад приехал в Жировичи и по сей день работает художником-иконописцем.

Среди множества фотографий его семейного альбома мой взгляд остановился на фотоснимке, на котором Владимир Михайлович пишет пейзаж.

Картина, на которой на заднем плане изображена Жировичская обитель, поистине завораживает. Полет журавлей как бы указывает путь, который должен преодолеть человек, чтобы найти правильную дорогу в жизни.

По словам Ковальчука В.М., фотоснимок сделан в 1996 году в мастерской его дома и имеет для него особую значимость. Его супруга, Галина Алексеевна, решила запечатлеть момент создания мужем его первой картины о Жировичах, которую он писал по просьбе архимандрита Гурия (ныне — архиепископ Новогрудский и Слонимский).

Глядя на сосредоточенный взгляд Владимира Михайловича, можно сказать, что этот человек всю жизнь провел за мольбертом, отображая на полотнах красоту и глубину окружающего мира. Но, проговорив с ним целый вечер, я поняла, какой длинной была его дорога к Жировичской святыне. Дорога, которая тесно вплелась в историю нашей страны…

Родился Ковальчук В.М. 10 марта 1946 года. После трагической гибели отца из-за тяжелого материального положения семья переехала в Сибирь, где жили их дальние родственники. С ранних лет у Владимира проявился талант к рисованию, и после окончания восьмого класса он дважды пробовал поступать в Иркутское художественное училище, однако оба раза не прошел по конкурсу. Чтобы не терять время, поступил в железнодорожное училище города Зима Иркутской области на специальность слесарь по ремонту тепловозов.

Владимир Михайлович всегда занимал активную жизненную позицию. Совмещал учебу с вечерними занятиями в студии изобразительного искусства при Зиминском Дворце культуры железнодорожников, принимал активное участие в художественной самодеятельности.

Попав по распределению на Байкал, приобщился к занятиям альпинизмом, которые, как он считает, сыграли значительную роль в становлении его характера.

И все же тоска по родине заставила Владимира Михайловича в 1964 году вернуться в Белоруссию. В городе Руденск Пуховичского района он нашел свою вторую половинку: талантливую, активную, жизнерадостную девушку Галину, которая родила ему двух прекрасных детей — сына и дочь.

Владимир Михайлович рассказал, что в то время на всех предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях, учреждениях и организациях были созданы первичные организации Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (ВЛКСМ).

Изучив документальные материалы в интернете, я узнала, что ВЛКСМ в те годы являлся массовой и престижной организацией, и на протяжении 1960-х годов он увеличил свои ряды почти на 100 тысяч человек.

Не остались в стороне и молодые супруги Ковальчук. Галина Алексеевна стала секретарем, а Владимир Михайлович — заместителем секретаря комсомольской организации Руденского завода пластмассовых изделий, а также начальником штаба «Комсомольского прожектора». Инициативные, дисциплинированные, Владимир и Галина были всегда готовы к самоотверженному труду на благо Родины. Они являлись организаторами и активными участниками концертов, социалистических соревнований. По рекомендации директора Руденского завода пластмассовых изделий Ковальчук Владимир Михайлович готовился к вступлению в члены КПСС.

Также я узнала, что эта эпоха вошла в историю как период борьбы с религией. Власти законодательно ограничивали приток молодёжи в церкви и серьезно наказывали тех, кто принимал участие в религиозных обрядах. Владимир Михайлович поведал, что испытал эту борьбу на себе, когда за крещение его сына, втайне от него совершенное женой и тещей, супругов исключили из комсомола. Владимир Михайлович вспоминает: «Для меня это стало огромным ударом. Кроме моральной травмы рухнули все наши надежды. Нас лишили очереди на жилье, которое мы должны были получить в ближайшее время».

Но молодой, решительный Владимир, веривший в коммунистические идеи, добился своего восстановления в комсомоле, а в будущем был принят в члены КПСС.

В члены партии принимались сознательные, активные и преданные делу коммунизма рабочие, крестьяне и представители интеллигенции.

На фотоснимке изображена делегация Руденского поселкового Совета на Пуховичскую XXIII районную партийную конференцию, в составе которой был Ковальчук В.М., тогда секретарь первичной организации Руденского поселкового Совета народных депутатов (в центре). Фотоснимок сделан в 1984 году у здания Пуховичского Дома культуры. Фото постановочное. «Этот фотоснимок, — говорит Владимир Михайлович, — памятен тем, что я сфотографирован с ветеранами Великой Отечественной войны и труда, активными участниками общественной жизни, а также с председателем Руденского поселкового Совета Даниэль Антониной Дмитриевной (слева от меня)».

В фотоальбоме Ковальчука В.М. меня привлекла еще одна фотография, где он стоит в кругу фотографов Минского областного народного фотоклуба «Крыніца», председателем которого был. Справа в нижнем ряду — Иван Жук, слева направо — Михаил Каленкевич, Владимир Охременко, Александр Эпштейн, Олег Близнец. Фото сделано во время областного семинара фотолюбителей в 1991 году в Минске.

Оказывается, в то время многие молодые люди увлекались фотографией, фотоклубы были популярны во всех городах. Фотоаппарат можно было купить легко, но непросто было сделать хорошие, качественные фотографии, а создание их было длительным и сложным процессом.

Выставочные фотоработы Владимира Михайловича экспонировались в Минске, Москве, Белостоке, Реймсе, Мадриде, Эгтведе. В области фотоискусства у Владимира Михайловича есть награды: большая серебряная медаль FIAR на XVI Международном салоне художественных фотографий в Реймсе (1982), бронзовая медаль на конкурсе «Европа-83» в Испании (1983). До сих пор Владимир Михайлович бережно сохраняет отснятые в то время негативы и не оставляет свою мечту — создать новую фотовыставку «Дорога к Храму».

Все это время Ковальчук В.М. не оставлял свое любимое занятие — туризм. Возглавлял туристско-патриотический клуб «Подвиг», организовывал ежегодные туристические слеты для взрослых и школьников.

Владимир Михайлович рассказал, что 1980-е годы для молодежи были полны романтизма, который проявлялся в «бардовской» песне, туризме, студенческой самодеятельности, популярности экспедиций и путешествий.

На фотоснимке изображен Ковальчук В.М. перед восхождением на высокогорный перевал Наур в горах Западного Кавказа в 1986 году. Это фото сделал участник похода Олег Близнец по просьбе Владимира Михайловича для семейного альбома. На ногах — ботинки и защитные гетры, в руках — ледоруб, который был неотъемлемой частью туристско-альпинистского снаряжения. Улыбка на лице говорит о бодрости духа и прекрасном настроении. Ковальчук В.М. несколько раз в год совершал многодневные походы в горы — Карпаты, Кавказ, Алтай, Саяны, Хамар-Дабан, Момский Хребет.

Казалось, что его жизненный путь определен. Но в 1987 году произошел случай, который коренным образом изменил жизнь семьи Ковальчуков. В результате травмы дочь Владимира и Галины получила инвалидность. Впоследствии она приняла иноческий постриг в Жировичской обители.

С душевным трепетом Владимир Михайлович вспоминает тот день, когда он впервые приехал в Жировичи. Этот незабываемый момент восторга запечатлен на фотоснимке, сделанном его сыном в 1994 году, когда по просьбе архимандрита Гурия он приехал, чтобы помочь покрасить купол главного монастырского храма.

По словам Ковальчука В.М., ему хотелось запечатлеть свою первую встречу с Жировичами, прекрасный вид на обитель, а также новый этап своего жизненного пути.

Из беседы с Владимиром Михайловичем, а впоследствии из исторических источников я узнала, что 1990-е годы были периодом нового расцвета Жировичской обители. Монастырю вернули ранее отнятые здания; возродилась Минская духовная семинария, куда устремилось много молодых людей.

В 1995 году Ковальчук В.М. принял предложение архимандрита Гурия работать художником-иконописцем в Жировичском монастыре и вместе с семьей переехал в Жировичи. Здесь он обустроил красивый, уютный, сделанный по собственному проекту дом. «С тех пор, — говорит Владимир Михайлович, — моя жизнь была неразрывно связана с Жировичским монастырем, с чудотворной иконой, перед которой можно поведать свои душевные переживания, попросить молитвенного заступления перед Господом нашим».

У Владимира Михайловича много наград: медаль лауреата Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1987), бронзовая медаль комитета Выставки достижений народного хозяйства СССР «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР» (1987), медаль лауреата Всесоюзного смотра самодеятельного народного творчества, посвященного 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1985).

Жизнь моего односельчанина могла сложиться совсем по-другому. Но, получив духовную опору в трудный момент жизни, он нашел свою дорогу к Жировичской святыне, которая полностью изменила его мировоззрение.

По сегодняшний день Ковальчук Владимир Михайлович продолжает трудиться художником-иконописцем. В благодарность за его труд награжден медалью Белорусской Православной Церкви святителя Кирилла Туровского (2013) и медалью Новогрудской епархии Белорусской Православной Церкви преподобного Елисея Лавришевского (2014).

Готовясь к участию во II историческом конкурсе для молодёжи «За кадром: от истории семьи к истории сообщества», я поняла, что фотография — это не просто снимок, а живая история, в которой иногда может отображаться целая эпоха.

Пример жизни Ковальчука В.М., отображенный в предоставленных фотоснимках, показал, что дорога к храму у каждого своя. Тысячи людей приезжают к святыне в надежде найти ответы на свои жизненные вопросы, получить духовную опору в трудной жизненной ситуации. А некоторые — остаться здесь навсегда.

Сямейныя фотаздымкі — частка гісторыі краіны

Бубен Таццяна

На наш погляд, вельмі важна даследаваць гісторыю сваёй сям'і. Па-першае, ты атрымліваеш неацэнную інфармацыю пра сваю сям'ю, пра родных і блізкіх людзей. Па-другое, разумееш, што гісторыя тваёй сям'і — гэта частка гісторыі краіны. Прадстаўляю вынікі свайго даследавання старых фотаздымкаў 1980–90-х гадоў і гутарак са сваякамі і спадзяюся, што гэта будзе цікава і падштурхне кагосьці да вывучэння гісторыі сваёй сям'і.

Адзін з першых фотаздымкаў, які трапіўся ў рукі, можна назваць «Свята ў вясковым Доме культуры». На ім мы бачым свята ў Доме культуры вёскі Вострава. 7 лістапада — Дзень Кастрычніцкай рэвалюцыі. Гэты дзень у Савецкім Саюзе лічыўся «чырвоным днём календара», быў выхадны, і па ўсёй краіне праходзілі раніцай масавыя дэманстрацыі з лозунгамі, плакатамі, а ў другой палове дня або ўвечары ўладкоўваліся святочныя канцэрты ў дамах культуры, нават сельскіх. Мерапрыемства, якое мы бачым на фотаздымку, арганізавана ў фармаце «Блакітнага агеньчыка» — вельмі папулярнай у той час тэлеперадачы, калі госці сядзелі за столікамі, размаўлялі, а ў перапынках выконваліся песенныя нумары.

Мы бачым у левым верхнім куце фатаграфіі Дошку гонару — абавязковы атрыбут таго часу. На Дошцы гонару змяшчаліся фотаздымкі перадавікоў вытворчасці. Група з 10 чалавек сядзіць вакол пісьмовага стала, які ператвораны ў абедзенны. Відаць, што ўдзельнікі мерапрыемства не занадта турбаваліся аб сервіроўцы і ўпрыгожванні стала, усё проста і сціпла. На стале няма абрусы, пачастунак складаецца з некалькіх страў у простых эмаляваных місках. Хлеб ляжыць на стале. Перад удзельнікамі мерапрыемства стаяць дзвесціграмовыя шклянкі: гэтыя шклянкі кожны ўдзельнік прыносіў сам. На стале ёсць гранёныя шклянкі, але ёсць і крыштальныя, з разьбой. На стале таксама вялікая колькасць шкляных бутэлек, падобна, што гэта бутэлькі ліманаду, так як у іх металічныя коркі. А вось пад сталом стаяць тры бутэлькі. Адна з іх таксама ад ліманаду, бачна, пустая. А дзве іншыя бутэлькі зачынены коркамі: хутчэй за ўсё, гэта бутэлькі з віном. Падобна на тое, што ўдзельнікі не афішуюць, што ў іх ёсць спіртное, таму што прыхавалі яго пад сталом, не ведаючы, што гэтыя бутэлькі патрапяць у кадр. 1989 год — гэта ўжо практычна канчатак «сухога закона», таму за яго выкананнем сачылі дастаткова фармальна. Там жа, пад сталом, знаходзяцца жаночыя сумачкі. Відавочна, жанчыны стараліся трымаць сумачкі бліжэй.

Людзі сядзяць на простых крэслах. За сталом даволі мала месца для такой вялікай кампаніі, але яны спецыяльна ссунуліся ў бок, каб сфатаграфавацца. Злева знаходзіцца музыкант з баянам. Відаць, што гэта вясёлы мужчына, душа кампаніі, ён усміхаецца. Сярод тых, што сядзяць за сталом, чацвертая справа — Руштэйка Леаніда Станіславаўна, мая прабабуля. Ёй на фатаграфіі 65 гадоў. Нягледзячы на ўзрост, сярод ўсіх жанчын яна адрозніваецца сваёй знешнасцю: у яе падфарбаваныя вусны вельмі моднай і дэфіцытнай тады перламутравай памадай з бліскаўкамі, валасы прыгожа выкладзеныя. Яна апранута ў элегантны касцюм у класічным стылі і какетлівую пярэстую блузку. Даўжыня спадніцы ніжэй калена, на нагах ажурныя калготы — вельмі дарагая і дэфіцытная ў той час рэч. Сярод тых, хто сабраўся, мая прабабуля выглядае амаль як француженка — яркая, элегантная, стыльная, прыгожая. Яна заўсёды сачыла за сабой, добра выглядала, была моднай. Яна спявала не толькі ў самадзейнасці Дома культуры, але і ў касцёле.

У правым верхнім куце бачныя два выключальнікі, а сценка каля іх абадраная, замызганая. Простасць абстаноўкі, сціпласць стала не ўплываюць на настрой людзей, якіх мы бачым на фатаграфіі. У той час усе жылі небагата. На тварах удзельнікаў мерапрыемства бачна радасць, добрае стаўленне адзін да аднаго. І справа не ў тым, што гэта рэвалюцыйнае свята: людзі рады таму, што яны сабраліся разам, што ў іх ёсць магчымасць адпачыць.

Яшчэ адну цікавую фатаграфію я

назвала «Гаспадыні на вяселлі». На ёй чатыры жанчыны стаяць побач, другая справа — мая бабуля Марыя Браніславаўна Руштэйка. Ёй на здымку 26 гадоў. Жанчыны стаяць на фоне вайсковага намёта, але з арміяй і ваеннымі вучэннямі ці нейкімі іншымі вайсковымі падзеямі гэтая фатаграфія не звязана. А звязана яна з правядзеннем вяселля, якое адбылося ў вёсцы Скрагі Шчучынскага раёна ў 1985 годзе. Вясельныя ўрачыстасці ў той час былі вельмі значнымі падзеямі ў гісторыі сям'і, таму запрашаліся на мерапрыемства ўсе сваякі, нават самыя далёкія. Калі хтосьці не быў запрошаны, гэта магло прывесці да крыўды на ўсё жыццё. Таму на такіх ўрачыстасцях была вялікая колькасць гасцей. Вяселле праводзілася «на два бакі»: спачатку ў нявесты, потым у жаніха. У пятніцу збіраліся госці ў доме нявесты, потым прыязджаў жаніх, яму даводзілася «гандлявацца» з сяброўкамі нявесты (іх называлі «шаферкамі» або «дружкамі») і са свацця́й, а потым «выкупляць» сваю каханую. Калі ў жаніха не хапала грошай, цукерак, шампанскага і інш., то яму дапамагалі сябры («шаферы», «дружбанты»), якія таксама ўносілі сваю долю ў выкуп нявесты. Затым маладыя ехалі распісвацца ў ЗАГС, потым госці садзіліся за стол. У суботу з раніцы баляванне працягвалася, затым пачыналася працэдура «дарэння» сваякамі з боку нявесты. Прыкладна пасля абеду маладыя, «шаферы» і «шаферкі», сваты і самыя блізкія сваякі ехалі да жаніха. І там вяселле працягвалася на працягу двух дзён: у суботу і нядзелю.

У сувязі з тым, што запрашалася вялікая колькасць гасцей, у доме, як правіла, іх не маглі размясціць, а ў кафэ або рэстаране праводзіць такую ўрачыстасць для сельскіх жыхароў было дорага. Таму ў перыяд, калі надвор'е дазваляла (прыкладна з красавіка па верасень), вяселлі праводзілі ў вялікіх салдацкіх палатках, якія бралі ў арэнду альбо ў воінскіх частках, альбо ў прадпрымальных людзей, якія набывалі такія палаткі як спісаную маёмасць, а потым пускалі іх у абарот.

Такая палатка магла змяшчаць 100-150 чалавек. Унутры ставілі драўляныя сталы і лаўкі, пазбіваныя з дошак. Часта іх можна было ўзяць у камплекце з палаткай, часам гаспадары майстравалі іх самі. Паколькі дошкі былі неапрацаваныя, іх засцілалі тканінамі.

На фатаграфіі відаць, што вокны палаткі адкрыты пры дапамозе загорнутых уверх штор з армейскага матэрыялу, такога ж, як і тканіна палаткі. Шторы паднятыя, каб у палатцы было светла днём, а ўвечары там уключалі спецыяльна праведзенае святло — цягнуліся драты з лямпачкамі. На фатаграфіі мы бачым, што на вокнах замацаваны кавалкі белай марлі. Як вы думаеце: для чаго? Адказ просты: паколькі вяселле ладзілі ў сельскай мясцовасці і ва ўсіх дварах была хатняя жывёла, то марлю вешалі на вокны, каб абараніць палатку ад пранікнення мух. Таксама на фатаграфіі (справа ўверсе) мы можам убачыць зялёныя галінкі дрэва, якімі ўпрыгожвалі палатку.

Перад намётам стаяць чатыры жанчыны. Гэта «гаспадыні». Так называлі спецыяльна запрошаных жанчын, якія рыхтавалі пачастункі для шматлікіх гасцей. Часта ў якасці «гаспадынь» запрашалі сваячак, тады ім не трэба было плаціць. Але блізкіх сваячак на такую ролю запрашаць было нельга, бо для іх па традыцыі прадугледжвалася ганаровае месца за сталом. Таму запрашалі і спецыяльных «гаспадынь» — старонніх жанчын, якія добра гатавалі. Часта ў вёсцы былі такія «гаспадыні», якія славіліся сваім майстэрствам і паваротлівасцю — іх запрашалі на гэтую ролю на многія вяселлі. За такую працу «гаспадыні» атрымлівалі ад 15 да 25 рублёў — гэта даволі вялікая па тых часах сума. Акрамя таго, падчас застолля гаспадынь запрашалі выйсці да гасцей і дарылі ім падарункі: адрэзы тканіны або пасцельную бялізну.

Фатаграфія зроблена ў горадзе Шчучыне ў фотаатэлье (так звалі́ся ў той час установы, у якіх аказваліся паслугі па фатаграфаванню і вырабу фотаздымкаў). У такім фотаатэлье працаваў фатограф, які быў досыць вядомай асобай у раённым цэнтры. Кліентаў усаджвалі на фоне светлай фіранкі, фатограф паказваў, куды ўсім глядзець (крыху вышэй аб'ектыва), а затым, схаваўшыся пад накідку вялікай фотакамеры, рабіў здымак — у гэты час была ўспышка. Затым, дзён праз 5–10, трэба было прыйсці ў фотаатэлье, каб забраць выраблены фатаграфіі. Як правіла, у камплекце іх было 6. Каляровыя фота ў той час рабілі рэдка, таму што яны былі значна даражэй.

Паход у фотаатэлье быў сапраўднай падзеяй, да якой рыхтаваліся загадзя, прадумвалі, як прыбрацца. Сёстры Марыя і Алена вырашылі

На фатаграфіі мы бачым, што самая старэйшая жанчына (першая злева) у фартуху. У такіх фартухах на працягу вяселля былі ўсе «гаспадыні». Тры іншыя жанчыны, хутчэй за ўсё, знялі фартухі для фатаграфавання. Жанчыны апрануты ў квяцістыя сукенкі па модзе таго часу. Прычоска — толькі ў маёй бабулі, у яе на руцэ бачны прыгожы гадзіннік — паказчык таго, што яна досыць забяспечаная. У першай справа жанчыны на шыі пацеркі. Больш упрыгожванняў ў жанчын няма. Гэта не толькі таму, што яны будуць працаваць на кухні. У той час сельскія жанчыны не насілі ўпрыгожванняў, а на выхад мелі адзін–два ўбора.

Вяселле было такой важнай падзеяй у жыцці сям'і, што нярэдка грошы на яе правядзенне збіралі некалькі гадоў і праводзілі так, каб усе госці засталіся задаволеныя.

На чарговай сямейнай фатаграфіі — мая бабуля Марыя Браніславаўна Руштэйка са сваёй дачкой Наталляй, маёй мамай. Другая дарослая жанчына — гэта Алена Браніславаўна, малодшая сястра Марыі. Алена разам са сваім сынам Дзмітрыем.

сфатаграфавацца разам са сваімі маленькімі дзецьмі. Яны спецыяльна прыехалі са сваёй вёскі Скрагі ў Шчучын, раённы цэнтр. І дарослыя жанчыны, і іх дзеці апрануты ў футры. Натуральныя футры былі вельмі дарагія і здаваліся сапраўднай марай для жыхарак вёскі. Але і футра з ненатуральнага меху ў тыя часы была паказчыкам дабрабыту сям'і. Таму сёстры вырашылі, што на здымку ўсе будуць у верхняй вопратцы, хоць фатаграфуюцца яны ў памяшканні. На галаве Марыі «шаліноўка» — так называлі квяцістыя хусткі, модныя ў той час. Дарэчы, бабуля да гэтага часу носіць такія хустачкі. Шчыра кажучы, я зараз, у наш час, калі-некалі бяру ў бабулі «шаліноўку» — яна вельмі добра спалучаецца з сучасным адзеннем і выглядае актуальна нават у камплекце з джынсамі. Працягваю распавядаць пра фота: на галаве Алены махеравая вязаная шапачка — такія шапкі з начосам былі вельмі модныя. На дзецях — вязаныя шапачкі з узорамі, яркі атрыбут дзіцячага адзення. Сёстры Марыя і Алена відавочна пазіруюць, хочуць выглядаць пры-

гожа і разумеюць урачыстасць моманту. Чатырохгадовая Наталля таксама разумее — ёй патлумачылі гэта дарослыя. А вось двухгадовы Дзмітрый насупіўся: магчыма, ён нават спалоханы тым, што адбываецца.

Фатаграфія перадае самае галоўнае: цеплыню сямейных адносін. Сёстры любяць і паважаюць адзін аднаго, яны хочуць захаваць на фатаграфіі час, калі яны былі маладымі, а іх дзеці — маленькімі.

У 1970-80-я гады, як і зараз, было традыцыяй фатаграфаваць вучняў пры паступленні ў школу і пры пераходзе з аднаго класа ў другі. Для гэтых мэтаў у школу спецыяльна запрашалі фатографа. На фатаграфіі мы бачым вучняў «нулявога» класа (так у той час называліся падрыхтоўчыя класы пры дзесяцігадовым навучанні). Гэта вучні вёскі Дзембрава Шчучынскага раёна. Другая злева — Наталля Марьянаўна Руштэйка — мая мама. Ёй на фатаграфіі 6 гадоў. Клас даволі вялікі — 11 вучняў. У той час нават у невялікіх вёсках пяці дзяўчынак гольфы, а ў двух з іх — у тым ліку ў маёй мамы — гольфы белага колеру, гэта таксама, як правіла, элемент урачыстага адзення. Чацвёра хлопчыкаў у другім шэрагу. Характэрна, што іх не пасадзілі разам з дзяўчынкамі, таму што гэта вызначалася правіламі гендэрнага выхавання таго часу: хлопчык павінен быць мужным, уступаць месца старэйшым і дзяўчынкам. Хлопчыкі акуратна апранутыя, каўнерыкі кашуляў прыгожа адкладзеныя. Характэрна, што ўсе хлопчыкі практычна аднолькава пастрыжаныя, у іх прычоскі з роўнымі чубкамі. У той час гэта была стандартная стрыжка для хлопчыкаў.

Будынак школы з белай цэглы — тыповая пабудова тых гадоў. На заднім фоне бачны двор дзіцячага садка з вялікай колькасцю зялёных насаджэнняў і канструкцыямі дзіцячай пляцоўкі, зваранымі з металічных труб — гэта было функцыянальна і танна. Пад нагамі дзяцей — асфальтавая пляцоўка, на якой фарбай нанесеная разметка для

было шмат моладзі, ствараліся сем'і, у якіх нараджаліся дзеці. Так што актуальная сёння праблема адсутнасці ў маленькіх вёсках моладзі ў той час не існавала. «Нулявы» клас быў створаны на базе дзіцячага саду. Для дзяцей не было стрэсу ад перамены абстаноўкі, і ў той жа час яны рыхтаваліся да школы, заняткі праводзіла настаўніца. У першым шэрагу сядзіць настаўніца, якая выглядае так, як павінен выглядаць савецкі педагог: белая блузка, строгі сарафан — усё акуратна, стрымана. У вушах у настаўніцы завушніцы — паказчык дабрабыту. Але на руках няма кольцаў — хутчэй за ўсё, яна таксама жыве ў гэтай вёсцы, мае агарод, гаспадарку. Так жыла ўся вясковая інтэлігенцыя. Дзеці прыбраныя — бацькі рыхтавалі іх да важнага моманту фатаграфавання. У шасці дзяўчынак з сямі на галавах вялікія белыя банты. Часта іх рабілі з шырокіх капронавых стужак, сцягваючы ніткай з аднаго боку па ўсёй даўжыні. Такія банты выкарыстоўвалі толькі ў урачыстых выпадках, фатаграфаванне — гэта адзін з такіх момантаў. На нагах «класікаў» — самай папулярнай гульні дзяцей таго часу. Такім чынам дзеці спалучалі рухальную актыўнасць з навучальнымі заняткамі. На шчасце, у той час ніхто на перапынках «не сядзеў» у сваіх тэлефонах, таму што такіх гаджэтаў тады не было.

Выклікае цікавасць і афармленне фатаграфіі. На верхнім полі намаляваны піянер, а побач з ім вясёлыя, дружныя дзеці розных нацыянальнасцяў, пра што сведчаць элементы іх касцюмаў. Сярод іх вылучаецца дзяўчынка ў беларускім строі. І ўсе дзеці, узяўшыся за рукі, бягуць наперад — гэта сімвал светлай будучыні, якую ў той час абяцалі хутка пабудаваць. Голуб міру з галінкай у дзюбе ляціць да сонца, а пад малюнкам надпіс «Дзецям планеты — Мір!» — гэта таксама сімволіка сацыялістычнага інтэрнацыянальнага выхавання. Крыху ніжэй намаляваны шчаслівыя савецкія дзеці — хлопчык і дзяўчынка ў піянерскіх гальштуках, а перад імі — пяціканцовая зорачка, сімвал акцябрат, малодшых школьнікаў. Не зусім падыходзіць да ідэалагічнай тэмы «светлага буду-

чага» нечаканы малюнак: Воўк і Заяц — героі мультфільма «Ну, пачакай». Гэты мультфільм у той час быў незвычайна папулярны не толькі сярод дзяцей, але і дарослых, таму кадр з яго змясцілі на фатаграфіі. Напэўна, у 1960-я гады такое сумяшчэнне ідэалагічна вытрыманых малюнкаў «шчаслівага дзяцінства» з кадрам мультфільма наўрад ці было б магчымым. Але ў канцы 1970-х гадоў такія «паслабленні» ў школьнай ідэалогіі сталі магчымымі.

Цікавая фатаграфія, на якой адлюстравана такая падзея, як «першая камунія». Камунія — гэта важны рэлігійны абрад у каталікоў.

Гэтаму абраду папярэднічае навучанне дзяцей на працягу двух гадоў у нядзельнай школе пры касцёле. Па нядзелях дзеці разам з бацькамі наведваюць «імшу» — службу ў касцёле, пасля якой дзеці ідуць на заняткі, а дарослыя іх чакаюць. Заняткі штотыдзень праводзіць манашка, якую называюць «катахэтка». Пасля двухгадовага навучання дзеці здаюць экзамен, які прымаюць ксёндз і катахэтка. На экзамене ў дзяцей пытаюць малітвы, гісторыі з Бібліі, а таксама гісторыю касцёла, у якім яны навучаюцца. Такі экзамен здаецца ў суботу. Пасля яго ў сям'і ладзяць свята: збіраюць родных, абавязкова запрашаюць хросных бацькоў, купляюць торт, іншыя пачастункі. Алкаголь на свяце не ўжываюць.

А ў нядзелю дзяцей, якія здалі экзамен, вядуць на першую камунію ў касцёл. Дзяўчынкі прыбіраюцца ў белыя сукенкі, як нявесты. Сукенкі гэтыя дае касцёл. Уборы застаюцца ад дзяўчынак, якія прайшлі першую камунію раней. А калі ў касцёле не хапае сукенак для новай групы дзяўчынак, то бацькі самі шыюць або заказваюць белыя сукенкі, якія потым таксама пакідаюць у касцёле для наступных груп. Перад камуніяй бацькі бяруць сукенкі з касцёла, каб памыць іх, пагладзіць, пры неабходнасці перашыць. І ў нядзелю ўсе сем'і з прыбранымі дзецьмі ідуць на імшу ў касцёл, дзе дзеці праходзяць першую споведзь і атрымліваюць прычасце — «аплатку», цела Божае. Затым усе дзеці выходзяць на прыступкі касцёла і ва ўрачыстай абстаноўцы фатаграфуюцца на памяць аб такой важнай у рэлігійным жыцці падзеі.

На фатаграфіі мы бачым, што дзеці стаяць на прыступках касцёла ў некалькі шэрагаў. Касцёл дзівіць сваёй велічнасцю, хоць мы бачым толькі яго фрагмент. Гэта касцёл Святога Станіслава ў вёсцы Лядск Шчучынскага раёна, ён пабудаваны ў пачатку XX стагоддзя. У трэцім шэрагу другая справа — гэта мая мама Наталля Руштэйка. Ёй 12 гадоў. Мама распавядала, як яна хвалявалася падчас першай камуніі. На прыступках вышэй стаяць ксёндз і дзве манашкі–катахэткі. Адна з іх у момант фатаграфавання надае ўвагу аднаму з дзяцей. Сярод дзяцей большасць дзяўчынак, але ёсць і хлопчыкі, якія апрануты ў святочную вопратку. Дзеці трымаюць у руках свечкі ў спецыяльных тканкавых сурвэтках. Цікава, што гэтыя свечкі ніколі не запальваюцца, а захоўваюцца дома як памяць аб першай камуніі. Сярод групы дзяцей вылучаюцца некалькі дарослых мужчын. Яны таксама праходзілі на працягу двух гадоў навучанне разам з дзецьмі і таксама прайшлі першую камунію, але ўжо ў сталым узросце, бо не прайшлі гэты абрад у дзяцінстве ў сілу нейкіх прычын, хутчэй за ўсё, з-за забароны на рэлігійнае жыццё ў Савецкім Саюзе.

Калі глядзіш на гэтую фатаграфію, бачыш урачыстыя твары дзяцей і дарослых, то разумееш, наколькі значныя для каталіцкіх сем'яў такія моманты ў рэлігійным жыцці, як першая камунія. Гэта адбывалася, нягледзячы на першапачатковыя забароны, а пазней незадавальненне ўладамі праяў рэлігійных пачуццяў людзей.

Зварот да гэтых фатаграфій дапамог мне даведацца пра падзеі, якія былі важнымі, значнымі для маёй мамы, бабулі, прабабулі, а зараз сталі значнымі і для мяне, бо ўсё гэта — частка гісторыі маёй сям'і. І што характэрна: як у кроплі адлюстроўваецца мора — так у гісторыі адной сям'і праз жыццё простых людзей адлюстроўваецца гісторыя краіны, часу, у якім жылі мае родныя і іх сучаснікі.

Матэрыялы дадзенай працы прадстаўлены на трох мовах (беларускай, рускай, ангельскай) на створаным намі электронным рэсурсе — сайце «Сямейныя фатаграфіі — частка гісторыі краіны». Рэжым доступу да рэсурсу: https://nivcherkes.wixsite.com/foto-my-famili

Рамантыкі вялікай магістралі

Раўко Ірына

Дарога — гэта «паласа зямлі, прызначаная для язды і хадзьбы, якая злучае асобныя пункты мясцовасці». Але дарога — гэта яшчэ і жыццё чалавека з яго ўздымамі і спадамі, крутымі паваротамі і тунэлямі. А калі чалавек прысвячае сваё жыццё ці яго частку будаўніцтву дарог? Верагодна, тады гэтыя два паняцці не проста пераплятаюцца, яны зліваюцца ў адно. І вось чаму я прыйшла да такой высновы.

З боку мамы я маю цудоўных дзядулю — Казмярчука Уладзіміра Львовіча і бабулю — Казмярчук Ларысу Рыгораўну. Яны жывуць у той жа вёсцы Парэчча Гродзенскага раёна, дзе і мы. Калі я была меншай, я часта чула ў размовах слова «бам», але я тады думала, што гутарка ідзе пра дарогу, якая знаходзіцца за Парэччам, вядзе праз лес і злучае Парэчча з Гожскім палігонам (даўно жыхары мясцовасці далі ёй такую назву). Але пазней, калі падрасла, ад сваіх дзядулі і бабулі даведалася, што БАМ — гэта Байкала-Амурская магістраль. Гэта вялікая будоўля XX стагоддзя, якая з'яўлялася сімвалам гераічнай працы камсамольцаў сямідзясятых гадоў. І самым нечаканым для мяне было тое, што і дзядуля, і бабуля ўдзельнічалі ў гэтай вялікай будоўлі. Як аказалася, пяць гадоў (дзядуля з 1975 года, бабуля з 1976 года па 1980 год) працавалі яны ў складзе першага беларускага камсамольскага атрада будаўнікоў БАМа, якому было прысвоена імя героя-камсамольца Мікалая Кедышка (ён навечна быў залічаны ў члены атрада). У атрадзе было 128 юнакоў і дзяўчат.

І тут немагчыма было ўтрымацца, каб не папрасіць бабулю і дзядулю ўспомніць тыя гады, паглядзець фотаздымкі, расказаць пра БАМ. Так у нас атрымаўся цудоўны вечар успамінаў. Я міжволі нават уявіла сябе карэспандэнтам. Задавала пытанні і з задавальненнем і вялікай увагай слухала адказы на іх. Такім чынам, у мяне атрымалася своеасаблівае інтэрв'ю.

— Бабуля, дзядуля, скажыце, калі ласка, а як вы трапілі на гэтую будоўлю?

— Гэта было ў самым пачатку вясны 1975 года, – пачаў свой аповед дзядуля. — Я працаваў тады кранаўшчыком у будаўнічым трэсце горада Мінска. Прыйшоў аднойчы работнік з ЦК камсамола і запрасіў нас, камсамольцаў, прыняць удзел у будаўніцтве БАМа. Сказаў, што найбольш запатрабаванымі з'яўляюцца шафёры, кранаўшчыкі, трактарысты. Разам са мной працавалі кіроўцамі яшчэ два хлопцы з нашай вёскі. Вось мы і вырашылі паехаць. Вядома, бралі тых, хто быў майстрам сваёй справы, быў адказным, сур'ёзным, дарэчы, меў дзве, тры, а то і чатыры сумежныя прафесіі. Мы якраз адпавядалі гэтым патрабаванням. Вельмі добра памятаю дзень ад'езду. Гэта было 27 сакавіка, вельмі цёплы сонечны дзень. Нас, дабравольцаў, праважалі вельмі ўрачыста. Прыйшлі Героі Сацыялістычнай Працы з многіх сталічных прадпрыемстваў, заслужаныя будаўнікі. Прыйшла і маці Мікалая Кедышка.

– Прабач, дзядуля, а хто такі Мікалай Кедышка?

– Гэта, унучка, адзін з арганізатараў мінскага падполля, у складзе якога ў гады Вялікай Айчыннай вайны разам з іншымі падпольшчыкамі распаўсюджваў лістоўкі, садзейнічаў уцёкам савецкіх ваеннапалонных з мясцовых канцлагераў, здзейсніў больш за сорак дыверсій, знішчаў фашыстаў. Ён загінуў у 1943 годзе, трапіўшы ў засаду. Дарэчы, меў будаўнічую спецыяльнасць — маляр-штукатур. Маці героя, Вера Паўлаўна, перанесла жахі «Асвенцыма» і дачакалася вызвалення. У памяць мне ўрэзаліся яе словы, з якімі яна звярнулася да нас, будучых будаўнікоў БАМа: «Дзеці мае дарагія, сыны і дочкі! Паклікала вас краіна – трэба ехаць, трэба будаваць, трэба ісці наперад. Працуйце за сябе і за майго сына». Гэта таксама дадавала нам энтузіязму, смеласці, упэўненасці ў сваіх сілах. А, галоўнае, жадання пакінуць свой след у гісторыі. Вось на гэтым фотаздымку я і мае сябры-аднавяскоўцы за некалькі хвілін да адыходу цягніка Мінск – Камсамольск-на-Амуры. Мы едзем

будаваць паўночны ўчастак БАМа: Тында – Беркакіт.

На фотаздымку тры маладыя хлопцы стаяць на падножцы вагона № 14 цягніка. Адзін з іх, той, які пасярэдзіне, мой дзядуля. Лёгка апранутыя, бо ў Беларусь ужо прыйшла вясна. Настрой у хлопцаў, відаць, добры, бадзёры, наперадзе іх чакае доўгае падарожжа, рамантыка неведамых дарог.

– Бабуля, а чаму цябе няма на гэтым здымку?

– Я, Ірынка, яшчэ год вучылася ў Мінскім педагагічным вучылішчы, рыхтавалася стаць выхавацелем дзіцячага сада. А на БАМ я трапіла праз год, калі скончыла сваю вучобу і мы з дзядулем ажаніліся.

– А як сустрэла вас гэтая далёкая зямля?

– Ну, вядома, — працягнуў свой расказ дзядуля, — ехалі мы вельмі доўга, усё ж адлегласць каля 10 тысяч кіламетраў. Але мы не сумавалі. Жартавалі, смяяліся, спявалі песні пад гітару. Прыехалі толькі трэцяга красавіка. Атрад высадзіўся ў Паўднёвай Якуціі, побач з самай халоднай 60-й паралеллю. Была яшчэ суровая сібірская зіма. Вакол ляжаў глыбокі снег, дзьмуў ледзяны, пранізлівы паўночны вецер. «Вось тут будзе

маладзёжны пасёлак, вось тут мы будзем пракладваць рэльсы чыгункі будучыні», — сказаў нам, як цяпер памятаю, камісар атрада Мікалай Бондараў. Далей аўтобусамі нас прывезлі ў пасёлак Залацінка, у якім жылі якуты і эвенкі.

– Адкуль такая прыгожая назва — Залацінка?

– Назва невыпадковая, — умешваецца бабуля, — бо недалёка працякала горная рака Іенгра, там здаўна намывалі золата. І наогул, Паўднёвая Якуція вельмі багатая на карысныя выкапні, а асабліва на вугаль і жалезную руду, месцанараджэнні якіх знаходзяцца зусім побач адно з другім. Такое спалучэнне сыравіны для чорнай металургіі было ўнікальным, ледзь не адзіным у свеце на той час. А яшчэ вельмі важна, што здабывалі іх адкрытым спосабам, бо яны ж ляжалі фактычна на паверхні. Вось і патрэбна была там дарога да прыродных скарбаў. А іменна чыгунка ў напрамку Тында – Беркакіт даўжынёй больш за 200 кіламетраў.

– А як вам там працавалася?

– Канешне, напачатку было вельмі цяжка на новым месцы. Зусім нязвыклымі былі для нас маразы (зімой да 50-60 градусаў марозу, летам жа да трыццаці градусаў цяпла). Жылі ў вагончыках... Але чалавек прывыкае да ўсяго. І нас не пакідаў дух рамантыкі, нейкага незвычайнага пад'ёму, энтузіязму. Многія мянялі свае прафесіі, бралі ў рукі сякеры, малаткі, цвікі і адпраўляліся на будаўнічыя пляцоўкі. Бо «трэба было ісці наперад». І ў першую чаргу, мы павінны былі пабудаваць часовае жыллё для бамаўцаў. У выніку атрымаўся досыць утульны пасёлак з выгончыкаў. У адных размясціліся байцы атрада, другія абсталявалі пад магазін, медпункт, сталовую, бібліятэку. Пазней пабудавалі школу, ФАП, дзіцячы садок, амбулаторыю, клуб. Дарэчы, назву мы далі пасёлку таксама Залацінка, бо ён знаходзіўся за 4 км ад якуцкага пасёлка з такой жа назвай. Жартам называлі яго малодшай сястрой Залацінкі. І толькі пасля гэтага заняліся будаўніцтвам чыгункі. Я працаваў аўтакранаўшчыком на трыццацітонным японскім кране «Като». Каб на ім працаваць, дарэчы, мне прыйшлося паўгода вучыцца ў Казахстане. Работа мая была адказная, цяжкая. Такой вялікай магутнасці кран быў толькі ў БМП–578 (будаўніча-мантажны поезд), таму часта прыходзілася ездзіць у камандзіроўкі па горнай трасе, дапамагаць будаўнічым брыгадам выцягваць машыны, якія траплялі ў цясніны, прыходзіць на выручку сваім сябрам. Вось паглядзі на гэтыя фотаздымкі, калі ласка, якая гэта была магутная машына. Але не толькі ў мяне была адказная работа. Яна была ў кожнага байца.

– Ірынка, — умешваецца зноў бабуля, — твой дзядуля, напэўна, з-за сваёй сціпласці збіраецца не сказаць аб тым, што ён быў узнагароджаны значком «Ударнік камуністычнай працы» і неаднаразова з'яўляўся Пераможцам сацыялістычнага спаборніцтва.

– Які ты, дзядуля, у мяне малайчына. Дзядуля, а вось без якіх спецыялістаў нельга было абысціся на будаўніцтве дарогі? Як кажуць, няма — і справа стала.

– Вось вазьміце, напрыклад, разведвальнікаў. Яны павінны былі выбраць у тайзе адну трасу дарогі з тысячы магчымых. Усяго толькі адну, але самую зручную і эканамічную. А як быць з сопкамі, хрыбтамі, тайговымі рэкамі, балотамі: чыгунка павінна ж пракладвацца па гарызантальнай паверхні. Ад працы разведвальніка залежала, колькі потым прыйдзецца пабудаваць тунэляў і мастоў. Разведвальнікі абазначаюць трасу арыенцірамі, строга па якіх потым ідуць лесарубы і рыхтуюць трасу для будаўніцтва чыгункі. Добра, калі мясцовасць раўнінная. А калі не? Тады на дапамогу прыходзяць падрыўнікі, людзі цяжкай і небяспечнай прафесіі. Прыходзілася падрываць грунт ім на глыбіні 15 метраў. За імі з'яўляліся на гэты аб'ект тунэльшчыкі і будавалі тунэлі, якія часамі дасягалі ў даўжыню звыш кіламетра. Як бачыш, кожны спецыяліст, кожны чалавек, асабліва калі ён працавіты, адказны, гатовы прыйсці на дапамогу другім, быў патрэбны, быў, як кажуць, на вагу золата. І такіх у нашай Залацінцы было вельмі шмат.

– Бабуля, вось дзядуля расказвае, і здаецца, што на БАМе былі патрэбны толькі мужчынскія рукі. А якую работу там маглі выконваць дзяўчаты? Вось ты, напрыклад?

– Ой, Ірынка, пра дзяўчат хочацца сказаць асобна. Яны ўсе працавітыя, мужныя, сціплыя. І працавалі не толькі там, дзе патрэбны жаночыя рукі, але і поруч з мужчынамі клалі кладку, вялі апрацоўчыя работы. А ў нашым атрадзе была дзяўчына Таццяна Аржаноўская, якая выдатна вадзіла машыну ГАЗ-66. Абавязкам яе было вазіць ваду ў пасёлак. Яе так і называлі «Таня-вадавозка». Я ж спачатку была рознарабочай, памочнікам качагара ў кацельнай, і толькі потым, калі пабудавалі дзіцячы сад, працавала ў ім выхавацелем. А яшчэ на БАМе нарадзіліся спачатку ў 1977 г. цёця Іна, а ў 1978 г. — твая мама. «Бамаўскія дзеці» — так і называлі тых, хто нарадзіўся там. У дакументах аб нараджэнні ў графе «Месца нараджэння» запісана: Якуція, БАМ. Вось паглядзі гэты фотаздымак. На ім мы ўсёй сям'ёй каля свайго вагончыка. Сфатаграфаваны мы летам, таму так лёгка апранутыя, бо бывала да 30 градусаў цяпла. Але ж лета хутка заканчвалася, і наступала доўгая халодная зіма. Так, як у адной песні спяваецца: «Девять месяцев зима, остальное — лето». Зімой было вельмі холадна. Круглыя суткі прыходзілася паліць у вагончыку, каб было цёпла. Але мы былі маладыя, шчаслівыя, усім задаволеныя.

– А чаму вы вырашылі вярнуцца адтуль?

– Па-першае, дарога Тында – Беркакіт была ўжо пабудавана. А, па-другое, твая прабабуля вельмі хвалявалася за нас, прасіла вярнуцца. Мы не маглі яе не паслухаць. Але і сёння не шкадуем, што БАМ быў у нашым лёсе.

Паслухаўшы ўспаміны бабулі і дзядулі, мне захацелася яшчэ болей даведацца пра БАМ. З інтэрнэту я даведалася, што ідэя будаўніцтва такой дарогі з'явілася аж у канцы XIX стагоддзя. Будаўніцтва гэтай чыгункі стрымлівалася з-за Першай сусветнай вайны, рэвалюцыі, Вялікай Айчыннай вайны. Але вайна з Японіяй, неаднаразовыя канфлікты з Кітаем (1929 г., 1969 г.) сведчылі аб тым, што неабходна ўмацоўваць дзяржаўныя рубяжы на Далёкім Усходзе. Доўгія гады (да 2003 г.) і дарагой цаной будавалася Байкала-Амурская магістраль. Яе крытыкавалі за нерэнтабельнасць, нават называлі «дарогай у нікуды» ў 90-я гады. Але на сённяшні дзень так яе ўжо не называюць, бо яна, па-першае, не перастала мець стратэгічнага значэння на Далёкім Усходзе, а, па-другое, нясе ў сабе жыццё ў слаба асвоеныя раёны, упіраецца ў некалькі буйных партоў. Хочацца верыць у яе прыбытковую будучыню.

Вядома, я жыву ў краіне, якая называецца Беларусь, і па ёй не праходзіць БАМ. Але мае бабуля і дзядуля — дзеці Савецкага Саюза. І на карце гэтай вялікай краіны яны паставілі сваю кропку, пралажылі разам з вялікай арміяй другіх будаўнікоў сваю дарогу, зліўшы яе са сваёй жыццёвай дарогай. Яны пакінулі свой добры след на далёкай таёжнай зямлі. І гэтым я ганаруся.

«Ты только день тем жил, ходил и даже спал с гитарой…»

Раку Артур

Отдых и развлечения, наверное, одни из самых главных составляющих свободного времени молодежи во все времена. Люди всегда хотят отдохнуть, хоть немного сменить рабочую обстановку на то, что может отвлечь от повседневной рутины. Сейчас у всех в руках смартфоны, планшеты. Порой кажется, что ничего для современной молодёжи не существует, кроме всевозможных гаджетов. Но есть те, кто имеет совершенно другие увлечения. Я отношусь именно к этой части молодежи.

Своё свободное время я зачастую отдаю музыке. Именно она способна погрузить меня в маленький творческий мир, в котором я буду чувствовать себя счастливым. Любовь к музыке появилась у меня ещё в детстве, ведь дома постоянно звучала гитара и рок-музыка. У моего отца в молодости главным увлечением тоже была музыка. Всё свободное время он посвящал гитаре, и некоторые музыкальные моменты из его жизни удалось запечатлеть на фотографии. Это были далёкие 90-е годы…

Папа жил в небольшом городском посёлке Красносельский. Об этом посёлке знает каждый шестиклассник, ведь именно тут были обнаружены кремнедобывающие шахты, датированные бронзовым веком. Впервые посёлок упоминается в 1569 году, как Красное Село, центр волости, собственность семьи Ходкевичей. В 1914 году здесь начало действовать самое крупное на сегодняшний день производство строительных материалов ОАО «Красносельскстройматериалы». Именно на это предприятие и устроился работать в 1992 году мой папа, Раку Юрий Ульянович, после окончания срочной службы в армии. Работа занимала значимую часть жизни молодого человека, но свободное время для отдыха и развлечений тоже было. А как же развлекались ровесники моего отца в своё время? Чем они занимали свое свободное время? Заинтересовавшись этими вопросами, я решил провести исследование.

Начал я с того, что вместе с моими родителями просмотрел альбом с семейными фотографиями. Мой взгляд остановился на снимке, где изображена группа музыкантов, среди которых — мой отец с гитарой и длинными волосами.

Фотография 1993 года. Девяностые годы — сложный период в истории нашего государства. Тогда начался путь становления суверенного государства — Республики Беларусь. Самыми яркими событиями можно назвать августовский путч, распад СССР, возникновение СНГ, денежную реформу, безумную инфляцию, пустые магазинные полки, товарный дефицит… Таким было начало нашей независимости. Тогда шутили, используя древнюю китайскую поговорку: «Не дай нам Бог родиться в эпоху перемен». Также это был период молодости моего отца.

Данная фотография сделана в Красносельском доме культуры. Там работал кружок «Вокально-инструментальный ансамбль». Именно этот кружок посещал мой папа. Наряду с работающей молодежью занимались и школьники, руководителем был Юрий Сцецевич. Папа рассказал: «Наша группа называлась «Транс Ю». Мы репетировали, увлечены были рок-музыкой, слушали рок-группы: «Van Halen», «Extreme», «Aerosmith». Наш руководитель писал песни, которые мы впоследствии играли во время выступлений. Свои песни приносил и я, одна из них называлась «Если б знать…», в ней были следующие строки:

Если б знать на вопрос ответ,
Где под солнцем лежит мой путь?
Где под солнцем есть яркий свет,
Тот, что может мне всё вернуть…»

«Действительно, гитара была в свободное время всегда со мной, — вспоминает папа, — сочинял мелодию, напевал слова и …да, засыпал с гитарой». Папа, в отличие от меня, не посещал музыкальную школу. Думаете, её не было? Нет, была, только мои бабушка и дедушка не отвели его туда. Папа писал музыку, не зная нот, правил построения аккордов,

но потом понял, что без основ нотной грамоты трудно правильно излагать мелодию, которая звучит у тебя в голове. Он самостоятельно осваивал гитару, ведь интернета ещё не было. Приходилось покупать кассеты, распечатанные на пишущей машинке ноты. Папа их до сих пор хранит.

И, конечно, нельзя не обратить внимание на музыкальные инструменты и аппаратуру фирмы «Marshall». Фотограф, проявлявший плёнку, неправильно её положил: надпись оказалась повернутой в зеркальном отражении. Отец держит на фотографии в руках гитару. Это была мастеровая гитара, копия гитары японской фирмы «Yamaha». Купить инструмент в 90-е годы можно было только в Москве, привезти из-за границы невозможно. Папа всегда хотел иметь собственную гитару, но купить новую возможности не было, безденежье… Но талантливый человек талантлив во всём — это будто сказано о моём отце. Он не только играл на гитаре, сочинял тексты песен, музыку к ним, но и сам своими руками сделал гитару. Именно гитара на фотографии стала образцом для его собственной гитары. Чертил, пилил, делал точные расчёты. Понадобилось несколько месяцев, чтобы самому сделать музыкальный инструмент, который зазвучал.

Сразу бросается в глаза внешний вид музыкантов: на фотографии у моего отца длинные волосы. Он начал их отращивать после возвращения из армии, мечтая выглядеть как рок-музыкант тех времён, как выглядели участники культовых рок-групп: «Led Zeppelin», «Deep Purple», «Black Sabbath», «Queen». На папе кожаная куртка, сшитая в ателье по его эскизу, чтобы быть похожим на иностранных исполнителей. Брюки привезла тётя из Кампучии. Сложно было в этот период с одеждой и обувью в стране.

Глядя в очередной раз на фотографию, папа вспомнил интересные случаи из его творческой деятельности. «Мы ездили в турне по Беларуси с группой «Seven B» из города Гродно, побывали в Волковыске, Слониме и Пинске. Но турне не задалось из-за малого количества проданных билетов. Поэтому участники группы решили закончить гастроли, разъехавшись по домам. Группа «Seven B» была в составе творческого объединения «Альянс». Лидерами в группе выступали вокалист Генек Лоска и гитарист Андрей «Макар» Макаревич, которые владели инструментом крепко и уверенно, оформившись под влиянием классического рока 80-х. В одном из их альбомов есть трек под названием «Jasiek». Данный «Ясек» не что иное, как песня «Касіў Ясь канюшыну», которая исполнялась на польском языке. Впоследствии группа уехала работать в Польшу, по сей день дает там концерты».

Подводя итог моего исследования, можно точно сказать, что люди всегда находили варианты того, как занять свое свободное время. Музыка, как тогда, так и сейчас поглощала целиком и полностью творческих людей, и мой отец не стал исключением. Его эмоции и чувства были искренне радостными после того, как он вновь вспомнил то замечательное время, когда в голове были одни аккорды и ноты. Такие моменты из жизни и правда никогда не забудешь, ведь настолько яркие и красочные воспоминания навсегда остаются в нашей памяти. Каждый сам выбирает, как использовать своё свободное время, у всех оно было, есть и будет. Человек часто делает выбор в пользу того, что ему нравится больше всего. Мой папа сделал выбор в пользу гитары и ни разу об этом не пожалел. Ведь это так замечательно, когда человек находит такое занятие, что забывает про время, и оно летит настолько незаметно, что только снимки фотокамер способны уловить те самые секунды, которые остаются у нас в памяти.

«Адно жыццё ў гісторыі малой Радзімы»

Галавач Дар'я

Кошт жыцця… Хіба магчыма назначыць кошт сённяшняму жыццю? А кошт — заўтра? Я задаю сабе гэтае пытанне і адказу не атрымліваю. Гісторыя краіны і грамадства складаецца з асобных гісторый звычайных людзей. У адным лёсе можа ўвасобіцца цэлая гістарычная эпоха. Гісторыя мая адлюстравана ў жыцці маёй прабабулі і яе сяброўак па працы.

Нарадзілася Якубец Леакадзія Тадэвушаўна 19 студзеня 1930 года ў вёсцы Ганчары Мастоўскага раёна Гродзенскай вобласці. Бацькі яе паходзілі з гэтай вёскі, з якой было звязана ўсё жыццё самой Леакадзіі Тадэвушаўны. Я часта бываю ў сваёй прабабулі, бо мае бацькі наведваюць яе два разы на тыдзень.

Аднойчы мой позірк застыў на фотаздымку, пажоўклым ад часу, і я запытала ў прабабулі:

– Хто гэтыя людзі? І што гэта за фотаздымкі?

Прабабуля паглядзела на мяне і кажа:

– Гэта мая стрыечная сястра Браніслава з галоўным аграномам раёна. Яна тады была звеннявой у нашай брыгадзе. А тут я і мае звяно. Няўжо ты не пазнала мяне? Вось я, тут, — паказвае пальцам на фотаздымак і пачынае свой аповед.

– Гэта было ў 1974 годзе. Працавала паляводам ў калгасе «Чырвоная Зорка». У тыя гады калгас спецыялізаваўся на гадоўлі лёну. Зямля з ільном цягнулася палосамі даўжынёй з кіламетр. Гэтыя палосы дзялілі паміж вёскамі. Затым выбіралі звеннявых і вёску дзялілі на некалькі звенняў. Кожнае звяно складалася з 12 чалавек. Звяно, ў якім працавала я, узначальвала Браніслава Сцяпанаўна. Вось яна стаіць на фотаздымку злева шостая. У руках трымае валакно даўгунцу-лёну.

Працавалі мы ад раніцы да позняга вечара. Паглядзіш навокал — поле, ды незвычайнае. Бягуць па полі, даганяюць адна адну блакітныя хвалі. Як на моры. Глянеш пад вечар… Быццам і не было сіняга мора. Рассцілаецца перад вачыма зялёны дыван.

– Гэта лянок расце, — сказала радасна прабабуля. — Залаты наш лянок. Чаму залаты? Таму што ён мае тры цудоўныя колеры. Зялёны, блакітны і залаты. Залаты — самы галоўны колер. Гэта колер спелага льнянога палетку. А яшчэ ён шмат карысці прыносіў тады людзям. Людзі шылі сукенкі з ільну, ручнікі, прасцінкі, абрусы. Амаль у кожнага ў хаце ёсць шмат рэчаў з ільну.

Колькі трэба было папрацаваць. Лён паломлі, ірвалі, малацілі, церлі, трапалі, пралі, снавалі, бялілі. Валакно гэтай расліны служыла асноўнай сыравінай для вырабу тканін. Для атрымання валакна саломку льну рассцілалі на пожні, звычайна ў канцы жніўня ў час вялікіх рос. Пры дажджыстым надвор'і саломка вылежвалася 3-4 тыдні, пры сухім — 5-6 тыдняў. Валокны, вымачаныя лепш, выбельваліся і былі больш моцныя. Гатовую трасцу завязвалі ў кулі ўначы, каб каробачкі не раскрываліся і не высыпалася насенне льну. Сушылі ў гумне. У кастрычніку трасцу мялі церніцай, трапалі траплом, часалі грэбнем або шчоткай. Атрыманы кужаль або кудзелю пралі пры дапамозе верацяна ці на калаўроце. Праца вельмі цяжкая, пыльная. Адзенне наша было даволі сціплае: доўгая цёмная спадніца, цёмная кофта альбо блузка, боты і на галаве завязаная хустка. Для пашыву выкарыстоўвалі ўжо фабрычную бавоўну, але і даношвалі саматканае адзенне. На моду тады большасць з нас не глядзела.

– Прабабулечка! А чаму першая злева жанчына і звеннявая Браніслава стаяць у сукенках? А таксама амаль па цэнтры мы бачым мужчын, цывільна адзетых у чорнае паліто з сукна. Адзін у белай кашулі з гальштукам, скураныя боты і шапка. Хто гэта?

– Навіной у сельскай модзе тады была сшытая сукенка з фабрычнага саціна. Гэта мода прыйшла да нас з горада. Кожная з нас хацела мець такую сукенку. Але апраналі толькі на якія-небудзь святы ці сходы. Браніславу Сцяпанаўну паважалі не толькі аднавяскоўцы, але і кіраўнікі вобласці і раёна, за яе жыццёвую мудрасць. — Працягвае расказ прабабуля. — Да яе часта прыходзілі параіцца па самых розных пытаннях. Яна добра ведала справаводства і дапамагала другім звення-

вым з іншых калгасаў. Але справа ў тым, што якраз тады прыехалі ў наш калгас старшыня Мастоўскага Савета народных дэпутатаў, галоўны аграном раёна і старшыня калгаса: яны прывезлі ўзнагароды для Яніны і Браніславы. За добрасумленную працу ад імя Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР Браніслава Сцяпанаўна, як звеннявая, узнагароджвалася медалём «Ветэран працы». Урачыстасць, звязаная з узнагародай, не была для Браніславы галоўнай. Яна была сціплым чалавекам і добрым арганізатарам сваёй справы, таму ўзнагароду не лічыла асабістай, а вынікам працы ўсяго звяна. На фотаздымку мы бачым усё наша звяно. Усе мы стаім каля гумна, дзе сушылі лён. У руках мы трымаем вырашчанае і апрацаванае валакно льну. І кожны з нас ганарыцца вынікам сваёй працы. Я заўсёды з павагай стаўлюся да гэтай культуры, бо яна магла апранаць цэлую сям'ю і нават вёрокага кругагляду. Калі закрываю вочы, то застаецца незабываемы вобраз прабабулі і яе сяброўак па працы. Здзіўляе тое, што ў абыдзенным жыцці карысталіся вельмі простым адзеннем. Жанчыны адзеты адносна прыроднага асяроддзя і зручнасцю карыстання ў працы. Адзенне вызначаецца як агульнаеўрапейскі касцюм. Яму ўласцівы зручнасць у руху, лёгкасць і мяккасць у формах. Жанчыны нават на працу не насілі нагавіцы. Калі хто і надзяваў, то смяяліся і тыкалі пальцам. Усё жыццё гэтых людзей — праца на зямлі, служэнне грамадству — прыклад для сучаснага пакалення. І гэта добра бачна па настроі цэлай брыгады і здаецца, што насуперак жыццёвым абставінам ніколі яны не пакідалі родныя мясціны, заўсёды жылі і будуць жыць у сэрцах нашчадкаў. Калі толькі на хвіліну ўяўляю, што выпала на долю маёй шматпакутнай прабабулі, слёзы набягаюць на вочы, перахоплівае дыханне.

ску. Прыгажосць ільняной тканіны цанілася ва ўсім свеце. Я ўжо вельмі старая і не займаюся ткацтвам ільна, але ў мяне захаваліся кросны, варштат, мялкі, церніца, трапкач і іншыя старадаўнія прылады для вырабу льняной тканіны. Напэўна, і дагэтуль захавалася традыцыя льнянога ткацтва.

Вось колькі сакрэтаў скрываюць у сабе гэтыя фотаздымкі. У той дзень было занадта шмат уражанняў для майго яшчэ не вельмі шы-Хочацца абняць і сагрэць яе. Прабабуля — чалавек спагадлівы, усім старалася дапамагчы, параіць, падказаць. Заўсёды радавалася і вельмі ганарылася сваёй справай.

Гартаючы старонкі даўно мінулых дзён, мы не раз вяртаемся ў сучаснасць, каб лепш зразумець і адчуць тую жыватворную сувязь, якая існуе паміж пакаленнямі людзей, якія жылі, жывуць і будуць жыць на роднай зямлі. Нам ёсць чым ганарыцца, ёсць з каго браць прыклад.

Вёска, якой няма

Ахоціна Яўгенія

...Іду я старой каляінай,
Забытаю сцежкай дамоў.
І кожны мой крок — то памяць,
Позірк — сустрэча з былым
Раны старыя паляць.
Боль вочы грызе, як дым.
Ларыса Геніюш

Куды падзеліся вясковыя жыхары? Мая маці нарадзілася ў 1969 годзе ў вёсцы Глінічы, што знаходзіцца ў Шчучынскім раёне. Яна застала той час, у які я не магу трапіць. Пабачыла тыя звычаі, якіх я ніколі ўжо не пабачу. А ўсё таму, што вымірае беларуская вёска. З 1970 па 1986 гады колькасць вясковага насельніцтва паменьшылася з 5,1 млн да 3,7 млн! Згодна перапісу за 2019 год, сельскіх жыхароў засталося ўсяго 2 млн.

Меньш жыхароў — меньш і вёсак. У недалёкім 2010 годзе было 5843 вёскі і хутары, насельніцтва якіх складала 10 чалавек і меней. Сёння гэта лічба значна большая, а дзясяткі і сотні з гэтых вёсак ужо перайшлі ў разрад «нежыл.» (Населеныя пункты без насельніцтва). Менавіта так пазначаюць пустыя вёскі, менавіта так скора пазначаць і Глінічы, у якіх засталося, можа, 10 жыхароў.

У гонар Года малой радзімы і пакуль гэта вёска яшчэ ёсць на мапе, трэба ажывіць яе ва ўспамінах з дапамогай фотаздымкаў з нашага сямейнага архіва.

Глінічы XX стагоддзя і мамінага дзяцінства

У 70-80-ыя гады вёска была не малая — 60 двароў, пустых хат амаль не было, жыло многа людзей, шмат дзяцей. Зараз жылымі засталіся толькі некалькі дамоў на канцах вёскі, астатнія зарастаюць пустазеллем. Старыя сады паціху ператвараюцца ў гушчары здзічэлых вішняў і сліваў. Калі зайсці на анлайн-мапу, то гэтых хат няма, толькі на пустых месцах прастаўлены нумары. Мама не можа гэта бачыць, помню, як 10 год назад заехалі туды, маці расплакалася сярод вуліцы, і бацька яе супакойваў. Тады не разумела — чаму, а зараз і мне балюча.

Школа

У 1976 годзе мама пайшла ў першы клас у пачатковую школу ў стары панскі дом у фальварку Ваўчынкі, непадалёк ад Глініч. Яна добра памятае планіроўку гэтага дома, дзе размяшчаліся класы, з захапленнем расказвае пра той вясёлы час і помніць кожнага вучня. Усяго было 3 класы, у якіх вучыліся дзеці з навакольных вёсак. Яе аднакласнікамі былі:

1. Лена Карпінец,
2. Стась Клімаш,
3. Валерык Махнач,
4. Раман Шаўчук.

У 2 класе вучыліся Янак Шандроха, Алік Сідаровіч, Рысяк Габіс, Лёнік Габіс і Стаська Габіс (прозвішча Габіс было вельмі распаўсюджана ў Глінічах). У 3 класе вучыліся глініцкія дзяўчынкі Аня Ткачук, Дана Навагродская, Іра Паддубная і Тэрэза Хмялеўская з Зенявіч.

Вучылі іх Марыя Сцяпанаўна Дзямешчанка, а 2 і 3 класы — Наталля Аляксееўна Паддубная. Як бачыце, дзяцей было многа.

Хрысціны і цяганне бабаў

Але самае цікавае — гэта жыццё і традыцыі вёскі. Такія звычаі мама бачыла толькі ў Глінічах.

Вясна 1976 года. Хрысціны мамінага брата Віктара. Тады ў Глінічах быў цікавы абрад — цяганне бабаў. Калі ў бабуль нараджаўся першы ўнук, то падчас застолля, ужо калі дзіця было ахрышчана ў касцёле, бабуль садзілі на воз, і мужчыны цягнулі гэты воз праз усю вуліцу. Ззаду ішлі астатнія госці, беглі дзеці, гралі музыканты, спявалі песні. На такі шум і гоман выходзілі з хат людзі, віншавалі бабуль з унукам, а бацьку — з сынам. Тых, хто павіншаваў, частавалі пірагамі і гарэлкаю, спецыяльна для іх спявалася песня «пад заказ», і ўся гэта вясёлая працэсія цягнула воз з бабамі да наступнай хаты. На першым фотаздымку якраз такі момант. Смех, музыка, жыццё!

Воз цягнуць нашыя сваякі — Ярэчак Габіс і Гена Рамановіч, з боку дапамагае сусед Дзеаніз Ткачук. На возе бачна толькі адна баба (дзедава цётка) Ядвіга Паддубная, але таксама сядзела і прабабуля Марыя Тарасік. У цэнтры на ганаровым месцы мама, ёй 7 год. На заднім плане каля ганка стаіць мой дзед Дзеаніз Паддубны. На ўсіх тварах адчуваецца свята і еднасць вясковых жыхароў!

Воз дацягвалі да канца вёскі, дзе па традыцыі стаяў крыж, абсаджаны кустамі бэзу — атрыбут кожнай беларускай вёскі.

На пярэднім плане бачым маміных школьных сяброў — гэта Рысяк Габіс і Іра Паддубная з Данай Навагродскай.

За возам стаяць сваякі — Чэслаў Сідаровіч з жонкай Наташай (пара ў светлых кофтах), яны прыехалі на хрысціны са сваімі сябрамі з Мінска. Іх таксама запрасілі ў госці. Мама ўспамінае: «Імёнаў іх не ведаю, але памятаю, як барадаты дзядзька-мінчанін падганяў дубцом мужчын, якія цягнулі воз. Вось смеху было»!

Музычнае жыццё вёскі

Музыка — абавязковы суправаджальнік усіх святаў. Калі прыглядзецца да фотаздымка, злева на возе сядзяць глініцкія музыканты-самавучкі. У Глінічах у 70-я нават быў свой ансамбль! Мясцовыя жыхары празвалі яго «Тры Яны», бо ў ім гралі Янак Паддубны, Янак Сідаровіч (стаяць каля воза) і Янак Ткачук. Ніводнае вяселле, праводзіны ў войска ці танцы, якія адбываліся ў звычайных хатах, не праходзілі без іх. Іграліі добра, песні розныя спявалі: ад каталіцкай «Сардэчнай Маткі» да папулярнай тады «Волагды» ВІА «Песняры».

Мой дзед Паддубны Дзеаніз таксама добра іграў на гармоніку і на бубне. Ён уваходзіў у канцы 60-х гадоў у другі самадзейны музычны калектыў, які называўся «Банцавічы», таму што сабраў яго дзедаў сваяк Павел Банцавіч. На трэцім фота яны і стаяць: дзядзька Павел, яго сын Эдзік і мой дзед Дзеаніз Паддубны. Гэта быў не проста ўлюбёны занятак, але і добры дадатковы заробак у тыя нялёгкія часы.

Дзед быў адзіны дарослы мужчына ў сям'і, які зарабляў грошы. На яго плячах — хворая маці, родная цётка і малодшы брат. Таму сваякі дапамагалі адзін аднаму: Банцавіч даў магчымасць зарабіць грошы, запрасіўшы ў гурт.

Самае цікавае, што ніякай музычнай школы ў вёсцы не было, усе вучыліся адзін у аднаго. У каго быў талент і захапленне музыкай, той і станавіўся на музычны шлях.

Наогул акруга славілася музычна адоранымі людзьмі. Так разам з дзедам у Васілішкаўскай школе вучыўся Чэслаў Выджыцкі. Гэта Чэслав Немен — знакаміты ў Польшчы рок-спявак і кампазітар (16 лютага 1939 – 17 студзеня 2004). Зараз у Старых Васілішках (7 км ад Глініч) ёсць дом-музей, прысвечаны яго творчасці. Гэта выбітная польская фігура, у гонар якой у 2009 годзе Нацыянальны банк Польшчы нават выпусціў у выкарыстанне манету — 2 злотых і спецыяльныя калекцыйныя манеты.

Тата Чэслава быў арганістам у касцёле, а сам Чэслаў атрымоўваў музычную адукацыю ў вучэльні ў Гродне па класу домры, але потым яго адлічылі. Дзед расказваў маме, што Выджыцкі быў хлопцам з характарам і не любіў, калі яго прозвішча настаўнікі ў школе называлі па-расейску — Выдрыцкі. Ён на такое прозвішча не адзываўся. У 1958 годзе ўся іх сям'я выехала ў Польшчу.

Вёска працоўная

Эміграцыя з вёскі ўжо тады была праблемай. Масава пачалі выязджаць у 50-я гады ў Польшчу, хто выехаў — той паспеў, бо пазней ужо не выпускалі з Саюза. Моладзь бачыла цяжкую працу ў калгасе і таксама імкнулася вырвацца ў горад на вучобу ці на заробкі.

На гэтым фота 2 чалавекі, якія паспрабавалі шчасця за мяжой Беларусі. Гэта два сябры-суседзі — злева Стась Акановіч і мой дзед Дзеаніз Паддубны. Дзяўчынкі невядомыя, але вельмі каларытныя.

Гэтых два маладых і прыгожых хлопца вывучыліся на механізатараў: Стась вырашыў у пачатку 60-х зарабіць грошы на вугальных шахтах у Комі АССР, дзе і застаўся жыць. Дзед паехаў на цаліну ў Казахстан, дзе «зарабіў» сабе туберкулёз і вымушаны быў вярнуцца ў родныя Глінічы, дзе і застаўся. Жыццё ў вёсцы працягвалася. Наступны фотаздымак гэта пацвярджае.

На лавачцы сядзяць глініцкія дзяўчаты і мой дзед. Збірацца на лавачцы вечарам — тыповая сітуацыя амаль у кожнай беларускай вёсцы. Лаўкі ставілі каля самага плота пад бэзавым кустом ці кустом язміну — вось як на гэтым фота. Мама добра памятае месцы, дзе збіраліся жыхары: «Перад кожным домам быў агародчык з флёксамі, вяргінямі, касачамі. Яшчэ глініцкія гаспадыні любілі барвенак і піжму. І кожная старалася, каб яе клумба не горшая была».

На фотаздымку: мой дзед, Зюня Габіс (стала настаўніцай у Іўеўскім раёне), Караліна Сідаровіч (выехала ў Ліду), Стася Габіс (усё жыццё працавала даяркай Глінічах), Гэля Калеснік (выехала ў Скідзель).

Калі ўважліва паглядзець, то можна заўважыць, што ў кадр справа трапіла яшчэ нага ў чаравіку. З дзедавых успамінаў — гэта Эдзік Банцавіч, які не захацеў фатаграфавацца з дзяўчатамі, бо яны не па-гарадскому апрануты. Відно, што дзяўчына сядзіць абураная з такіх слоў. «Патрэбны і ты нам, як карове сядло,» — сказала Гэля і адвярнулася ад яго. Момант, які назаўсёды застанецца на паперы.

Гэта гісторыя фотаздымкаў належыць не толькі Глінічам, яна датычыцца тысяч іншых знікаючых вёсак і хутароў, дзе раней было сваё жыццё, свае звычкі і асаблівыя людзі. А што зараз? Глінічы і тысячы беларускіх вёсак, якія падарылі Беларусі таленты, добрых працаўнікоў, руплівых гаспадароў і проста добрых бацькоў, знікаюць.

Што адчуваюць людзі, якія засталі гэты час? Горкі боль і бездапаможнасць. Што адчуваю я як маладое пакаленне? Шкадую, што ніколі не адчую на сабе гэтую атмасферу. Слабасць, бо не магу адмовіцца ад гораду, хоць і сама нарадзілася ў вёсцы. Што нам застаецца? Спадзявацца, што карані пазавуць нас, што частка насельніцтва вернецца ў вёскі.

Францішак Багушэвіч казаў: «Не пакідайце мовы беларускай, каб не ўмёрлі». А я прашу: не кідайце вёсак беларускіх, каб жыла яшчэ Беларусь аўтэнтычная, самабытная, вясёлая, местачковая. Такая, як у дзяцінстве маёй маці, такая, як у яе снах.

53.762360, 24.918206 — гэта дакладныя каардынаты Глініч. Пакіну іх тут, каб знайсці вёску на планеце Зямля, нават калі яна знікне з усіх мапаў свету. Каб помніць свае карані, каб ведаць сваю Малую Радзіму, каб паказваць дзецям.

Витебское «Узгорье»: возрождение культуры

Островская Вероника

По церковным праздникам мы вместе с мамой и сестрой ходим в Свято-Покровский собор, который расположен недалеко от нашего дома. Яркие росписи на фасаде, традиционный интерьер в духе православной традиции, расположение в центре города и у ЗАГСа — все это привлекает горожан, которые ласково называют церковь Покровкой. Однажды мама рассказала о том, что помнит Покровку, лежащей в руинах, на которых проросла небольшая берёзка. Это было в 80-е годы, в период, когда в СССР ещё продолжалась антирелигиозная политика и в школьных учебниках история Белоруссии, можно сказать, начиналась лишь с Октябрьской революции.

Я просто не смогла представить церковь, находящуюся в самом центре города, в таком состоянии. Мне захотелось узнать об истории её восстановления.

Начала я с посещения библиотеки имени Ленина. Здесь я познакомилась с библиотекарем Ольгой Дорофеевой, которая помогла мне найти статьи о Покровке.

Вначале это был деревянный костёл, заложенный в 1758 году. В 1806-21-х годах начал действовать костёл католического ордена тринитариев. В 1858 году здание костёла было передано православной церкви, и начата его перестройка в православный храм. Покровскую церковь закрыли в 30-е годы прошлого века, а в 1941 году, когда антирелигиозная политика немного стихла, она вновь открылась. Во время войны была разрушена крыша и уничтожен второй ярус башен церкви. После войны здание не восстанавливали, но и не стали разрушать — это постепенно делало время.

В 1985 году было принято решение снести Покровскую церковь. В стенах уже проделали углубления, чтобы поставить туда взрывные устройства. До разрушения памятника оставались считанные дни. Проект обновления церкви с переоборудованием её под филармонию отправили в Москву в министерство культуры.

В середине 1980-х уже чувствовались изменения в социально-политическом режиме БССР, начиналась перестройка, разворачивалась политика «гласности», возникали неформальные движения. В этот самый момент вышла статья «Што застанецца нашчадкам?... або роздум аб тым, чаму страчвае непаўторныя рысы свайго гістарычнага аблічча Віцебск» (газета «Звязда» за 20 марта 1986). Эта статья стала последней точкой кипения: витебская интеллигенция просто не смогла больше терпеть разрушение и уничтожение культурного наследия города. Первое, что решили сделать защитники белорусской культуры, — собрать подписи против уничтожения церкви. Ольга Дорофеева рассказала о том, что немного позже эти энтузиасты сплотились и организовали клуб «Узгорье» (на тот момент ещё неформальный).

Собранные подписи сработали: власти согласились не разрушать Покровку. Именно в этот момент узгорцы решили действовать: взяли в руки лопаты и начали очищать Покровку от завалов.

Всего за полгода узгорцы смогли расчистить Покровку от трёхметрового слоя грязи и мусора, накопившегося за десятилетия. Тем самым они сэкономили время реставраторам, которые провели точные архитектурные обмеры и начали восстановительные работы. Реставрация была завершена в июле 1992 года.

Меня так тронул тот факт, что мои земляки бескорыстно проделали такую значимую для родного города и его культуры работу, что я решила как можно больше узнать о клубе и, если повезёт, познакомиться и пообщаться с людьми, которые своим трудом помогли Витебску вернуть неповторимый облик.

Мне очень захотелось встретиться лично с кем-нибудь из «узгорцев» и задать интересующие меня вопросы. Для этого мне пришлось пройти небольшой квест. Библиотекарь Ольга Дорофеева помогла мне найти некоторые контакты тех, кто вместе с ней участвовал в субботниках, но мне хотелось найти именно того, кто был у истоков создания клуба и мог бы со мной встретиться. Мне пришлось созвониться более чем с 10 людьми и сходить на несколько бывших мест работы узгорцев. В результате я встретилась с Ниной (Маевской) Леоновой и с Максимом Макаровым.

Этой темой заинтересовалась не только я, но и моя мама. Она стала расспрашивать знакомых, помнят ли они такой клуб, и нет ли у них какой-либо информации о нём. Одна из маминых приятельниц, Татьяна Северинец, рассказала о том, что она вместе со всей семьёй принимала участие в субботниках клуба и помогала разбирать завалы Покровки. Татьяна дала координаты председателя совета клуба, историка-краеведа, археолога Игоря Тишкина.

Мама начала переписываться с Игорем Тишкиным в соцсетях. Он поделился с нами ссылками на два фильма: «Витебские узоры» 1973 года и «Витебск. 1987». В них город показан каким-то серым, непримечательным, с разрушенными памятниками архитектуры. Тот Витебск совсем не похож на современный, светлый, чистый и уютный город, тот Витебск нуждался в энтузиастах «Узгорья».

Оказалось, что у Нины Леоновой остался альбом с фотографиями и её зарисовками. Больше всего моё внимание привлекли два снимка, на которых видно, как узгорцы очищают Покровку от завалов. На первой фотографии мы видим двух мужчин с лопатами, с помощью которых они сгружают землю и мусор на носилки. Складывается впечатление, что фотография сделана внутри Покровки: это мы можем понять по тому, что участники субботника находятся в замкнутом пространстве. Скорее всего, это подвальное помещение, так как мы можем рассмотреть еле проглядывающие ступеньки, ведущие наверх. Когда я увидела этот снимок, мне сразу вспомнились слова Нины Леоновой: «А у меня было небольшое достижение на Покровке. Это я раскопала первую ступеньку!»

Второй снимок сделан уже снаружи, это можно понять по колоннам и порталу церкви. Здесь видно восемь человек. По тому, как они одеты, можно определить, что фотография сделана в более-менее тёплое время. Так как территория возле церкви уже выглядит намного чище, чем в начале работ, предполагаю, что на дворе — осень. Я заметила, что у мужчины в пальто в руках находится пластиковый пакет. Мама рассказывала, что в то время они только появлялись. Но самым интересным объектом на этой фотографии я считаю планчертёж Покровки, который располагается на небольшой возвышенности на земле. На нём можно рассмотреть Покровку в развёртке и в реальном виде.

Нина Леонова рассказала о том, как относились люди к их субботникам. Некоторые прохожие восхищались, кто-то присоединялся, но были и те, кто издевался, они говорили: «Вам что, заняться больше нечем? Если хотите, то приходите ко мне на дачу поработать».

В «Государственном архиве Витебской области» я нашла фонд, посвящённый деятельности клуба «Узгорье», состоящий из 35 дел. Оттуда я узнала, что узгорцы вели учёт всех участников субботников. Каждый заполнял анкету, где указывал фамилию и имя, место работы или учёбы, возраст, а также — откуда узнал о субботнике.

Клуб назвали в честь последнего замка Витебска, после него замки в городе больше не строились. Он размещался на теперешней Успенской горке.

Узгорцами были люди разных профессий, начиная от историков, работников культуры и архитекторов до обычных рабочих с завода. Также в субботниках принимали участие школьники и студенты. Возраст участников был разный: самые маленькие ещё учились в 3 классе, а старшим было уже за пятьдесят. Неожиданно, что приезжали люди издалека, например, из Ленинграда. Не знаю, согласилась бы я проехать 600 км, чтобы разнообразить свой досуг разбором мусора.

О месте встречи и времени проведения мероприятий обычно узнавали из разных источников: от членов клуба, друзей, иногда даже от врачей на приеме. А также, как рассказал Максим Макаров, от руководителей краеведческих кружков. Иногда объявления давали по телевидению или в газете «Витебский рабочий». Во время проведения субботников всегда царила теплая атмосфера: сначала работали, а потом пили чай из самовара.

В архивных документах я обнаружила положение о клубе и его устав. В положении указывалось, что «Узгорье» — это организованная форма гражданской самодеятельности, которая основывается на добровольности, общих творческих интересах, предполагает индивидуальное членство участников с целью удовлетворения духовных потребностей и интересов людей в свободное от учёбы и работы время. Клуб действовал при городском Дворце культуры города Витебска и был официально зарегистрирован в апреле 1986 года.

Целями клуба были: охрана памятников истории и культуры, добровольная помощь в их реставрации, пропаганда исторического прошлого нашего народа и белорусского языка, а также борьба за экологически чистую среду.

Клуб имел традиционную структуру: самые главные решения принимались на общем собрании членов клуба, текущей деятельностью руководили совет клуба и председатель. Членом клуба мог быть каждый, кто признавал и выполнял устав клуба и положение о нём, активно и добросовестно участвовал в деятельности, идущей на благо общего дела, а также принял участие не менее чем в 5 субботниках (участником субботников считался тот, кто отработал там хоть 1 раз). Приём членов в клуб осуществлялся на общем собрании, которое проводилось два раза в месяц. Открытым голосованием на общем собрании выбирали совет клуба, утверждали планы, принимали важные решения.

Клуб мог приобретать необходимые для его существования непродовольственные товары в розничной торговой сети за счет доходов от деятельности клуба. Финансовые средства можно было получить за счет проведения платных мероприятий, выполнения клубом услуг и работ, добровольных взносов и других поступлений. Часть поступлений перечислялась на ремонтно-реставрационные работы.

Работа клуба планировалась на год. Например, на 1986 год это были субботники на археологических раскопках бывшей Духовской церкви, в Ратуше, благоустройство территории бывшей Покровской церкви и монастыря тринитариев, могил историка Витебщины А.П. Сапунова и художника Ю.М. Пэна. Значительное место занимала пропаганда знаний о памятниках истории и культуры, клубная работа: лекции в кинотеатре «Спартак» (сейчас «Дом кино») об археологических раскопках в Витебске (И.Тишкин). И.М. Чернявский делился опытом работы в реставрационных мастерских, а о проекте восстановления исторической части города вёл беседы В.В. Лукомский. В 1987 году к планам добавились работы по расчистке от завалов костёла Святой Варвары. В 1988 году проводились лекции по истории Витебщины и других городов Белоруссии. Как рассказал Максим Макаров, особенно запоминающимися для него и всех остальных были лекции по истории архитектуры Юрия Александровича Якимовича,

который также был экскурсоводом на выездных лекциях «Узгорья». Как выразилась Нина Леонова: «Якимович — человек энциклопедических знаний».

Также члены клуба организовывали народные праздники: Купалле, Гуканне вясны, Дзяды, но больше всего узгорцам нравилось праздновать Каляды. Они наряжались и ходили калядовать по городу, пели народные песни, смеялись и дарили витебчанам праздничное настроение. Я узнала у Нины Леоновой, что «Узгорье» тогда заняло 3 место на областном конкурсе народных кружков.

Ещё в 80-е годы члены клуба поднимали тему экологии. Принимали участие в водном ралли «Припять-88». Целью мероприятия было изучение состояния экологии в стране и привлечение внимания общественности к проблемам осушения Полесья, Припяти, воспитание у молодёжи активной жизненной позиции в вопросах экологии.

Оказывается, что вскоре после взрыва на Чернобыльской АЭС было принято решение построить атомную электростанцию под Витебском. После этого объявления узгорцы начали собирать подписи против строительства Витебской АЭС и оповещали население о возможных угрозах такой стройки. Около 6000 человек поставили свои подписи против.

Опыт клуба «Узгорье» перенимали и другие белорусы. Похожие клубы были в Минске («Талака»), Гродно («Паходня»), Могилёве («Машэка»), и даже в Москве существовало товарищество белорусской молодёжи имени Франциска Скорины.

Когда узгорцы начали заниматься восстановлением памятников архитектуры, то не смогли обойти вниманием Успенский собор, который сегодня можно считать визитной карточкой Витебска. Воссоздать храм, взорванный больше полувека назад, на месте которого действовал цех завода заточных станков, казалось маловероятным, но члены клуба верили в успех.

В архиве сохранилось письмо 1989 года Патриарху Московскому и всея Руси Пимену, где узгорцы предлагали ему стать инициатором воссоздания памятника архитектуры и сооружения храма для верующих и сообщали, что широкие круги городской общественности готовы оказать помощь в разборе руин и подготовке площадки для строительства.

Благодаря инициативе энтузиастов «Узгорья» в Витебске удалось восстановить Свято-Покровский собор, костёл Святой Варвары, а также, спустя 75 лет, Витебску вернули Свято-Успенский собор. Храм был восстановлен совместными усилиями церкви и государства.

Клуб «Узгорье» выполнил свою главную задачу: изменил отношение граждан к культуре, религии, нашему историческому наследию, а также помог сохранить и восстановить главные архитектурные богатства города.

В 1991 году Беларусь стала независимой, и в государстве больше внимания стали уделять вопросам восстановления памятников культуры. Были созданы реставрационные мастерские, департамент по охране национального наследия, который отслеживает судьбу каждого исторического памятника. Дальше судьбы узгорцев начали складываться по-разному: большинство увлеклось политикой, ведь тогда активно начали образовываться политические партии, кто-то ушёл в семью и посветил себя воспитанию детей, а кто-то, вдохновившись всеми этими событиями, пошёл учиться на историка-краеведа.

С того момента, как я начала писать эту работу, я посмотрела на Витебск совсем другими глазами. Я думала, что за свои семнадцать лет я досконально изучила город и ничего принципиально нового не узнаю. Как же я ошибалась. История города предстала передо мной под кардинально другим углом. Да, Витебск разрушался и перестраивался десятки раз на протяжении своей истории, но как же всё-таки хорошо, что, благодаря энтузиастам «Узгорья», я вижу его сейчас именно таким. На примере узгорцев я поняла, что люди, объединившиеся общей благодетельной идеей, невероятно сильны и могут добиться очень многого. Я очень ценю тот бесценный опыт общения со взрослыми, который я приобрела за время написания работы. Мне так понравилось беседовать с увлеченными людьми! В процессе общения с ними я очень много узнала того, что ранее было неизвестно об истории нашей страны, и это очень мотивирует продолжать исследования.

Я думаю, что долг каждого — знать и чтить историю родного края. И я очень благодарна судьбе за то, что так много у знала и о Витебске, и о Беларуси в целом, а также поделилась этими знаниями со многими знакомыми.

По церковным праздникам мы вместе с мамой и сестрой ходили в Свято-Покровский собор, который расположен недалеко от нашего дома. Лепнина на фасаде, традиционный интерьер в духе православной традиции, расположение в центре города и у ЗАГСа — все это привлекает горожан, которые ласково называют церковь Покровка.

Однажды мама рассказала о том, что подлинно Покровка, лежащей в кустах, на которых проросла небольшая берёзка. Это было в 80-х, в начале, когда еще в СССР продолжалась антирелигиозная политика и в школьных учебниках истории Белоруссии, можно сказать, начиналась лишь с октябрьской революции.

Я просто не смогла представить церковь, находящуюся в самом центре города, в таком состоянии. Мне захотелось узнать об истории [illegible]

Витебску в [illegible]

Мне очень захотелось встретиться [illegible] меня вокруг. Для того мне пришлось пройти небольшой путь. [illegible] Ольга Дорофеева помогла мне найти некоторые контакты тех, кто [illegible] в субботниках, но мне хотелось найти именно того, кто был у истоков создания клуба и мог до сих пор встретиться. Мне пришлось созвониться более чем с 10 людьми и пройти на несколько больших мест работы узников. В результате мне удалось встретиться с Ниной Федориковой (Маевской) Леоновой и с Маковкиной Маковкой.

Этой темой заинтересовалась не только я, но и моя мама. Она стала расспрашивать знакомых, помнят ли они такой клуб и нет ли у них какой-либо информации о нем. Она

І нараджае вера дабрыню

Мядзелец Карына

Вера, вернасць, вернік… Аднакарэнныя словы, якія маюць падобны сэнс, але рознае адценне. У сваім эсэ я хачу паразважаць аб веры рэлігійнай, аб веры ў лепшае, аб вернасці сваёй зямлі.

Яшчэ падчас навучання ў Германавіцкай сярэдняй школе я працавала над даследаваннем «Гісторыя Германавіцкага касцёла Перамянення Пана». У 2017 годзе ў нашай вёсцы праводзіўся фэст з нагоды 230-годдзя гэтай каталіцкай святыні. Я падарыла сваю даследчую працу біскупу Віцебскай дыяцэзіі Алегу Буткевічу. Але, літаральна праз год, наш зямляк Адамковіч Аляксандр, які жыве ў Вільнюсе, даслаў ксяндзу-пробашчу Яну Пугачаву, адміністратару касцела Перамянення Пана, сваю кнігу «Германавічы, Зорка (Сініцы), ваколіцы». У гэтай кнізе змешчаны вытрымкі з архіўных дакументаў па гісторыі касцёла і вёскі Германавічы, якія раней не былі вядомымі. Ужо быўшы

студэнткай першага курса БДЭУ, я дапрацоўвала сваю даследчую працу з улікам звестак, пачэрпнутых з кнігі Аляксандра Адамковіча, і прэзентавала яе на студэнцкай краязнаўчай канферэнцыі.

На сёлетніх зімовых канікулах мы разам з куратарам Пучынскай І.С. удакладнялі звесткі пра ксяндзоў, якія служылі ў касцёле за ўвесь перыяд яго існавання і сістэматызавалі фотаархіў Германавіцкага касцёла Перамянення Пана. Самыя даўнія фотаздымкі былі датаваны 1946 годам і 1947 годам. На абодвух фота знаходзяцца дзеці разам з ксяндзом, прозвішча якога ніхто са старэйшага пакалення ўспомніць не мог. Талапіла Ірэна Янаўна з вёскі Канцы Шаркаўшчынскага раёна, якая перадала адзін з фотаздымкаў у касцёльны архіў, паведаміла, што дзеці называлі яго Шаркаўскі. Адна з жыхарак нашага аграгарадка, Высоцкая Валянціна Васільеўна, пазнала на фота сябе (злева ад ксяндза) і ўспомніла прозвішча святара. Гэта быў ксёндз Радзішэўскі. Ён сапраўды прыязджаў у Германавічы праводзіць заняткі катэхізацыі для каталіцкіх дзяцей і Першую Камунію.

Заняткі катэхізацыі — гэта падрыхтоўка дзіцяці да Першай Камуніі. На занятках дзеці вучаць малітвы, разважаюць аб Божым слове. Напярэдадні Першай Камуніі адбываецца Першая споведзь, падчас якой дзеці ачышчаюць свае сэрцы ў сакраманце пакаяння. Гэты дзень — важная падзея ў жыцці каталіцкай сям'і і парафіі.

Я вырашыла паказаць гэтыя фотаздымкі свайму дзядулю Генадзю Іванавічу Мядзельцу, які нарадзіўся ў Германавічах 15 студзеня 1934 года, з надзеяй, што ён пазнае кагосьці з дзяцей. Дзядуля пацвердзіў, што на фота сапраўды ксёндз Казімір Радзішэўскі. Дзеці, якія наведвалі катэхезу, называлі ксяндза шаркаўскім, таму што ён прыязджаў з Шаркаўшчыны.

Я ўдакладніла гэтыя звесткі з дадзенымі даведніка «Віцебская дыяцэзія Рыма-каталіцкага касцёла ў Беларусі», дзе занатавана: «З чэрвеня 1939 года служэнне ў парафіі распачаў ксёндз Казімір Радзішэўскі. У 1947 годзе ён быў арыштаваны і 23 красавіка 1948 года асуджаны Полацкім абласным судом па арт. 72 б» КК БССР на 10 гадоў лагераў і вывезены ў Казахстан. Быў вызвалены ў 1954 годзе, пасля чаго выехаў ва Украіну. Касцёл у Шаркаўшчыне зачынілі ў 1949 годзе.

Гэтыя фотаздымкі сталі для майго дзядулі нагодай да ўспамінаў, а для мяне — разуменнем таго, як мала я ведаю пра маіх родных. Я пагутарыла са сваім дзядулем і пагадзілася з прапановай куратара прыняць удзел у конкурсе «Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці».

На гэтых фотаздымках майго дзядулі няма, бо ён прыняў Першую Камунію ў 1945 годзе, і з гэтай падзеяй у яго звязана не вельмі прыемная гісторыя. Тут патрэбна адзначыць, што набажэнствы праводзіліся ў Германавіцкім касцёле Перамянення Пана і ў гады вайны. У 9 гадоў дзядуля пачаў хадзіць на катэхезу. Бывалі моманты, калі заняткі адмяняліся, таму што бамбілі мост праз раку Дзісна, які падзяляў вёску на дзве часткі. Калі заняткі за-

кончыліся, дзеці здалі экзамены. Ім далі спецыяльны квіток. Гэта быў допуск да Першай Камуніі. Пасля экзамена дзядуля з сябрамі вырашылі пасмакаваць яблыкаў з чужога саду, які знаходзіўся за касцёлам. У гэты час да дзяцей падышоў ксёндз і забраў у дзядулі квіток, як пакаранне за здзейснены ўчынак. На наступны дзень бацька завёз майго дзядулю ў касцёл, які знаходзіўся ў суседняй парафіі. Падчас споведзі дзядуля расказаў ксяндзу, як усё здарылася, і той удзяліў яму Першую Камунію. Гэты дзень мой дзядуля Генадзій запомніў на ўсё жыццё, бо яго перапаўнялі самыя розныя эмоцыі: ад сораму за здзейснены ўчынак да радасці ад Першай Камуніі. Ксёндз убачыў, што ён быў босы. Тады дзядуля расказаў святару аб тым, што абутку ў яго няма. Сям'я вялікая, забяспечыць усім было складана. Як жа дзядуля Генадзій абрадаваўся, калі ксёндз падараваў яму чаравікі!

Вера суправаджала дзядулю ўсё жыццё. Сёння цяжка ўявіць, як бы выжыў ён без яе, спазнаўшы нястачы цяжкага пасляваеннага дзяцінства і юнацтва. Гартаючы сямейны фотаальбом, звяртаю ўвагу на фотаздымак, на якім дзядулю Генадзю 50 год. Побач з дзядулем — мая бабуля Феліцыя, якая, нажаль, ужо пайшла з жыцця. Фотаздымак зроблены ў час, калі мой тата Юры Генадзевіч прыйшоў у водпуск. Тата расказваў мне, што ў савецкія часы служба ў Савецкай Арміі была справай прэстыжнай, і ўсе маладыя людзі імкнуліся выканаць гэты канстытуцыйны абавязак. Такога паняцця як пазбегнуць (або, як цяпер гавораць, «адкасіць») ў 70-80-я гады не было. Мой тата Юры служыў у Жытомірскай вобласці ва Украіне. Сям'я ганарылася тым, што яму далі водпуск, так як яго часцей за ўсё давалі салдатам, якія добра выконвалі свае абавязкі. Каб убачыцца з братам, з Даўгаўпілса (Латвія) прыехала яго сястра Ліля з сынам Юрай. Карыстаючыся момантам, што сабралася ўся сям'я, зрабілі фотаздымак у атэлье ў гарадскім паселку Шаркаўшчына.

Для ўсіх вельмі важна было сфатаграфавацца з татам у салдацкай форме, якая была сведчаннем дарослацці і мужнасці юнака. На тварах усіх маіх сваякоў ледзьве ўлоўная ўсмешка і гонар за сваю сям'ю. Толькі адзін маленькі Юрка хоча здавацца надзвычай сур'ёзным. Гэта зразумела: побач знаходзіцца дзядзя-салдат.

Вочы дзядулі і бабулі выпраменьваюць цеплыню, дабрыню, супакой і мудрасць. Колькі я памятаю, яны ніколі ні з кім не спрачаліся. Памяркоўныя, спакойныя і вельмі добрыя. Дзядуля не азлобіўся і не скардзіўся на жыццё нават тады, калі яго, 17-гадовага юнака, ў 1951 годзе зусім беспадстаўна асудзілі на 3,5 года лагераў.

Ён адбываў тэрмін зняволення разам з ксяндзом Грабоўскім, які быў апошнім адміністратарам Германавіцкага касцёла Перамянення Пана. Справа ў тым, што ў 1947 годзе касцёл савецкай уладай быў зачынены, а ксяндза арыштавалі і прыгаварылі да 25 гадоў лагераў. Так атрымалася, што дзядуля трапіў на будаўніцтва Куйбышаўскай ГЭС, якую ўзводзілі зняволеныя. Тут ён сустрэўся з ксяндзом Янам Грабоўскім. Дзядуля працаваў на будаўніцтве гідраэлектрастанцыі, а святар — непасрэдна ў турэмнай гаспадарцы. Ён падтрымліваў дзядулю маральна, вельмі часта дзяліўся харчаваннем. Магчыма, гэтыя зносіны са святаром паўплывалі на фарміраванне светапогляду і характара майго дзядулі, тады яшчэ юнака.

У пасляванны час ажывілася рэлігійнае жыццё на Беларусі. Адносіны ўлады да каталіцкай царквы, якая дзейнічала пераважна ў заходніх абласцях нашай рэспублікі, характарызавалася паступовым закрыццём касцёлаў, якіх у 1946 годзе налічвалася 238. У 1951 годзе службы адпраўляліся толькі ў 154 касцёлах. З 1945 па 1951 гады было арыштавана каля 185 ксяндзоў, што складала амаль 75% ад іх агульнай колькасці ў Беларусі. Значная колькасць ксяндзоў абвінавачвалася ў падтрымцы дзейнасці Арміі Краёвай і варожых адносінах да Савецкай улады.

Па афіцыйных дадзеных, пачынаючы з лістапада 1917 года па красавік 1953 года, судовымі і пазасудовымі органамі БССР было разгледжана звыш 170 тысяч спраў у адносінах 250 тысяч чалавек, якія прыцягваліся да адказнасці па палітычных матывах. З гэтай колькасці 50 тыс. — у 1946 –1953 гадах.

Вернікі вёскі Германавічы не гублялі сувязі са сваім ксяндзом Грабоўскім, перадавалі ў турму адзенне і ежу, і не страчвалі надзеі вярнуць касцёл. Пасля свайго вызвалення ў 1956 годзе ксёндз Грабоўскі вярнуўся ў Германавічы, спрабуючы атрымаць у мясцовай улады дазвол на служэнне. Чакаючы дазволу, святар таемна праводзіў душпастырскае служэнне ў Германавічах і ваколіцах. Аднак, не атрымаўшы згоды ўлады на служэнне ў парафіі, святар вымушаны быў выехаць у Міёры.

Дзядуля выйшаў з турмы па амністыі ў 1954 годзе і пачаў працаваць на Германавіцкай МТС будаўніком. Для забеспячэння калгасаў тэхнікай былі створаны машынна-трактарныя станцыі (МТС), а пры іх — палітычныя аддзелы (палітаддзелы), якія строга праводзілі лінію камуністычнай партыі.

Сядзіба МТС знаходзілася на тэрыторыі касцёла, які выкарыстоўваўся пад збожжасховішча, а прылеглыя пабудовы былі прыстасаваны для тэхнікі.

У 1954 годзе дзядуля пайшоў у армію. Служыў у Пскове, Мурманску і Архангельску. Атрымаў спецыяльнасць шафёра. Пасля арміі працаваў два гады шафёрам у МТС.

У 1957 годзе дзядуля жаніўся на дзяўчыне з суседняй вёскі Белы Двор, якую звалі Феліцыя. Бацькі ў яе не было. Яго забілі ў 1944 годзе паліцаі за сувязь з партызанамі. Бабулю і дзядулю пазнаёміў швагер Шальц Владэк. Дзядуля пасватаўся да Феліцыі адразу як прыйшоў з арміі, а праз два тыдні зладзілі вяселле. На вяселле былі запрошаны два баяністы і каля 50-ці гасцей: сваякі, суседзі, знаёмыя. Усе апрануты ў святочнае адзенне. Па выразах твару адчуваецца важнасць моманту, калі рабіўся фотаздымак. Такой быў звычай у пасляваенны час: у горы і радасці разам, усёй вёскай.

Аб рэлігійнай талерантнасці нашай вёскі паведамлялася ў артыкуле «Мястэчка Германавічы Віленскай губерніі Дзісенскага павета» ў газеце «Наша ніва» ад 21 мая 1909 года аўтарам пад псеўданімам Германавец: «Усе беларусы, стараверы, жыды, літвіны жывуць у нас згодне, калі не лічыць пятроўскага кірмашу, на каторым з году ў год у нас ёсць звычай біцца вёска проці вёскі».

Вядомы мастак, скульптар, разбяр, паэт, фалькларыст, гісторык, вандроўнік Язэп Драздовіч, які пэўны час напачатку стагоддзя жыў, а ў пасляваенны час вельмі часта бываў у нашай мясцовасці, адзначаў у сваім дзённіку: «Чацвер — на Спаса. Быў у Германавічах на фэсце... Было шмат каталікоў, так не менш і праваслаўных з-пад Шкунцікаў. Германаўскія каталікі і шкунцікаўскія праваслаўныя — гэта адзін і той жа народ беларускі... Касцёл і царква аказваюцца з гэтага пункту погля-

ду дасканалымі пунктамі супольнасці людзей. Без гэтага яны б здзічэлі, не сутыкаючыся, і жылі б толькі самі сабой».

Вера прысутнічала ў штодзенным жыцці сялян, яна аб'ядноўвала, нягледзячы на тое, што жыхары належалі да розных канфесій. Перш чым распачаць нейкую справу, або этап свайго жыцця, вернікі прасілі Божага благаслаўлення.

Пасля таго як дзядуля і бабуля ўзялі шлюб, абавязкова патрэбна было павянчацца. Зрабіць гэта было не вельмі проста. Дзядуля Генадзь дамовіўся з кіраўніцтвам на працы, што яму дазволяць з'ездзіць у вёску Новы Пагост за рыбай. На самой справе ён з маладой жонкай паехаў у Міёры ў касцёл, дзе святаром быў ксёндз Ян Грабоўскі. Там яны павянчаліся. Але партыйнаму кіраўніцтву і старшыні сельскага Савета стала вядома сапраўдная мэта паездкі. Яны выклікалі дзядулю і цэлую гадзіну дапытваліся, куды ён ездзіў і абвінавачвалі яго ў тым, што ён на дзяржаўнай машыне паехаў вянчацца. Дзядуля цвёрда стаяў на сваім: ездзіў у вёску Новы Пагост за рыбай. Камуністычная ідэалогія не супадала з рэлігійнымі перакананнямі, і таму з боку ўлад было адпаведнае стаўленне да веруючых і храмаў. Я часта задумваюся аб тым, што калі б у савецкі час не было такога непрыняцця рэлігіі ўладамі, то, магчыма, гэта станоўча адбілася б на лёсах людзей.

Дзядуля расказваў аб тым, што, нягледзячы на забароны, савецкія людзі таемна вянчаліся, хрысцілі сваіх дзяцей, святкавалі рэлігійныя святы. Нават камуністы, якія павінны былі прытрымлівацца атэістычных поглядаў, не адракаліся ад веры. Дзядуля тлумачыць гэта наступным чынам: спакон вякоў так жылі нашы сваякі. Без веры нельга. Цяжка не пагадзіцца з гэтым сцвярджэннем.

У 1958 годзе МТС рэарганізавалі, а тэхніку перадалі калгасам. Касцёл пачалі выкарыстоўваць як склад. Дзядуля ў гэты час ужо ўладкаваўся на працу ў Шаркаўшчынскую райсельгастэхніку шафёрам і працаваў да выхаду на пенсію. Але месца жыхарства не змяніў, хату пабудаваў у Германавічах. Дзе б ён ні быў, яго заўседы вабіла на радзіму. У гэтай хаце ён жыве дагэтуль. Тут нарадзіліся дзеці: дачка Лілія ў 1959 годзе, а ў 1965 годзе — сын Юрый. Лілю ахрысцілі ў Задарожскім касцёле Найсвяцейшай Панны Марыі Ласкавай. Сын Юрый быў ахрышчаны ў Міёрскім касцёле Унебаўзяцця Найсвяцейшай Панны Марыі і Святога Язафата Кунцэвіча, дзе ў той час служыў ксёндз Ян Грабоўскі. Ён выехаў сюды, калі яму адмовілі ў аднаўленні службаў у Германавіцкім касцёле і быў адміністратарам Міёрскага касцёла да 30 красавіка 1984 года. Мой тата і яго сястра разам з бацькамі наведвалі імшы (набажэнствы), катэхетычныя заняткі і прымалі Першую Камунію ў гэтым касцёле, бо касцёл у Германавічах так і не дазволілі адкрыць.

Вернікі парафіі Перамянення Пана ў Германавічах пастаянна змагаліся за вяртанне свайго касцёла.

У 1956 годзе яны неаднаразова звярталіся з заявамі па гэтаму пытанню да ўпаўнаважанага Савета па справах рэлігійных культаў па Маладзечанскай вобласці, да ўпаўнаважанага пры Савеце Міністраў па БССР, а таксама да Старшыні Савета Міністраў СССР. Пасля рэарганізацыі МТС вернікі зноў у 1958-1959 гадах спрабавалі вярнуць касцёл. Наступныя заявы аб вяртанні касцёла вернікі пісалі ў 1979 годзе.

І толькі 16 жніўня 1988 года, пасля таго, як у Савецкім Саюзе пачалася перабудова, парафія Перамянення Пана ў Германавічах была зарэгістравана. Пачалася праца па

адбудове касцёла, у якім удзельнічала таксама наша сям'я. Дзядуля расказаў мне аб тым, што ў гэты час з зямлі, на полі, каля суседняй вёскі Навасельцы, былі выкапаны касцёльныя званы. Іх схавалі там вернікі з вёскі Жукі (вёска размяшчаецца ў трох кіламетрах ад Германавіч) у гады Вялікай Айчыннай вайны. Нямецкія ўлады ў 1943 годзе загадалі перавезці іх у вёску Падсвілле Глыбоцкага раёна, каб скарыстаць званы для сваіх патрэб. Калі сцямнела, вернікі схавалі званы на навасельскім полі. Самы вялікі са званоў важыў каля 17 пудоў.

Праз паўвека «званы з зямлі гаротнай, шматпакутнай, мнагагалосым звонам прараслі», як вобразна адзначыў мясцовы паэт, выпускнік Германавіцкай сярэдняй школы Віктар Лагун. Ён прысвяціў гэтай гісторыі свой верш «Германавіцкія званы», у якім ёсць таксама такія радкі: «І будзяць перазвоны наваколле, і нараджае вера дабрыню». Апошні радок я ўзяла як назву свайго эсэ.

Сапраўды, вера дапамагае людзям выстаяць у складаных сітуацыях. Якое моцнае духам было пакаленне майго дзядулі Генадзя! Колькі прыйшлося вытрымаць! Я думаю: вера спрыяла таму, што пасляваеннае пакаленне не страціла сябе і не толькі пабудавала прыгожае належнае жыццё, але і выхавала дзяцей, якія адраджаюць і прымнажаюць спадчыну.

31 кастрычніка 1988 года касцёл асвяціў айцец Люцыян Паўлік, які служыў у Задарожжы. Гэты момант зафіксаваны на фотаздымку. На гэта свята сабралася шмат людзей: сяльчане, госці з розных месцаў Беларусі. Дзядуля, які ў той час працаваў шафёрам аўтобуса, прывозіў на гэта свята вернікаў з Шаркаўшчыны. Гэта сапраўды была доўгачаканая для нашай вёскі і ваколіц падзея. І вось ужо больш чым трыццаць год, «ізноў надаючы ўрачыстасць дню, званы людзей збіраюць да касцёла», які стаў яшчэ адным цэнтрам духоўнасці ў вёсцы.

Дзядуля Генадзь перакананы, што вера дапамагае людзям годна жыць. Касцёл не вучыць дрэнным учынкам, а вучыць выконваць Божыя запаведзі, быць добрымі, міласэрнымі, не шкодзіць ні сабе, ні іншым.

Цалкам згодна з дзядулем. Мне здаецца: вера дапамагла яму знаходзіць выйсце ў складанай сітуацыі, усяляла надзею і дазваляла ў любым выпадку заставацца чалавекам, на якога можна спадзявацца, якому можна давяраць і верыць.

Я вельмі задаволена тым, што атрымала магчымасць прыняць удзел у конкурсе, які мае вялікае значэнне як для ўсёй Беларусі, маёй вёскі, так і для мяне асабіста. Гэта дазволіла мне больш даведацца пра гісторыю маёй краіны праз падзеі, якія адбываліся ў маёй сям'і, акунуцца ў той час, дакрануцца да мінулага.

Усё пачынаецца з любові…

Антуновіч Настасся

Ты пакліч мяне. Пазаві.
Там заблудзімся ў хмельных травах.
Пачынаецца ўсё з любві,
Нават самая простая ява.
Я. Янішчыц

Усё на гэтым свеце мае свой усход і захад. Нібыта сонца, што прабівае цяжар чорных хмар маленькім праменьчыкам. Ці шумлівая рака, якая з маленькага жэўжыка-ручая мужнай стыхіяй уліваецца ў вялізны сусветны акіян. Так і чалавек. Мае пачатак і канец. Але дзе? Я лічу, што наш усход і захад неадрыўна звязаны з продкамі, з роднымі людзьмі, з сям'ёй. А што для вас сям'я? Для мяне — гэта вялікі ачаг, дзе пануюць любоў, узаемапавага і шчасце, дзе разумеюць адзін аднаго, дзе кожны гатовы табе дапамагчы.

Сям'я — апора чалавека ў пошуках будучыні. А што сімвалізуе новую ячэйку грамадства лепш за вяселле? Напэўна, нічога, бо шлюб — гэта свята нараджэння новай сям'і. З вяселлем неадрыўна звязаны народныя прыкметы, абрады ды павер'і. Мы можам гэтага нават не ведаць, але інтуітыўна рабіць усё тое, што рабілі і нашыя продкі.

Я распавяду пра пяць фатаграфій. Яны былі зроблены ў розны час, у розных куточках Віцебскай вобласці, але ёсць тое, што іх аб'ядноўвае — гэта гісторыя маёй сям'і.

Мой позірк падае на самы стары фотаздымак. З цягам часу фарбы пабляклі, выявы і сілуэты сталі невыразныя. Але вялікае хваляванне агортвае мяне, калі я трымаю яго на далонях. Пачынаецца нябачны дыялог з гісторыяй майго роду.

На фотаздымку — шчаслівая сям'я. Добрымі і светлымі вачыма глядзяць на мяне мае прабабуля і прадзядуля — Яўгенія Герасімаўна і Ягор Сямёнавіч Булаўка, на каленях якога сядзіць яго гадавалая дачка Тамара. Мая бабуля Тамара Ягораўна распавядае:

– Стаяў цяжкі пасляваенны час. Прыкладна 1950 год. У маленькую вёску на Ушаччыне да родных завітаў сваяк, які меў вельмі рэдкую на той час рэч — фотаапарат. Многія вяскоўцы, дазнаўшыся пра гэта, звярнуліся да яго з просьбай зрабіць фотаздымак на памяць. Сярод іх былі і мае бацькі, што пажадалі захаваць ў гісторыі іх сумеснае жыццё. З надзеяй на лепшае.

Асновай сямейнага дабрабыту здаўна лічылася хата, якую павінен быў пабудаваць малады, каб прывесці ў яе жонку. Можа, з гэтай нагоды прабабуля і прадзядуля вырашылі сфатаграфавацца каля роднага дому. Непафарбаванага, сціплага, без багатага ўбрання, але такога дарагога сэрцу. Бо менавіта ў ім узяла свой пачатак адна з галін майго сямейнага дрэва. І нават сёння, праз гады, яна стаіць як напамінак неўміручасці роду.

Хочацца звярнуць увагу на адзенне: дзядуля — у касцюме, белай накрахмаленай кашулі з гальштукам; прабабуля — у паркалёвай кофтачцы ды простай спадніцы.

Тамара Ягораўна тлумачыць:

– Бацькі сустрэліся пасля вайны. Нястача, голад, гора панавала на нашай зямлі. Як у той час магчыма было марыць пра багатае вяселле? Мае бацькі, разумеючы, что зараз цяжкі час, справілі свята сціпла. Апрануліся звычайна: ў тое, што знайшлі. Нават фаты не было ў маці. У гэтым жа «шлюбным» адзенні яны і сфатаграфаваліся праз паўтара года пасля свята.

А цяпер давайце перанясемся ў горад Полацк і адгорнем наступную старонку сямейнага фотаальбома. Вось яны, мае прабабуля Вольга Іларыёнаўна ды прадзядуля Аляксандр Пятровіч Мазаленка. Фотаздымак зрабіў яго старэйшы брат Мікалай Пятровіч Мазаленка на ўласны фотаапарат адразу пасля рэгістрацыі шлюбу ў бацькоўскай хаце. Стаяць маладыя побач, плячом да пляча, гатовыя да выпрабаванняў лёсу і сямейнага жыцця. На іх тварах мы не ўбачым весялосці і радасці, бо яшчэ не загаіліся раны ад ваенных страт… Але сэрца хоча кахаць і быць каханым.

Позірк спыняецца на простым для шлюба адзенні. Вольга апранула

спадніцу, што вышла з-пад яе рукі, а яе каханы — белую кашулю з модным касцюмам ў палосачку. Нават жывучы ў горадзе, простыя рабочыя людзі не мелі магчымасці шчодра пачаставаць гасцей ды прыдбаць маладой белае адзенне.

Першы год маладыя жылі разам з бацькамі — пабудаваць сваю хату ў яшчэ не абноўленым пасля акупацыі горадзе было вельмі складана. Але паступова маладая сям'я крочыла да ўласнага сямейнага ачага. Дзякуючы вялікай працавітасці, адказнасці адно перад адным, каханню, праз 50 год яны адзначылі залатое вяселле сярод сваіх родных.

Хутка ідзе час. Змяняюцца пакаленні. Вось ужо і маленькая дзяўчынка, што сядзела на каленях бацькі, знайшла свой лёс. І зараз, гледзячы на ўжо каляровы фотаздымак, я бачу сваіх бабулю Тамару Ягораўну і дзядулю Сяргея Іванавіча Антуновічаў, якія пражылі разам ужо больш за паўстагоддзя. Іх жыццёвы шлях не быў выслены ружамі, ім прыйшлося шмат чаго перажыць, але не зламалі іх буры з навальніцамі!

Яны і сёння аптымістычныя, энергічныя, на тварах заўсёды свеціцца ўсмешка. Такімі яны былі заўсёды. Угледзьцеся ў фотаздымак: якой пяшчотай, замілаваннем напоўнены іх вочы, што глядзяць на нас з XX стагоддзя…

Сямідзясятыя гады былі шчаслівыя: людзі аднавілі гаспадарку, адбудавалі разбураныя вайной гарады, верылі ў шчаслівую будучыню. Развівалася культурнае асяроддзе. Кожны чалавек меў магчымасць зайсці ў фотаатэлье і зрабіць якасны здымак за невялікія грошы. 7 студзеня 1970 года мае бабуля і дзядуля таксама зрабілі свае першае сумеснае фота ў атэлье горада Полацка на вуліцы Пушкіна (зараз у гэтым будынку знаходзіцца крама «Терминал»).

У параўнанні са сваімі бацькамі, Тамара Ягораўна і Сяргей Іванавіч ужо мелі магчымасць багата справіць вяселле. Але яны вырашылі інакш: удваіх пайшлі ў ЗАГС, атрымалі штамп ў пашпарце ды завіталі ў кафэ і фотаатэлье, каб на доўгія часы пакінуць успаміны пра гэтую радасную падзею. На фотаздымку яны ў прыбраным, але простым адзенні. Бабуля выбрала белую ў чорную кропачку кофтачку ды сарафан, а дзядуля — чорны касцюм з белай кашуляй і гальштукам.

Сціпласць — вось што вызначае маіх продкаў.

А вось мае бабуля Людміла Аляксандраўна і дзядуля Мікалай Іосіфавіч Гаруновы справілі вяселле з шырокай душой. Полацкі завулак не сціхаў ад звонкіх песен, вясёлага смеху гасцей ды заваднога гарманіста амаль два дні. Вяселле ішло па ўсім канонам таго часу: выкуп нявесты (купцы прыехалі аж з-пад Магілёва), рэгістрацыя ў Полацкім ЗАГСе 10 верасня 1973 года, святочнае застолле. Бацькі не пашкадавалі грошай, каб гэтае свята стала незабыўным на ўсё жыццё.

Маладым было прыдбана шлюбная адзенне: белая, да полу, спадніца з карункамі і пышным вэлюмам; чорны касцюм з белай кашуляй ды белай хусцінкай у кішэні. Не забыліся пра абавязковы элемент вяселля — заручальныя пярсцёнкі, пра якія паклапаціўся жаніх. Нават быў запрошаны фатограф, які зрабіў серыю здымкаў на ўрачыстай рэгістрацыі шлюбу. Зараз гэтыя фотаздымкі з'яўляюцца сямейнай каштоўнасцю і перадаюцца нашчадкам.

Мяне ўразіла фота, на якім дзядуля надзявае бабулі залаты пярсцёнак. Асабліва пяшчотна трымае ён руку каханай. Асцярожна, нібыта галінку бярозкі, баючыся зламаць, нашкодзіць. З вялікім хваляваннем у сэрцы пазірае на гэты ўрачысты момант бабуля, жадаючы запомніць, пранесці праз ўсё жыццё. На чорна-белым фотаздымку сімвалам маладосці, вернасці, кахання і чысціні выдзяляецца яе белая постаць.

Над закаханымі ярка гарыць лямпа: нібыта зорка Венера, што ўзышла над імі, каб асвяціць няпросты шлях у будучыню.

У край маленства памяць адбягае.
І тчэ і тчэ старую казку ноч,
І ў мутных хмарках месячык мільгае,
Як паміж ніцяў срэбраны чаўнок.

Н. Гілевіч

Наша жыццё саткана з розных ніцей лёсу. Адны, ледзь узяўшы свой пачатак, рвуцца ад моцных удараў жыцця; другія — толькі дужэюць у віхуры нягод. І толькі разам, пераплятаючыся адно з адным, яны ствараюць неразрыўнае палатно роду. Я — працяг сваёй сям'і, адна з галінак радавога дрэва. І пачатак свой бяру ад бацькоў. Менавіта іх вяселле я бачу на апошнім каляровым фотаздымку. Стаяў ясны спякотны ліпеньскі дзень 1999 года. Пасля выкупа нявесты і рэгістрацыі ў ЗАГСе маладыя з гасцямі наведвалі знакавыя і святыя месцы свайго горада. У Полацку нельга было абмінуць Курган Бяссмерця ды Сафійскі Сабор. Менавіта таму мае бацькі сфатаграфаваліся на адным з самых прыгожых месцаў горада. Стромкія вежы сабора стралой пранізваюць аблокі, зялёнай сцяной стаяць дрэвы парка, а сонца кідае свой ласкавы позірк на маладых, што з шчаслівымі ўсмешкамі крочаць наперад, у будучыню.

Гэта месца сапраўды можа лічыцца крыніцай, з якой бяруць пачатак шматлікія пакаленні палачан. Святая зямля дае людзям сілу духа, каб супрацьстаяць выпрабаванням жыцця. Сафійскі Сабор, нібыта вечны светач-полымя, азарае шлях у будучыню. Сваім прыкладам ён паказвае, што магчыма дастойна вытрымаць усе цяжкасці лёсу і пранесці праз стагоддзі мудрасць продкаў.

Мае бацькі, Алена Мікалаеўна і Сяргей Сяргеевіч Антуновічы, працягнулі традыцыю святкаваць вяселле вялікай дружнай грамадой, запрасіўшы родзічаў ды добрых знаёмых. Маці выбірала шлюбную спадніцу і вэлюм аж у Віцебску, а бацька набыў святочны строй у Полацку. Яны вырашылі працягнуць добры звычай ды апрануліся ў святочнае адзенне, як і іх бацькі.

Вяселле заўсёды было адказным этапам у жыцці чалавека. Кожнае абрадавае дзеянне павінна было быць упрыгожана ручнікамі. Падчас вянчання ў храме маладыя стаялі поруч на белай частцы чырвона-бела-чырвонага ручніка.

Адным з галоўных атрыбутаў беларускага вясельнага абраду быў каравай. Ён сімвалізаваў жыццесцвярджальнае радавое адзінства, пачатак новага жыццёвага цыкла ў бясконцым радаводным ланцужку. Вясельны каравай «плыў» з каморы ў хату да чырвонага кута на высока ўзнятых руках свата, а ляжаў ён таксама на белай частцы спецыяльнага ручніка.

Да нашага часу дажыла традыцыя: нявеста ў першы дзень вяселля апранаецца ў белае адзенне, а яе галава ўпрыгожваецца белай фатой, вэлюмам, чапцом ці вянцом. І сёння ў масавай свядомасці пануе ўяўленне аб белым колеры выключна як сімвале чысціні і дзявочай цнатлівасці.

Цікавая дэталь вяселля — форма святочнага стала і паслядоўнасць, з якой павінны садзіцца і сядзець за ім госці і радзіна. Аказваецца, традыцыйна яна нагадвала літару «Г», што сімвалізавала саюз, вянчанне, паяднанне двух родаў. У сучасных жа «рэстаранных» шлюбах стол звычайна ставяць літарай «П». Пры гэтым маладых садзяць на чале стала, а прадстаўнікоў кожнага роду за правым і левым крылом. Аднак у дадзеным выпадку не ўлічваецца вельмі важная акалічнасць. Госці, пасаджаныя ўздоўж вонкавага боку стала, будуць павернуты адзін да аднаго тварам (што адпавядае мэце вясельнага абраду), але ж мы садзім гасцей і ўздоўж унутранага боку стала. А гэта ўжо недарэчнасць: прадстаўнікі двух родаў будуць сядзець спінамі адзін да аднаго, як тыя, якія пасварыліся і на суд едуць. Вось вам і вяселле, вось вам і пачатак новага жыцця заручонай пары… Як пачнеш — так і пражывеш. За прагай да багатых пачастункаў забыліся пра асноўнае: дзеля каго і дзеля чаго справу ладзілі.

Усе фатаграфіі, пра якія я распавяла, аб'ядноўвае адна падзея — вяселле. Яны былі рознымі: багатымі, сціплымі, вясёлымі, шчаслівымі. Але кожны раз мае продкі не забывалі пра

традыцыі і спецыяльныя абрадавыя дзеянні, што існавалі яшчэ ў старадаўнія часы. Мы і сёння робім вяселлі па заветах продкаў, можа нават дакладна не разумеючы іх сэнс.

Мы павінны захоўваць веды продкаў, што перадалі яны нам з песнямі, казкамі. Павінны памятаць свой радавод. І мне здаецца, што толькі разам з сям'ёй, роднымі чалавек можа прайсці праз агонь, ваду і медныя трубы. Бо калі за тваімі плячыма стаіць грамада пакаленняў, што падхопіць цябе ў цяжкі момант жыцця, для цябе не існуе перашкод на жыццёвым шляху. Мы – як магутнае дрэва, што не зломіць вецер, не спаліць агонь, што трымаецца каранямі за родную зямлю.

Дубамі адвечнымі продкі
Надзейна ў Айчыну ўраслі,
І вочы нябожчыцы цёткі
Валошкамі ў полі ўзышлі.
Вясковая вечная повязь
Вяртае жывых з забыцця.
Я – завязь, я – зерне, я – споведзь
Свайго разумення жыцця.

Л. Галубовіч

Надя — надежда!

Лесниченко Алина

Раскрываю альбом с потерявшими цвет фотографиями,
И глядят и глядят со страниц на меня биографии…
Юрий Верижников

У нас дома есть старый семейный альбом, который хранит судьбы людей многих поколений, и эти судьбы неразрывно связаны со мной, ведь в нем «написана» история моей семьи. Глядя на фотографии моей бабушки Надежды, которую, к слову, я никогда не видела, но о которой так много знаю, я вижу на них мамину улыбку, глаза моей сестры, свои руки. У старых снимков есть особенный секрет: они трепетно хранят эхо прошлых лет.

Надежда Алексеевна Атрошенко родилась в семье моей прабабушки Екатерины и «местного предпринимателя», а по совместительству моего прадедушки Алексея, в далёком августе 1930-го года. К большому сожалению, акцент на то, что прадедушка был предпринимателем, а не честным, справедливым, добрым и трудолюбивым человеком, сделала и местная власть, которая посчитала наличие лавки и небольшого участка земли преступлением против советской власти, а прадедушку, крепкого телом, добросовестного в труде и в убеждениях — кулаком. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», утверждённому 1 февраля 1930-го года ЦИК и СНК СССР, всех тех, кого раскулачивали, делили на три категории: люди, которых следовало арестовать, заключить в концлагерь или же расстрелять; люди, которые выселялись в северные и необжитые территории советского государства; люди, которые расселялись за пределами своих населённых пунктов.

Неизвестно, радоваться оставалось или грустить, но за наличие маленькой лавки с солью, мылом и спичками, за которыми прадедушка, не имея машины, добирался в Киев пешком, а оттуда приносил на своих окровавленных плечах, приговор прозвучал так: «Имущество конфисковать, вместе с семьёй сослать в северные районы Союза». Не для вольного поселения, как хотелось бы, а для каторжного труда, разумеется. Прабабушка Екатерина собирала маленький чемоданчик «лёгких» вещей для своих детишек, двух мальчишек и Наденьки. Слёзы горечи и отчаяния катились из ее глаз, но, несмотря на то, что раньше «большевики по дворам шастали, зерно выгребали, а сейчас без наганов раздели всю семью до креста», у нее оставалась огромная вера в душе, а в руке — ладошка маленькой Надежды, которая спросила: «Мама, а что такое Соловки?».

Соловки — красивое название, которое в мыслях рисуется как место, в котором чудная природа и поют соловьи. На самом же деле место может и красивое, но вот отправляли туда совсем не соловьёв слушать. Соловки — крупнейший в СССР исправительно–трудовой лагерь на территории Соловецких островов, действовавший в 1920–1930–х годах.

Как только баржа причалила к берегу, мою прабабушку с двумя годовалыми малышами и пятилетней Наденькой, промокшими до костей и продрогшими от холода, в проливной дождь пешком отправили в барак. А дальше жизнь, как в сериале с лихо закрученным сюжетом: каторжный труд в лесу на заготовках, голод, тиф, воспаление лёгких, похороны сыновей и на руках у хрупкой женщины одна она — маленькая Надежда.

Бесконечно долгие шесть лет пришлось дожидаться хороших новостей: «Можно возвращаться домой!». Только вот хорошими эти новости назвать можно ли? Шёл 1941 год, и причина возращения не такая уже и благоприятная — война. Возвращение в родную деревню, где ты — жена «кулака», где нет больше твоего дома, где не ждёт тебя никто… Но здесь ключевое —

родная. Пешком через линию фронта с маленькой Надей и большой надеждой они прошли и этот, не самый лёгкий путь.

Деревня Малюшино Могилёвской области встретила своих «родных дочерей» уже в 1943 году. Тринадцатилетняя Наденька, никогда не знавшая, что такое детские забавы, белые банты и сладкие конфеты, с тяжёлых каторжных работ «шагнула» прямо во взрослую и беспощадную войну, у которой, как известно, совсем не женское и далеко не детское лицо. Жилья не было, и пришлось просить помощи в колхозе, вместо дома прабабушке велели убирать колхозную контору, а вечером разрешали там ночевать на полу с дочкой, без кровати и матраса, на соломе. Женщина из дома напротив дала соломы, девочка–соседка угостила леденцом, председатель Николаич взял на работу в колхоз. И жизнь пошла своим чередом… Именно в родной деревне, именно в тяжёлые годы войны и именно с клеймом «кулаки» жизнь для Нади показалась жизнью, как ни странно, полной красок и новых откры-

тий. Все помогали друг другу, оттого и связь между соседями была больше братской, скорее кровной, нежели приятельской. Неспроста до сегодняшнего дня пожилые люди говорят: «Он же из моей деревни, значит, родня!». Традиции толоки, которых нет ни в одной книге законов и ни в одном своде правил, написаны у православных людей в душе. Они написаны не тонким грифелем простого карандаша, а выгравированы изумрудной скрижалью, от которой идёт яркий свет и тепло человеческого сердца.

Уже после войны, в 1945 году, когда деревня вместе с великой страной пыталась «встать с колен», восстать из пепла и руин войны, Надя по-прежнему трудилась с мамой не покладая рук. Она не боялась тяжёлой работы, но всегда знала: «Ну, какая-нибудь баба с мал-мала меньше ребятами не успеет сжать, соберутся ей помочь, и всем миром бабы дожнут». Так в селе говорили, если быть точной, не говорили, а делали... Так и справлялись с трудностями вместе, вопреки всем горестям и печалям.

Шёл 1946 год, материальное положение семьи, которая после войны по– прежнему состояла из моей бабушки Нади, молодой девчонки 16 лет, и моей прабабушки Екатерины, женщины, схоронившей мужа и двоих сыновей, оставляло желать лучшего. Несмотря на помощь односельчан, у каждого из которых была такая же боль от утраты и ни гроша за душой, нужно было выживать. В доме, а, точнее, в старой конторе, в которой ютились мать и дочь, после войны не осталось даже досок на полу. Мне сложно представить, как могли выживать люди в то время, в домах, где нет даже пола? Но моя Надежда сильнее и отважнее меня. Как только она услышала, что набирается группа молодых людей для работы на строительстве, где–то в далёком городе Щёкино, она, не раздумывая, бросилась домой с новостью: «Мама, у нас будет пол, а у соседского мальчишки Кольки новая рубашка и целый кулёк конфет. Я заработаю, я смогу!». Как ни просила мать Надю не уезжать, как ни плакала и умоляла, ведь Наде всего 16, а уезжает молодёжь в 18 лет, Надя не сдалась, исправила возраст в метриках, ведь так легко ноль превращается в восьмёрку, если очень захотеть, а она хотела — очень.

Началась ее новая жизнь. В Щёкино шло великое строительство, как и во всём Советском Союзе. Рабочая сила требовалась везде. Во многих деревнях и городах ребята были задействованы на строительстве электростанций. Комсомольцы строили клубы, дома культуры, закладывали сады. В старом общежитии, с потрёпанными войной кирпичными стенами, была комнаты Надежды, и не просто комната, а целый мир с двумя соседками и старым патефоном, который без умолку играл «Вечер вальса» (Исаака Дунаевского) и «Одинокую гармонь» (Бориса Мокроусова). Эти песни были очень популярны в советское время. Особенно в 50-60-е годы. Их пели самые выдающиеся исполнители Советского Союза. Их пели и они, три весёлые подружки, которые после тяжёлой работы на стройке приходили к себе в комнату, наряжались на танцы в лёгкие ситцевые платьица и делили одну брошь на троих. Ту брошь, которую когда–то прадедушка Алексей, тот самый «кулак», подарил своей невесте Катеньке в самый счастливый для них 1925 год — год их знакомства. Эту брошь прабабушка Екатерина так бережно хранила и во времена ссылки на Соловки, и во время войны, и после. Не имеющая большой материальной ценности брошь была самой большой реликвией в доме — она хранила в себе самое важное — любовь. Надежда с трепетом относилась к маминому подарку и знала трогательную историю этой милой вещицы, но ей так хотелось, чтобы Вера и Нина тоже были нарядными. И не знали тогда слова «жалко», ведь с раннего детства Надя видела, что нужно безвозмездно помогать людям, что человеческую жизнь так легко искалечить и уничтожить, что ни одна вещь во всем огромном мире не сравнится с искренней улыбкой Ниночки, которой эта брошь так шла, так подходила к ее оливковым глазам и цветастому платью «под поясок». А утром снова на стройку, зарабатывать копеечку, потому что маме нужно помочь, ведь в колхозе работали «за палочки», как говорили в народе, или за «трудодни», как именовало государство. Что такое трудодень, уже мало кто помнит. Это была форма оплаты в колхозе. Отработал от зари до зари — одна палочка, потрудился совсем уже ударно — полторы палочки. А в конце года, когда колхоз выполнит план, тогда и получишь на хлеб, чаще зерном, которое нужно будет ещё перемолоть в муку, а если план не выполнен, то колхозник получал «вдохновляющее» спасибо. Надя, не жалея себя, работала и отсылала заработанные деньги домой, чтобы мама купила досок для пола, чтобы соседскому Кольке передали кулёк конфет. Тяжёлыми были послевоенные времена, и не они выбирали такой час, а время выбрало их. Но жизнь на этом не заканчивалась, а у многих только начиналась. Бодрости духа, оптимизму и желанию жить у тех людей стоит только позавидовать. Неопытные девочки выполняли вручную и погрузочно–разгрузочные работы. Однажды произошло то, чего и стоило ожидать — травма позвоночника от бревна, которое закатывали на эстакаду и не удержали тонкие руки молодых девчонок. Журналы по технике безопасности, бесконечные лекции по охране и безопасности труда — это наши дни, а в 1955 году этим важным правилам никто не придавал должного значения. Те времена уравнивали труд мужчины и женщины, всё вместе это была — рабочая сила. Потеряв надежду, Надя горько плакала. Слёзы душили её, но не оттого, что себя жалко, а потому, что она подвела стольких людей: мама, подружки, бригада. Долгих тридцать дней придётся лежать и быть обузой для кого–то, так думала она, а на деле оказалось, что крепкая дружба — это не пустые слова, а искренняя любовь мамы — навечно, вне зависимости от того, красив ты или не очень, здоров ты или не очень, богат ты или нет. Не остались в стороне и односельчане, которые, услышав о трагедии, поддержали трогательным письмом и словами утешения. Не знала Наденька в ту минуту, что надежда никогда не должна покидать человека. Даже в самые тяжёлые минуты отчаяния надежда — это путеводная звезда, о которой поётся в знаменитой песне Александы Пахмутовой и Николая Добронравова:

...Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы...

И эти телеграммы ожидали мою Наденьку совсем скоро. Жизнь преподнесла много ярких и удивительных событий. Ещё не единожды она с подружками слушала свой любимый старый патефон и бессмертные «Вечер вальса» и «Одинокую гармонь», вернулась к работе, а после нелёгкого рабочего дня собиралась в своей комнате на танцы, с Верочкой и Ниночкой шили себе одинаковые платья, в которых любили фотографироваться и отсылать с подписью «на долгую память маме», а ещё получила профессию штукатур– маляр.

Много времени прошло, но моя Надя–Надежда всегда со мной, даже если она легче ветра и выше неба. Неба цвета индиго.

Апошні шлях. Жыццё да і пасля

Гушча Аляксандра

Колькі я жыву, столькі і люблю гісторыю. Люблю слухаць, люблю чытаць, шукаць цікавыя факты ў інтэрнэце або гартаць энцыклапедыю. Ведаю, што ёсць такія людзі, якія не разумеюць, навошта вывучаць гісторыю. Як навошта? Гэта ж нашае жыццё, а ў ім шматлікія рэчы паўтараюцца. І калі ты не заўважаешь некаторых рэчаў, а часам яны бываюць вельмі важнымі, то ты можаш так ніколі і не выбрацца са сваіх праблемаў.

Цікава вывучаць гісторыю краін, біяграфіі знакамітых людзей, але важна ведаць і свае карані. Так я распавяду вам пра гісторыю сям'і з майго роду.

Сям'я Ранцэвіч з'явілася на свет у 1955 годзе ў Велямічах. Сцяпан Іванавіч Ранцэвіч пабраўся шлюбам з Ганнай Сямёнаўнай Слуцкай. У ліпені 1956 года на свет з'явілася першая дачушка Люба, у гэтым жа годзе была збудавана і хата. Дарэчы, хату прадзед Сцяпан збудаваў недалёка ад сваіх бацькоў Івана Макаравіча Ранцэвіча і Ганны Іванаўны, гэта часты выпадак для вёскі.

Ранцэвічы і Слуцкія, разам з Мамайкамі, Гушчамі, Давідчукамі, Марозамі, Масламі ды іншымі, насяляюць вёску Велямічы здаўна, проста адныя маюць шляхетнае паходжанне, як Ляшкевічы і Ранцэвічы, а іншыя паходзяць з мужыкоў. Як адрозніць Івана Ранцэвіча ад Мікалая Ранцэвіча? Правільна, па мянушкам. На сям'ю Сцяпана Ранцэвіча казалі Затоўка. Бо, мабыць, продкі Сцяпана любілі есці затоўку — нутраное свіное сала. Гэтыя прозвішчы жывуць на вёсцы і зараз.

Сцяпан і Ганна з сапраўдных палешукоў, яны, а раней іх продкі, жылі на адным хутары — Засі, але Ганна нарадзілася на хутары Боркі. Гэтыя хутары суседнічалі з Мярлінскімі хутарамі, Рубрынам і іншымі, з якіх прымусова людзей перасялялі ў бліжэйшыя вёскі, а ў 1959 годзе тут быў створаны 41 авіяцыйны палігон Варшаўскага дагавору.

Працаваць у той час асабліва не было дзе, Ганна хадзіла па ягады (журавіны, чарніцы), а Сцяпан будаваў дамы аднавяскоўцам, яшчэ ездзіў «на вэсну» і на цаліну, але больш быў будаўнікам.

«Вэсна» — характэрны «бізнес» для палешукоў з давыд-гарадокскай зоны, характарызаваўся ён так: нашыя людзі везлі насенне розных відаў садавіны, гародніны і кветак на продаж ў Расію, Украіну. Я памятаю, як гралася з цэтлікамі-дошчачкамі блакітнага колеру, на якіх была намалёвана тая ці іншая расліна, кветка. А калісьці гэта быў важны элемент ў кветкавым бізнэсе, з дапамогай цэтлікаў разбіраліся, якое насенне знаходзіцца ў гэтым мяшочку.

Сцяпан з Ганнай нарадзілі двух дачок Любу (1956) і Ніну (1962), паціху гадавалі іх, а потым Ганна заўважыла на сваім целе пухліну з мячык. Гэта быў лейкоз.

Ёй быў 31 год, лячыць хваробу яна ездзіла ў Мінск, у нейкі даследчыцкі інстытут. Змагалася з хваробай яна 8 год. У 1973 годзе Ганны ня стала, ёй было ўсяго 39 гадоў.

Засталіся з бацькам сямнаццацігадовая Люба і адзінаццацігадовая Ніна. Не пройдзе і году з моманту смерці Ганны, як ўдавец Сцяпан возьме ў жонкі ўдаву Марфу. Вось тут лёд і трэсне…

Цяпер звернем увагу на фотаздымкі. Абрала я пахавальныя фотаздымкі не проста так, бо пахаванне адносіцца да важных падзей у жыцці чалавека, ды і фотаапараты не былі ўсім даступныя. Менавіта ў гэты момант збіраліся ўсе сваякі і сябры.

У кожнага сваяка была свая роля. Хтосьці будзе пячы пірагі, хтосьці паедзе за дамавінай, хтосьці будзе «прыбіраць» (абмываць, адзяваць) памерлую. Калі гэта стары чалавек, то ў яго ўжо ўсё прыпасена: адзенне, абутак, грошы… Стараюцца выконваць усе пажаданні, якія пры жыцці выказаў нябожчык. Пахаваць каля бацькоў, апрануць новую кашулю, пазваць таго і гэтага, не плакаць.

Каб паведаміць, што чалавек памёр, у царкве звініць звон, чуваць яго па ўсёй вёсцы. Тут трэба нагадаць, што вялізнае месца займае юрыдычны бок: зафіксаваць смерць, выявіць прычыну і атрымаць неабходныя паперы ў сельсавеце.

Калі чалавек памёр днём, то пахаванне будзе на наступны дзень. Тады цела нябожчыка ляжыць у хаце ноч, над ім чытаецца псалтыр, таксама блізкія родзічы начуюць ў хаце. У кожнай хаце ёсць вялікія свечкі, вось бяруць такую свечку, ставяць на стол і яна гарыць ўсю ноч.

Ёсць тут месца і старым забабонам: адразу ж пасля смерці завешваюцца ўсе люстэркі. Нібыта дух можа застацца жыць ў ім.

У хаце пачынаюць адпяванне, родзічы прыходзяць, каб развітацца са сваяком. Дарэчы, адпяванне характэрна толькі для Заходняй часткі Беларусі, для западэнцаў.

Цела выносяць з хаты і вязуць да царквы. Нягледзячы на савецкі час, неспрыяльны для веры і царквы, нашая Свята-Ільінская царква ніколі не зачыняла свае дзверы. Ні ў вайну, ні ў той антырэлігійны перыяд.

Захаваліся на Палессі і галашэнні — працяглыя і гучныя спевы з жаласным надрывам, нават усхліпам. Гэтаму не навучышся, спяваюцца яны толькі на пахаваннях, у астатнія моманты гэта табу.

У царкве свае рытуалы: пасля ўсіх адпяванняў звоняць у званы і выносяць цела ў апошні шлях. Спачатку выстройваюцца мужчыны з усімі царкоўнымі атрыбутамі, з крыжам, іконамі і выявамі архангелаў, маладзейшыя ўнукі і ўнучкі, затым едзе машына з нябожчыкам і бліжэйшымі сваякамі наверсе, ззаду ідуць астатнія сваякі, сябры і знаёмыя.

Калі гэта працэсія ідзе па вуліцы, то ўсе, хто едзе па дарозе, стараюцца не перашкаджаць, а спыніцца і правесці чалавека ў апошні шлях. Тыя, што сядзяць ў хаце — выходзяць на вуліцу, жадаючыя могуць пайсці «правесці». Працэсія спыняецца на кожным скрыжаванні, дзе святар чытае адпаведныя малітвы.

На могілках ужо адчынены вароты, зямля «чакае»... Цалуюць лоб, рукі. Кідаюць тры разы зямлю. На палатне апускаюць труну ў зямлю. Палатно (па-велямiцку полотно) — доўгая і моцная тканіна з лёну, захоўваецца ў куфры (вел. — кухор). Спяваецца «Царство Небесное».

Пасля пахавання ідуць у дом памерлага, за стол. Канешне, на такі дзень свае стравы. Калі пост — то ежа постная, а не — куцця, квас, каша, пякуцца пірагі, робіцца канун (цёплая вада з медам і хлебам).

Чалавека не забываюць і пасля смерці. На наступны дзень пасля пахавання едуць «будіць» (абуджаць) яго. Успамінаюць на дзявяты, саракавы дзень, у нас збіраюцца у паўгады і ў год.

Крыху пабылі ў мінулым, цяпер вернемся да апісання. Фотаздымкі былі зроблены братам Сцяпана — Уладзімірам Іванавічам Ранцэвічам. На фоне мы можам ўбачыць родную хату, Свята-Ільінскую царкву і могілкі.

Фотаздымкі. Дарослая дзяўчына, што моцна плача над нябожчыцай — Любоў, побач стаіць яе тата Сцяпан Іванавіч, сястра Ніна (ёй усяго 10 год), паблізу дзед, бацька Ганны, Сямён (такі магутны, вусаты дзядзька), дзядзька Сідар (малады, кучаравы мужчына) і астатнія сваякі і знаёмыя.

Гэты фотаздымак пераломны ў жыцці маёй бабы Любы і яе сястры Ніны. Бо лепей ужо не будзе ніколі.

Праз год Люба пойдзе з хаты ў новую, сваю сям'ю. Пабудуе з мужам Васілём хату і народзіць дзве дачкі, Ганну і Алену. А ў Ганны народзіцца дзяўчынка Аляксандра. Аўтарка гэтага артыкулу.

А Ніна застанецца ў бацькоўскай хаце з мачахай.

Люба была сталей на момант хваробы і смерці маці, яна ўжо больш разумела ўсё. Я лічу, што гэтая розніца ва ўзросце і абставіны істотна зменяць далейшы ход падзей.

У Сцяпана новая сям'я. Чаму дзед ажаніўся так хутка на Марфе, не прайшоў і год з смерці жонкі, баба мая не ведае і яго не асуджае. Між тым, Сцяпан з Марфай пражылі разам больш за 30 гадоў. Дзяцей сваіх у іх не было, ад першага шлюбу ў Марфы ёсць сын.

Прайшоў час, прадзед цяжка захварэў і памёр. Адносіны бабы, яе сястры і Марфы ў апошнія месяцы жыцця дзеда былі напружанымі. Канешне, была сварка. Бо была маёмасць: дзве хаты. Былі і грошы. Марфа хутка з'ехала да сына, а адносіны бабы Любы з сястрой Нінай пагоршыліся. Ніна абурылася на Любу, памятаю, што ў Ніны была істэрыка на пахаванні. Тады яна шмат успамінала дзіцячых момантаў, што яна была нелюбімай у мачахі, непатрэбнай дачкой...

Сітуацыя пагоршылася, калі Любоў Сцяпанаўна са сваім мужам Васілём Стахеевічам перайшлі жыць у дзедаву хату. З таго моманту Ніна не размаўляе ні з Любай, ні з яе сям'ёй. Цяпер кожны носіць свае перажыванні у сабе. Гэта я магу пайсці да псіхатэрапеўткі і вырашыць сваю боль. А вясковыя людзі — не, яны не такія. Нажаль.

Пакуль я працавала над гэтым эсэ, некалькі разоў плакала з таго, якім маленькім робіцца чалавек на фоне падзей, якім бяссільным ён становіцца. Ты змагаешся за жыццё, не ведаючы, пераможаш ты ці не.

Ідзе час, растуць дзеці, змяняюцца гарады і жыццё. Праводзяцца сусветныя алімпіяды, чалавек ляціць ў космас, робяцца патрэбныя навуковыя адкрыцці, а вясковы чалавек жыве ў сваім жыццёвым супе, прыпраўленым каляндарна-абрадавым цыклам. Палешукі звыклі так жыць, з сваёй праўдай ўнутры.

**Апытанка была праведзена з Любоўю Сцяпанаўнай Ляшкевіч, у дзявоцтве Ранцэвіч, у артыкуле выкарыстаны яе асабісты архіў, в. Велямічы, Столінскі р-н, Брэсцкая вобласць.*

Малая радзіма: дзядоў і продкаў нашых дух не сцёрся на парозе

Барысік Паліна

Мінаюць гады, дзесяцігоддзі, стагоддзі… Адыходзяць у нябыт падзеі недалёкага бурнага 20 стагоддзя. І мы часцей задаемся пытаннем: а што нас чакае ў будучым? «Захавай свае карані! Беражы малую радзіму!» — заклікае нас лозунг з тэлеэкрана…

Гэты зусім звычайны рэкламны ролік — зварот да ўсіх беларусаў. 2018–2020 гады ў Беларусі праходзяць пад знакам малой радзімы. А гэта значыць, што наша Беларусь, кляновы лісток на карце свету, прымае ў сабе мільёны мястэчак і вёсак, гарадоў, лёс якіх часта вельмі сумны. Статыстыка палохае сваімі лічбамі. З кожным годам усё больш і больш маленькіх населеных пунктаў знікае з карты. Жыхары вёсачак перабіраюцца ў гарады да дзяцей, бліжэй да прагрэсу. У хатах дзе-нідзе застаюцца старыя людзі, якія не могуць і не жадаюць пакідаць свае гнёзды, з якімі звязана ўсё іх жыццё. Але, калі едзеш па вясковых дарогах і глядзіш праз вокны аўтамабіля, усё часцей бачыш разваленыя хаты, спустошаныя, закінутыя двары. А што станецца з гэтымі адзінокімі, парослымі мохам хатамі праз пару гадоў? Унукі наведаць сваіх дзядоў выбіраюцца не кожны год. Праўнукі ўжо не маюць да гэтага ніякага дачынення. А дзяржава чакае, чакае з бульдозерам напагатове… І сэрца сціскаецца з нясцерпнага болю, бо нечы родны куток знікне з твару зямлі…. А ўсё-такі тут раней чуўся вясёлы дзіцячы гоман, нечыя моцныя рукі зранку працавалі з рыдлёўкай, касой, плугам, і нават праз старыя ліштвы цягнуўся пах свежаспечанага хлеба. А дзе зараз гэта ўсё? Нажаль, толькі ў памяці гэтых людзей, у фотаздымках, ды і то недзе вельмі глыбока, за ўсімі сучаснымі праблемамі і надзённымі справамі.

Вёска Гуменікі Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці — месца, дзе засталася хата прадзеда і прабабулі, могілкі, дзе пахаваны родныя. Шкада толькі, што паступова знікае яна, як, дарэчы, і многія іншыя: у мінулым годзе тры дамы закапалі, у гэтым — яшчэ адзін, тыдзень таму ў пажары згарэла яшчэ адна хата. А месца гэта добрае: тут праведзены газ, ёсць вадаправод, святло. У нашай хаце ніхто не жыве з 2007 года. Бабуля параілася са сваякамі і ўжо рыхтавалася да продажу, нават некалькі пакупнікоў прыехалі, грошы падрыхтавалі. Але ў апошні момант яна перадумала прадаваць дом, у якім жыве дух яе роду, і цяпер мы сюды прыязджаем толькі ўлетку.

Падчас уборкі на гарышчы хаты я знайшла скрутак, загорнуты ў газету, а там — старыя паштоўкі, лісты. У шафе мне трапілі ў рукі акуратна згорнутыя сямейныя дакументы, узнагароды сваякоў. Самым вялікім адкрыццём для мяне сталі фотаздымкі ў старым альбоме. Пераглядваю пажоўклыя ад часу здымкі, часта задаю розныя пытанні бабулі.

Мне 22 гады, я студэнтка, а на невялікай картачцы мой прадзед — Севасцьян Андрэй Рыгоравіч, 1925 года нараджэння, а па дакументах — 1923 года (стаіць у першым радзе ў цэнтры). Наш узрост амаль супадае: яму прыкладна столькі ж, колькі мне цяпер. Дзед самы высокі сярод юнакоў, апрануты прыстойна, у рабочым адзенні як і астатнія: у галіфэ, кірзавых ботах, фрэнчы, кашулі, на галаве — кепка з брылём. Няма трывогі на іх тварах, адна нага выстаўлена наперад, адчуваецца спакой, упэўненасць, гонар. Але гэта не зусім так. Бабуля мне расказала, што напярэдадні вайны дзед Андрэй, рамантуючы разам з напарнікам вучэбны трактар, у выніку няўзгодненых дзеянняў пашкодзіў сухажыллі на пальцах правай рукі, пальцы засталіся на ўсё жыццё перабітымі. Таму ў ваенкамаце прадзеду далі браню, не прызвалі на фронт. Пасляваенны час. Трактарыстаў у СССР шанавалі, іх лічылі адукаванымі людзьмі. Напрыклад, у прадзеда адукацыя — 4 класы польскай школы, 6 класаў Глоўсевіцкай няпоўнай сярэдняй школы. Настаў час выбіраць свой далейшы жыццёвы шлях. Прага працаваць на зямлі стала вызначальнай, калі выбіраў, кім быць. І вось ужо яны — маладыя спецыялісты, трактарысты, іх праца — мэтанакіравана. Ім даверяюць СХТЗ-НАЦІ — першы гусенічны трактар айчыннай распрацоўкі. Прагрэс відавочны! Падчас працы ў Навагрудскім занальным архіве знайшла дакументы, якія

сведчылі аб тым, што 10 студзеня 1945 года прадзед уладкаваўся на працу ў Слонімскую МТС, якая знаходзілася ў вёсцы Грыбава, у якасці вучня трактарыста (трактар У-1, У-2). Яго заробак за 1945 год вагаўся ў розных памерах (залежала ад сезона, ад аб'ёму, ад характару выкананай працы): 85 руб., 65 руб., 105 руб., 236 руб., 210 руб., 40 руб., 60 руб., 2 руб. Зарплата за 1946 год складала: 150 руб., 40 руб., 25 руб., 65 руб., 83 руб., 30 руб., 47 руб. Для параўнання аклады супрацоўнікаў МТС: дырэктар — 700 руб., аграном — 400 руб., заўгар — 275 руб., старэйшы механік — 650 руб., ахоўнік — 140 руб., шафёр — 300 руб., брыгадзір — 240 руб., прыбіральшчыца — 130 руб., повар — 150 руб. Тады, калі калгаснікі працавалі за працадні, яны атрымлівалі ў канцы года заробак натуральнымі харчамі.

Звольніўся з МТС прадзед у 1947 годзе па сямейных абставінах, бо памёр бацька. Дома на немалой на той час гаспадарцы засталіся маці, стары дзед, дзве малалетнія сястры і брат. Вярнуўся ў вёску дапамагаць, неўзабаве ажаніўся з маёй прабабуляй, Хрэшчык Лідзіяй Навумаўнай, 1926 года нараджэння, праз год нарадзіўся першынец Мікалай.

Самым складаным было першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. 1 студзеня 1945 года была прынята пастанова ЦК КПБ аб адраджэнні сельскай гаспадаркі. У ёй было прадугледжана ўсё, акрамя галоўнага — фінансавай падтрымкі сялян і калгасаў. Планы нарыхтовак сельскагаспадарчай прадукцыі былі завышаны. Захавалася сярод сямейных дакументаў паведамленне ад 10.01.1957 года за подпісам рай(гар)фінаддзела і старшага падатковага інспектара на аплату падатку ў памеры 116 руб., абавязковай пастаўцы мяса — 30 кг, малака — 100 л, яек — 50 штук, воўны, свіных скур — 1 штука, бульбы — 130 кг. Другі дакумент 1967 года — здаць дзяржаве цяля ў 4-нядзельным узросце, парася ў 8-нядзельным узросце.

На працягу многіх гадоў сяляне не атрымлівалі за працадні нічога, таму што дзяржава забірала ўсё, і таму, каб выжыць, людзі апрацоўвалі любыя кавалачкі зямлі. Многія працавалі па найму на будоўлі. Але супраць заможных гаспадароў улада прымяніла рэпрэсіі: цэлымі сем'ямі вывозілі ў Казахстан, на Поўнач СССР. У адпаведнасці са сталінскай тэорыяй калектывізацыі (у Заходняй Беларусі яна пачалася ў 1939 годзе і не была завершана ў сувязі з пачаткам вайны у 1941 годзе, працяг яе адбыўся пасля вызвалення БССР ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў) стварэнне калгасаў павінна было суправаджацца ліквідацыяй заможных гаспадарак. Але іх было няшмат, таму ўдар прыйшоўся па серадняках, самых дбайных гаспадарах, якія нават у вайну захавалі пабудовы, жывёлу, інвентар. Таму пасля вайны многа бежанцаў са Смаленскай, Бранскай абласцей пераехалі ў заходнюю частку БССР, каб не памерці з голаду. Таму, «дзякуючы» калектывізацыі, быў вынішчаны клас руплівых і дбайных сялян. Нараджаліся новыя адносіны ў вёсцы. Замест гаспадароў з'явіліся «временщики», яны разбурылі ранейшы ўклад жыцця, размылі лепшыя якасці сельскіх гаспадароў. Што, нажаль, мы часам назіраем і да гэтага часу…

У 1950 годзе на Слонімшчыне была арганізавана Рышчыцкая МТС, і мой прадзед 10 чэрвеня таго ж года ўладкаваўся туды на працу брыгадзірам. Пад яго кіраўніцтвам былі 4 трактарысты, якія працавалі на ДТ-54 і ХТЗ. Сам ён працаваў на ДТ-54 — трактары новага пакалення. Як сведчаць архіўныя дадзеныя з Навагрудскага занальнага архіва, прадзед быў пераможцам сацыялістычных спаборніцтваў паміж брыгадамі Рышчыцкай МТС па многіх паказчыках.

Маё здзіўленне выклікаў наступны факт з пратакола Савета Рышчыцкай МТС ад 26 сакавіка 1952 года: з 1947-1948 гадоў лепшыя землі аддаваліся пад пасевы кок-сагызу (сыравіны для вытворчасці айчыннага каўчуку), а месца другому «хлебу» — бульбе, не знаходзілася (толькі 16,9% пасяўных плошчаў, слабая ўраджайнасць — 53,3 ц з га). Адпаведна, гэта не спрыяла паспяховаму развіццю жывёлагадоўлі ў БССР.

12 студзеня 1952 года адбыўся агульны сход калгаснікаў калектыўных арцеляў імя Суворава (вёска Сурынка), імя Сталіна (вёска Рахавічы), імя Леніна (вёска Гуменікі), «Зара Камунізму» (вёска Забулле), на якім было прынята рашэнне ўзбуйніць, аб'яднаць усе вышэйназваныя калектывы ў агульную гаспадарку — калгас імя Суворава з цэнтрам у вёсцы Сурынка. Першым старшынёй быў абраны Г.А.Зайцаў. 15 чэрвеня 1952 года да калгаса Суворава далучылася арцель «Бальшавік» (вёска Падмошша).

Тым часам сям'я прадзеда павялічылася, у 1952 годзе нарадзіўся яшчэ адзін сын — Міхаіл. Прабабулі стала складаней спраўляцца па гаспадарцы, і яны прынялі рашэнне, каб прадзед перавёўся працаваць бліжэй да вёскі ў калгас імя Суворава. У 1955 годзе ў сям'і з'явілася дачушка Валянціна, мая бабуля. З 1952 па 1983 гады (да пенсійнага ўзросту) прадзед плённа працаваў трактарыстам (кіроўца Т-74, культыватар) у гэтай гаспадарцы.

Чалавек працоўнай славы — так называлі майго прадзеда родныя і знаёмыя. І я думаю, што нездарма. Працуючы нязменна механізатарам і выконваючы штогод гадавы план, прадзед быў у аб'ектыве карэспандэнтаў Слонімскай раённай газеты «За перамогу камунізму», рэспубліканскай газеты «Сельская газета». У 1980 годзе праўленне калгаса імя Суворава вырашыла лепшым калгаснікам за высокія паказчыкі прадаставіць турыстычную паездку на тыдзень у Маскву за кошт калгаса. Сярод шчасліўчыкаў быў і мой прадзед.

У шкатулцы з дакументамі ляжаць ўзнагароды, граматы прадзеда за шматгадовую добрасумленную працу. Колькі званняў, узнагарод і падзяк, якія ён атрымаў за гады сваёй працы! Знак «Выдатнік сацыялістычнай сельскай гаспадаркі», ордэн Працоўнага Чырвонага Сцяга, медаль «Ветэран працы», Ганаровая Ленінская грамата. У 1983 годзе стаў пераможцам раённага сацспаборніцтва і быў занесены на раённую Дошку гонару. Ён уславіў сваёй працай зямлю, якая яго ўзгадавала, сваю Слонімшчыну. Свой вопыт работы прадзед перадаваў моладзі, выхаваў любоў да зямлі ў сваіх дзяцей. Сын Мікалай скончыў Навагрудскі сельскагаспадарчы тэхнікум, пазней Гродзенскі сельскагаспадарчы інстытут, факультэт аграноміі, працаваў старшынёй калгаса, дырэктарам саўгаса на Астравеччыне; сын Міхаіл — Жыровіцкі сельскагаспадарчы тэхнікум і Мазырскі педагагічны інстытут, працаваў выкладчыкам ВПК у горадзе Свіслач Гродзенскай вобласці па спецыяльнасці трактарная справа, дачка Валянціна (мая бабуля) скончыла Ваўкавыскі саўгас-тэхнікум па спецыяльнасці заатэхнія, зяць Генрых (мой дзядуля) пасля заканчэння Гродзенскага сельскагаспадарчага інстытута па размеркаванні прыехаў у калгас імя Суворава, дзе і сустрэўся з маёй бабуляй. Так назаўжды і застаўся на Слонімшчыне.

Мой прадзед быў не толькі добрым працаўніком, але і яшчэ добрым чалавекам, любімым сынам, мужам, бацькам, дзядулем. Калі б трэба было ў некалькіх словах расказаць пра Севасцьяна Андрэя Рыгоравіча, хапіла б простага: ён любіў жыццё, і яно адказвала яму ўзаемнасцю. Добразычлівы і з вялікім пачуццём гумару чалавек, душа кампаніі. Ніколі не падняў рукі на сваіх дзяцей, было дастаткова слова і позірку бацькі, яго разумелі сыны і дачка. Ведаў на памяць шмат вершаў па-польску і з задавальненнем вучыў сваіх дзяцей і ўнукаў. Дзеці заўсёды чакалі яго з працы, бо ў кішэні быў «зайчыкаў хлеб». Аднак лёс не заўсёды быў да яго літасцівы. Жыццё неаднойчы выпрабоўвала на трываласць, вучыла ні ў якім разе не здавацца. Такі вось ён чалавек. Глядзіш на яго партрэт, слухаеш пра яго, пераглядаеш фотаздымкі і разумееш, што і лёсам можна кіраваць. Чалавек не выбірае, калі жыць, алё ён выбірае — як яму жыць і стварацъ добрае, багатае, радаснае жыццё. Безумоўна, лёгка не будзе, але ні ў якім разе скарыцца нельга.

Фатаграфія — гэта сіла, сіла схопленага імгнення, настрою, атмасферы, перыяду гісторыі. Гісторыя жыцця маёй сям'і захоўваецца ў фатаграфіях, якія месяцца не толькі ў сямейных альбомах, але і ў рамках на сценах вялікага пакоя. За кожнай з іх — карпатлівая і адданая праца гэтых людзей, вядомыя і невядомыя старонкі гісторыі беларускай вёскі.

Часам я прыязджаю ў вёску,
Дзе дзяцінства маё прайшло.
Пеўняў ранніх чуваць адгалоскі —
Я хачу, каб заўжды так было.
….Сэрца радуе клёкат буслiны,
Іх вяртанне ў сваё жытло.
Вёска стому і болі здымае —
Я хачу, каб заўжды так было!

Бацькоўскі дом — гэта тое месца, у якое вяртаешся, нягледзячы ні на што. І людзі, як птушкі: дзе нарадзіліся, павінны вяртацца ў свае бацькоўскія гнёзды. Тады будзе што пакінуць нашчадкам, тады не парвецца повязь пакаленняў.

«Мне повезло родиться с другом»

Козлов Денис

Итак. С чего бы начать… До отправки работы на конкурс остаются ровно сутки. Сказать, что у меня конь не валялся, будет неправдой. Ведь главное — это сбор информации по своей теме, фотографии и интервью. Это было сделано задолго до того, как я решил стать историком.

Устной историей я неосознанно увлёкся ещё в школьные годы во время летних каникул, в деревне у родителей отца, то бишь, моими первыми «информаторами» были дедушка и бабушка. А причиной увлечения стал велосипед, точнее, его отсутствие. Банально не привезли из города. Пока мои двоюродные братья рассекали на раскладушках по пыльным дорогам деревни Луги, я сидел на скамейке у входа в старенькую, но уютную хатку, куда бабушка с дедушкой приехали доживать свою, как тогда и выяснилось докучливым начинающим внуком-историком, непростую и насыщенную жизнь.

Почему он не нашёл себе других игр без велосипеда, могли бы спросить вы. Всё очень просто! Как констатировали тогда знающие меня люди: «На ентым мальце гарыць шкура!» И игры действительно были с огоньком: спички таки сами шли ко мне в руки, а близким приходили вести от сердобольных соседок: то в одной части села что-то горит, то в другой стороне слышны взрывы и «везде видели вашего Дениса!» Возможно, велосипед разрядил бы тогда обстановку и сбил пламя прометеевского энтузиазма, но вместо этого мне обещали, что при первой же возможности (золотые «безмобильные» времена!) о моих подвигах сообщат отцу, который с хладнокровием палача после выслушивания дел о разного рода хулиганстве выносил абсолютно обоснованный приговор, после чего следовало незамедлительное наказание. Ну, правда, дедушка с бабушкой меня ни разу не заложили, Царствие им небесное!

Но вернёмся к нашей скамейке, откуда всё и началось. После очередной пакости ко мне был приконвоирован Василий Иванович, мой дедушка. Что я могу сказать о нём? Это некогда невероятной силы мужчина, всегда в чёрно-белой тельняшке, которую он носил с гордостью за то, что ему довелось отслужить на Балтийском флоте. О том, что в этом доме живёт бывший моряк, указывал рисунок якоря и штурвала на входной двери, а надпись на косяке гласила: «ТИХАЯ ПРИСТАНЬ!». И, конечно же, было непозволительно нарушать благоговейную тишину сей приста-

ни жалобами от односельчан про опасные для всей деревни подвиги внуков.

И, раз я уже был обречён на это безобидное заточение, то решил докучать деду своими вопросами в надежде, что они ему надоедят, и он меня отпустит к другим таким же многочисленным внукам и внучкам, которые на время летних каникул были отправлены в близлежащие деревни, дабы сохранить не только квартиры и дома, но, возможно, целые города.

Я не помню точно, какие вопросы задавал, да они были не особо и важны, так как меркли перед степенными, но по-простому мудрыми и крайне интересными рассказами деда про военное детство, послевоенные голодные годы, тяжкую работу в колхозе и переезд в Витебск. О, если бы я только мог тогда записать те рассказы на диктофон или снять интервью на камеру для того, чтобы вернуть воспоминания о дорогой и ценной части истории моей семьи! Ведь после его рассказов о семье становилось стыдно позорить род.

Однако, после третьей выкуренной крепкой самокрутки, табак для которой рос в отвоёванной у бабушки грядке в огороде, дед становился более откровенным, чаще улыбался, предаваясь воспоминаниям молодости, и открывал такие истории, которые показывали характер деда с более весёлой стороны. Я отчётливо помню, как дедушка, увлёкшись, начинал мне рассказывать о «ратных подвигах» двух братьев-близнецов, один из которых — мой отец. Бывало, и они чудили не на шутку, и ему приходилось использовать ремень морфлота, который оставлял на мягких местах якоря в звезде. Оказывается, мой «прокурор-палач» и сам творил дела не легче по степени наказания, но только у него был ещё и подельник с самого рождения. Вот этим двум братьям-друзьям и посвящена моя работа. Конечно, если бы не конкурс, то за эти воспоминания я бы взялся ещё не скоро, а так — это отличный повод сохранить память для детей, внуков. А стимулом служит то, что в мае мне исполняется 26 лет, поэтому нужно успеть, пока мне 25, чтобы соответствовать условиям конкурса.

Во-первых, почему я считаю эту работу важной. С точки зрения психологии, два человека, рождённые в одно и то же время, в идентичных условиях, воспринимают одни и те же действия довольно по-разному. Это часто прослеживается из интервью: иногда ответы на вопросы схожи, но бывают и серьезные отличия. Также, несмотря на внешнюю схожесть, это разные по деловым качествам, характеру и темпераменту люди. Небольшой пример из воспоминаний их тётушки Марии. Когда школьниками ребята собирались в сельский клуб на фильм, дядя Гриша старался одеться опрятней: ботинки, брюки, рубашечка. Чего не скажешь о моём отце, который надевал сапоги и тёплую кофту, говоря, что в клубе холодно, грязно, и он не видит смысла наряжаться как во дворец. И даже при подготовке к записи видео они и через 40 лет не изменили своих взглядов. Папа был в комфортной одежде, а дядя долго подбирал рубашку в надежде, что спортивные штаны не попадут в кадр. Подобных забавных моментов в интервью достаточно для того, чтобы интересующимся людям поискать сто одно различие.

Во-вторых, два брата-беларуса провели детство и юность во времена

позднего советского периода в двух антагонистических противоречиях деревни и города. Через интервью приоткрывается ответ на вопрос, в чём заключается основное противостояние. И, делая вывод, можно заявить, что деревня в сознании информантов победила в духовной и моральной сферах, в то время как уступила в материальной. Но ни в коем случае не следует считать, что у города нет духовной сферы, а у деревни — материальной. Единогласный вывод сделан мнением двух опрашиваемых в самом интервью. Но в то же самое время мы замечаем, как люди, покинувшие сельскую местность и перебравшиеся жить в город, продолжают буквально еженедельно посещать деревню для работы и отдыха, помощи родителям, присылать дедушкам и бабушкам на воспитание своих детей, отдавая предпочтение своим родным людям, нежели незнакомым няням и воспитателям. Привозят из города дефицитные для сельской местности товары и вещи, а увозят продукты питания и хорошее настроение, тем самым поддерживая неразрывную связь со своими корнями.

Итак, родились братья-друзья 20 марта 1971 года. Родители — Василий Иванович и Алла Григорьевна Козловы. К тому моменту уже был старший сын 1961 года рождения — Константин. Называют родители близнецов в честь отцов: моему папе было дано имя Иван в честь дедушки по папе, а дяде — Григорий в честь отца бабушки. Мой отец родился вторым, однако, из-за обмотанной вокруг шеи пуповины, были опасения, что не выживет. Выжил. И поэтому сейчас я существую и пишу эту работу.

Ответ на вопрос об осознании того, что ты родился не один, у моего отца и дяди был готов давно — с самого рождения. Мне, как ребенку, у которого появилась сестра в 12 лет, казалось невероятным везением родиться сразу с другом: просыпаться, весь день быть вместе, разделяя общие интересы, а

потом вместе идти спать, чтобы завтра продолжить одну насыщенную приключениями жизнь на двоих. А приключений было действительно немало. Эти истории мне казались легендарными. Если в деревне мы с двоюродными братьями и могли повторить их исторические подвиги и приключения, то в Витебске для нас это казалось уже нереальным. Ну, к примеру, катание на баржах по реке Западная Двина: сейчас её можно местами перейти, не намочив колен, а баржу я не видел на витебской Двине и подавно. Взрывание газовых баллонов на свалке у кинотеатра «Беларусь», а это, на секундочку, центр города, недалеко от «Трёх штыков». Игры на стройках многоквартирных домов, где раньше был пустырь, и с которых начинал строиться современный город.

Самым невероятным фактом для осознания всей этой информации для меня в детстве было то, что папа и дядя были моего, на тот момент, возраста, выглядели приблизительно на одно лицо и телосложение и их приключения были схожи с моими. А над ними стоял ещё тогда невероятной силы дед, который мог забивать с одного удара руки гвоздь-сотку в четырёхсантиметровую доску, вытаскивать застрявшие трактора за плуги из грязи, удивляя наповал окружающих. Эта мощь служила весомым аргументом к тяжёлому характеру деда, с которым было бесполезно спорить.

Но был человек, который мог усмирить неспокойный, как море, характер деда — это бабушка. Я не знаю, как это происходило в голове деда, но я считаю, что это любовь. Про отношение к жене он говорил и учил так: «Жена — это подруга жизни!». Поэтому для меня это — невероятный пример, когда огромной силы человек прятал свою мощь в присутствии жены и детей, был весёлым, заботливым и нежным по отношению к своей семье, а силу применял только в работе и деле. И переживал, когда приходилось применять наказание против создателей «Ниагарского водопада» в подъезде пятиэтажного дома.

При всей своей силе он был грамотным и начитанным человеком, с которым можно побеседовать на разные темы. Осуждал, когда мы поглощали интеллектуально лёгкую информацию телевидения и ставил в противовес книги, которые в его время были в дефиците и читались буквально за ночь. А нам

в плохой пример приводили члена семьи, который шесть лет читал рассказ Г.Х. Андерсена «Оле Лукойе», и мы старались закончить чтение заданной на лето литературы как можно быстрее. И всё пытались прочитать хоть одну большую книгу за день, как наши родители.

Я застал время пропорционального угасания силы дедушки и бабушки вместе с деревней, в то время как мы набирали силу одновременно с развивающимся городом. В конце концов, я увидел смерть как и близких мне людей, так и родной деревни. Плохо ли это? Думаю, нет. Всему своё время. Наши родители нам желают наилучшего, хотят, чтобы мы жили лучше, чем они. Так и деревня отдала все, что могла, на развитие города, и умирает в надежде, что про неё не забудут, будут помнить заботу, пожертвованные силы и то начало, которое она дала для нашей жизни. В то же самое время город снабдил благами цивилизации деревню и облегчил труд человека. Возможен ли реверс? Судя по последним событиям, связанным с инфекциями и распространением вируса в густонаселённых местах, вполне возможно, что люди перейдут на удалённую работу, перебравшись в хаты своих бабушек, но это совсем другая история.

Я, Денис Козлов, сын Ивана, который был выращен со своими братьями в деревне, а теперь живёт в городе, внук Василия, который родился и вырос в деревне Надёжино, а жену Альбину взял из соседней деревни Луги, и теперь их прах там и покоится рядом с прадедами под высокими берёзами, правнук Ивана Аверьяновича с «Аверченкова хутора» недалеко от местечка Колышки Лиозненского района, благодарен деревне за правильное воспитание и любовь к Родине, где мрачные могильные плиты напоминают, что ты — часть огромной семьи, которую стыдно опозорить.

Достаточен пример деда, почему необходимо здороваться со всеми в деревне, кто идёт тебе навстречу. В городе ты не будешь каждому говорить «Здравствуйте!», посчитают за больного, однако в деревне эти глупости брось. Необходимо здороваться по причине того, что ты ещё мал и всех не знаешь, но человек, которого ты не поприветствовал, знает, кто ты, чей ты сын, племянник, внук и правнук, после чего сделает вывод, что внуки Василия невоспитанные и здороваться их не научили. Другое дело, когда ты получил диплом магистра исторических наук и услышал, что Васькины внуки — грамотные по роду.

В остальном же, я не вижу смысла пересказывать в эссе интереснейший разговор двух интересных людей. Я уверен, что, просмотрев его, многие погрузятся во времена своего детства, каждому сможет вспомнить свои родные места и дорогих сердцу людей, которые формировали нас как личностей, делая причастными к одной большой семье.

Ну, а сейчас на часах без пяти три. Мой трёхмесячный сын Аверьян просыпается для кормления. И становится понятно, что и я уже сменил на посту своего отца, сделав его дедушкой, а себя обрёк на честь продолжателя неспокойного рода. Главное — сохранить и передать добрую память о предках и сформировать правильных героев для своих детей, как это было сделано для меня. Пока что по официальной версии для своих дочери и сына я был крайне спокойным ребёнком и никогда не шкодничал. Помню, так говорил своей жене мой папа или дедушка… Но придёт время, и они всё узнают.

Боже, дай сил и мудрости воспитать детей правильно, как давал и моим предкам!

По волнам нашей памяти

Тишкевич Мария,

Хроленкова Анастасия

Древо мудрости, древо жизни.
Мы его ветви, мы его мысли.
Мы — молодые на ветках листочки.
В летопись впишем новые строчки.

История страны, как в зеркале, отражается в судьбах её народа. Чем больше изучаешь жизнь своих родных, тем лучше познаёшь исторические события, более точно понимаешь их влияние на судьбы людей. Картина жизни будет неполной, а порой и не совсем достоверной, если для её изучения использовались лишь официальные материалы и сообщения. Каждый белорус, покопавшись в семейном архиве, может найти фотографии и воспоминания близких, которые позволяют узнавать историю жизни предыдущих поколений.

Воспоминания помогают нам понять, как жили наши родные, как видели окружающий мир, относились к жизни и окружающим людям. А фотографии запечатлели отдельные моменты этой жизни. Они дают объективную картину происходящего в определённый период времени. Очень ценно, если есть возможность пообщаться с нашими дедами и прадедами, услышать их оценку того времени, пополнив тем самым свой жизненный опыт.

Мы учимся в девятом классе гимназии и между собой дружим. На уроках истории нам предложили написать эссе, которое бы рассказало историю наших семей, использовав при этом семейные фотографии. Каково же было наше удивление, когда, рассматривая фотографии наших близких, мы обнаружили схожие лица. Это лица учителей и директора русской школы на совместных школьных фотографиях. В этой школе, как оказалось, обучались прабабушка Маши и бабушка Насти. Мало того, на разных фото обозначен один и тот же год — 1947. Только прабабушка Маши — ученица 8 класса, а Настина бабушка — ученица 5 класса. Данное обстоятельство подтолкнуло нас принять участие в этом конкурсе, написав совместную работу о судьбе наших родных и о том времени, в котором они жили.

Рассматривая более внимательно эти фотографии, у нас возник ряд вопросов, ответы на которые мы стали искать в библиотеках нашего города, и, конечно же, в семейных архивах. К сожалению, тех, кто был изображён на снимках, уже нет в живых. Поэтому мы обратились с расспросами к нашим родственникам: эти интервью легли в основу нашей работы.

В книге В. Лившица «Горкі: старонкі гісторыі» указано, что в городе Горки в то время находилось три школы (русская, Зареченская и Погодинская). Русской школу называли потому, что в двух других обучение велось на белорусском языке. То, что это именно русская школа, нам подсказала надпись на одной из фотографий.

Мы внимательно рассмотрели эти школьные снимки. Нас очень удивили взрослые, задумчивые и серьёзные лица ребят. Трудно поверить, что это ученики пятого и восьмого классов. Хотя мы понимаем, что в силу объективных обстоятельств в послевоенное время в школе обучались дети-переростки. Одеты ученики скромно, но очень аккуратно и даже где-то торжественно. Визит фотографа в то время был очень важным моментом в жизни школьников. На фото мы видим учителей в их лучших костюмах и нарядах. Торжественность их виду придают галстуки, кружевные воротники, белые блузы и рубашки. Напоминание о военных годах — орден на груди директора школы и военные френчи учителя и некоторых ребят. На обратной стороне фотографии пятого класса кроме фамилий учеников есть фамилии директора (В.И. Жарин) и учителей.

Прослеживая дальнейший путь наших родных, мы вновь столкнулись с интереснейшим фактом. С разницей в три года наши бабушка и прабабушка поступили в старейший вуз нашей страны — БГСХА (Белорусская государственная сельскохозяйственная академия), причём на один и тот же факультет — агрономический. Во время учёбы студентки активно участвовали в общественной жизни, были комсомолками. А прабабушка Маши летом работала в пионерском лагере, где отдыхали

дети сотрудников академии.
Пионерский лагерь — оздоровительное учреждение, организованное во время школьных каникул. Практически все крупные организации имели такие летние лагеря, где отдыхали дети сотрудников. Такой лагерь был создан и при БГСХА. Большую часть стоимости путёвки оплачивал профсоюз, поэтому практически каждая семья могла отправить ребёнка летом на отдых. Лагерь работал в три смены. По воспоминаниям многих людей советского времени пионерский лагерь ассоциируется с весёлым времяпрепровождением. Вожатые для пионерских лагерей набирались из членов комсомола, так как в то время большое внимание уделялось идеологическому и патриотическому воспитанию детей.
Снимок «Пионерский лагерь при БСХА 2-я смена» сделан примерно в 1950 году, когда прабабушка Маши работала там вожатой. Это групповое фото, на котором запечатлены дети и руководящий состав пионерского лагеря на террасе перед входом в здание. Руководящий состав включал воспитателей, преподавателей физической культуры, музыкального работника и пионервожатых. Мы видим на снимке, что в то время ещё не было единой формы для детей, отдыхающих в лагере. Девочки одеты в летние платья или юбочки с кофточками, а мальчики — в рубашки и шорты или брючки. Съёмки не были частым делом, поэтому лица ребят серьёзные и сосредоточенные.
Как вспоминала прабабушка Маши: «Лагерь располагался в живописной местности. У нас это место называется Ивановской рощей, так как вблизи находится деревня Иваново. Здание лагеря — одноэтажное и деревянное. Несмотря на простоту обстановки, комнаты были уютными». Более подробную информацию о лагере и его особенностях, ссылаясь на архивные документы, нам предоставили сотрудники музея при БГСХА. Особое место занимала пионерская комната, где размещались все атрибуты пионерской жизни. В столовой было организовано дежурство ребят. Пища не отличалась особенным разнообразием, но тогда очень вкусным казался кусок белого хлеба со сливочным маслом и чаем в гранёном стакане.
Каждое утро начиналось с задорных звуков горна, зарядки и пионерской линейки, где старшая пионервожатая объявляла план мероприятий на день. Это были дискуссии, увлекательные игры, спортивные состязания, конкурсы. Но всё же самыми запоминающимися событиями для ребят оставались песни у пионерского костра, печёная картошка, первая любовь.
Судя по фотографии, в лагере жили разновозрастные дети. Важным символом для каждого ребёнка был пионерский галстук, который торжественно повязывали ребятам 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина.
Таким образом, одна фотография и рассказ прабабушки Маши позволили нам узнать, что пионерские лагеря были местом отдыха большинства советских детей, имели важное значение в патриотическом воспитании молодёжи.
После окончания войны у населения появились надежды на перемены. Страна нуждалась в квалифицированных кадрах, поэтому многие юноши и девушки стремились получить престижное высшее образование. Не стали исключением и наши героини.
Следующая страница нашей истории связана с учёбой в БГСХА. Обе наши героини стали студентками агрономического факультета — старейшего в нашем сельскохозяйственном вузе. Из интервью родных мы узнали, что в детстве они обе с любовью относились к природе, помогали родителям в огороде, разводили цветы, что и определило их дальнейший выбор.
Во время учёбы в академии изучалось много специальных предметов по земледелию и агрономии. Большое внимание уделялось приобретению практических навыков: работе на опытном поле, в ботаническом саду, по благоустройству территории Академгородка. Как вспоминали обе наши героини, было приятно ощущать результаты своего труда, посаженные и выращенные их трудолюбивыми руками.
Важный момент учёбы в вузе — прохождение сельскохозяйственной практики. Большинство студентов агрофака — девушки. Согласно учебному плану, каждый студент на учебном полигоне должен освоить сельскохозяйственную технику. Обучение состояло из теории и практики. Теоретическая часть — изучение устройства и принципа работы трактора, а практическая — овладеть навыками вождения трактора. Студенты агрономического факультета получали права на управление автомобилем, трактором и комбайном.
На нашей следующей фотографии запечатлён момент прохождения практики на учебном полигоне. Девушка, а это бабушка Насти, получив теоретические знания, уверенно чувствует себя за рулём трактора. Мы узнали из интернета, что это трактор «Владимирец» — ДТ-24, выпускаемый Владимирским тракторным заводом. Конечно, рассматривая снимок и сравнивая тот агрегат с образцами современной техники, мы понимаем, что работать на нем вряд ли было комфортно.
Удивительно, что девушка в нарядном белом платье. Скорее всего, студенты были заранее предупреждены о съёмке и сменили рабочую одежду на более подходящую для торжественного случая. Девушка серьёзна и сосредоточенна, что, видимо, определяется важностью момента.
Данная фотография подтверждает тот факт, что в стране в этот период времени значительное внимание во время учёбы студентов уделялось как теоретическим знаниям, так и практическим навыкам.
Закончив обучение, наши героини остались работать в БГСХА. Только прабабушка Маши — в ботаническом саду, а бабушка Насти, отработав два года в колхозе и выйдя замуж, переехала в Горки и стала работать методистом на факультете повышения квалификации.
Прабабушка Маши всю жизнь связала с ботаническим садом. В семейном архиве много фотографий с её места работы. Мы выбрали одну из них — это цветное фото (такие в то время делались редко). Мы определили, что фотография 1975 года, так как на красной ленте написана цифра 135: это юбилейная дата со дня образования академии, основанной в 1840 году. На снимке представлена одна из многочисленных выставок цветов, которые регулярно проводились в конце лета в БГСХА. Мы видим букеты, композиции из цветов, которые составлены с любовью женщинами, изображёнными на фотографии. О том, что это конец августа, «подсказывают» гладиолусы и георгины, которые цветут в это время. На фотографии представлен женский коллектив. Бабушка Маши в интервью отметила, что голубые ели, которые являются гордостью академии и города, были посажены, в том числе, руками её мамы. Теперь этих деревьев, к сожалению, осталось немного, и находятся они под охраной. Свои проекты ландшафтного дизайна, экспозиции работники ботанического сада возили даже на выставки в Москву и получали высшие награды. Кстати, ботанический сад БГСХА — один из старейших в нашей стране памятников садово-паркового искусства Беларуси.
Бабушка Насти также добросовестно проработала на одном месте всю жизнь и пользовалась заслуженным уважением среди коллег и слушателей курсов.
Это говорит о том, что именно простыми тружениками создавалась история как отдельно взятых семей, так и страны.
Как известно, жизнь не стоит на месте. Рассвет сменяет закат, на смену одному поколению приходит другое. Богаче становится человеческая память, а вместе с ней наши семейные архивы, фотографии, которые мы исследовали в данной работе. Считаем, что фотографии — это своеобразный мостик между прошлым и настоящим. Он дорог нашим родным и близким, а также дорог и нам.
Работая над данным исследованием, мы почувствовали себя неотъемлемой частью семейного древа. Общаясь с родными, обсуждая темы, которые нас волновали, мы испытали большое удовлетворение и уважение к семейным ценностям и традициям.
Собирая материал, мы обнаружили три точки соприкосновения историй наших героинь: учёба в русской школе, студенчество в одном высшем учебном заведении на одном факультете, работа в БГСХА. Занимаясь исследованием, мы пришли к выводу, что истории отдельных семей являются неотъемлемой частью истории нашей страны.
Мы благодарны организаторам данного конкурса за то, что они позволили нам ещё раз прикоснуться к прошлому, вспомнить наши корни. Ибо, почитая предков своих, мы познаём себя.

В жизни людей бывает много знаковых событий, оказывающих серьезное влияние на судьбы отдельных людей, целых поколений и общества. К таким событиям относятся войны, революции, природные и техногенные катастрофы. Во второй половине XX века одна из таких событий стала авария на Чернобыльской атомной станции и ее последствия. Это коренной переворот в жизнях многих тысяч людей Гомельской и Могилевской областей Беларуси, которые были вынуждены спасать себя и свои семьи от грядущей беды, покидая родной дом, возможно, навсегда!

История мне в Чернуху Быль направую запомнила мои семьи: мы бабушка и дочка с 1986 по 1989 годы решали вопрос о спасении себя и своих детей. На примере своей семьи я расскажу эту историю, руководствуясь рассказом дочки (автобиографии рассказа прилагается) и детскими воспоминаниями мамы (интервью в видеоформате прилагается).

26 апреля 1986 года моя дочка, как и в самый

Но вскоре были

построек, сн

прокладыва

выращивать

продукты, в

привозить в м

дочка, в сел

родственное и глубокое отношение и консультирование

изделия, завезенные из Минского и Витебского

Дети часто уезжали на оздоровление на все лето в детские лагеря под Минском, Витебском. Моя мама за несколько четыре года семьи ра выезжала на оздоровление в санатории и летние лагеря. В санаториях Анапы и Ялты дети проходили курсы лечение и оздоровительные процедуры.

В 1989 году деревня Холочье, находящаяся в 100 километрах от Чернобыля, была признана обязательной к отселению людей. Однако жители отказались переезд в другую, специально отстроенную деревню ... в той же Гомельской области. Моя дочка, понимая, что это бессмысленное переселение, сама стала искать жилье, работу и школу для своих детей в Витебской области, как наименее пострадавшей от аварии. За лето 1989 года он нашел такое место, где было и жилье, и работа — д. Белая Слада Сенненского района Витебской области.

В июле вся семья переехала в новую местность. Адаптация к жизни в другой местности была сложной, несмотря на доброжелательное отношение местных жителей к переселенцам

Праект «Конкурсы па гісторыі ў Беларусі, Грузіі, Малдове, Украіне 2.0» і конкурс па гісторыі

«Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці»

Гістарычны конкурс для моладзі «Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці» праводзіўся Прадстаўніцтвам зарэгістраванага аб'яднання «Deutscher Volkshochshul-Verband e.V» (ФРГ) у Рэспубліцы Беларусь у супрацоўніцтве з МГА «Гісторыка» ў рамках праекту «Конкурсы па гісторыі ў Беларусі, Грузіі, Малдове, Украіне» пры падтрымцы Міністэрства замежных спраў Германіі.

Праект «Конкурсы па гісторыі ў Беларусі, Грузіі, Малдове, Украіне 2.0» быў скіраваны на аказанне садзейнічання ў развіцці гістарычных конкурсаў у Беларусі, Грузіі, Малдове і Украіне, а таксама на стымуляванне міжнароднага супрацоўніцтва па дадзеным напрамку.

***Праект рэалізоўваўся DVV International і Фондам імя Кёрбера** ў партнёрстве з міжнароднай сеткай EUSTORY і мясцовымі арганізацыямі, якія ў сваіх краінах-удзельніцах праводзілі гістарычныя конкурсы для моладзі:*

*- **Моладзевае грамадскае аб'яднанне «Гісторыка» (Беларусь)** - http://historica.by*

*- **Грузінская асацыяцыя выкладчыкаў гісторыі (Грузія)** - http://imsa.ge/*

*- **Грамадскае аб'яднанне «SovLab» (Грузія)** - http://sovlab.ge/en*

*- **ANTIM (Малдова)** - http://www.antim.org/*

*- **Грамадскае аб'яднанне «Нова Доба» (Украіна)** - www.novadoba.org.ua*

Конкурс па гісторыі «Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці 2.0» праводзіўся ў Беларусі ў 2019-2020 гг. і складаўся з некалькіх этапаў:

Падрыхтоўчы этап. Правядзенне ў 2019 г. цыкла інфармацыйных сустрэч у рэгіёнах і інфармаванне патэнцыйных удзельнікаў — вучняў і настаўнікаў (куратараў) — пра конкурс, яго мэты і магчымасці ўдзелу, а таксама правядзенне для куратараў рэгіянальных адукацыйных семінараў, дзе былі падрабязна прааналізаваны ўсе аспекты падрыхтоўкі даследчай работы і патрабаванні да яе з боку аргкамітэта і членаў журы (кастрычнік-снежань 2019 г.).

*Правядзенне конкурсу. Афіцыйна конкурс быў абвешчаны ў верасні 2019 г. **Да конкурсу запрашалася моладзь ад 15 да 25 гадоў.** Удзел у конкурсе маглі прымаць старшакласнікі, навучэнцы, студэнты розных навучальных устаноў, маладыя спецыялісты, маладыя актывісты НДА, маладзёжных клубаў, навучальных гурткоў, секцый і г.д. У рамках конкурсу ўдзельнікам было прапанавана зазірнуць у малавывучаныя старонкі жыцця і побыту Беларусі перыяду другой паловы XX стагоддзя (1945-2000 гг.) і на падставе працы з фатаграфіямі з сямейнага і (ці) лакальнага архіва таго часу і іх аналізу, гутарак са сведкамі падзей і з'яў, адлюстраваных на фатаграфіях, падрыхтаваць даследчую працу, прысвечаную пытанням узаемасувязі гісторыі асобы, сям'і і супольнасці, адкрыць гісторыю падзей, чалавечых адносін і суаднесці іх з жыццём і гісторыяй краіны і супольніцтва.*

*Выкананне работ. У час правядзення конкурсу яго **арганізатары атрымалі 120 работ ад 127 удзельнікаў**. Лідарам па колькасці работ стала **Гродзенская вобласць**, адкуль прыйшло **38 эсэ** і **горад Віцебск** — з гэтага абласнога цэнтра даслалі **16 работ**.*

*Адбор. Па выніках працы прафесійнага журы, у склад якога ўвайшлі прадстаўнікі Нацыянальнага інстытута адукацыі, Еўрапейскага каледжа Liberal Arts у Беларусі (ECLAB), «Краязнаўчай газеты», Беларускага дзяржаўнага архіва кінафотафонадакументаў, Прадстаўніцтва DVV International у Рэспубліцы Беларусь, МГА «Гісторыка», Мемарыяльнага музея-майстэрні З.І. Азгура былі адабраны **27 работ пераможцаў у 3-х катэгорыях:** школьнікі, студэнты і маладыя спецыялісты, студэнты і маладыя спецыялісты-гісторыкі. Акрамя работ, якія занялі I, II і III месцы (у кожнай катэгорыі), былі абраныя пераможцы ў намінацыях: «За беражлівыя адносіны да сямейнай гісторыі», «За глыбокую прапрацоўку тэмы», «За беражлівыя адносіны да герояў і матэрыялу», «За літаратурны стыль» і іншыя).*

Па завяршэнні конкурсу ўсе ўдзельнікі, у тым ліку пераможцы і іх куратары, былі запрошаныя на ўрачыстую анлайн-цырымонію ўзнагароджання, якая прайшла ў кастрычніку 2020 года.

Усе ўдзельнікі конкурсу атрымалі дыпломы ўдзелу, пераможцы — каштоўныя прызы і магчымасць прыняць удзел у міжнародным моладзевым саміце «Eustory. Next generation summit», які адбыўся ў лістападзе 2020 г. у анлайн-фармаце.

Итак. С чего бы начать... До отправки работы на конкурс остаётся ровно сутки. Сказать, что у меня кой не валялся, то будет неправда. Ведь главное — это сбор информации по своей теме, фотографии и интервью. Это было сделано задолго до того, как я решил стать историком.

Устной историей я неосознанно стал увлекаться ещё в школьные годы во время летних каникулах. Деревня у родителей отца, то бишь, моих первых информаторов была бабушка и дедушка. А причиной увлечения устной историей стал велосипед, точнее, его отсутствие. Банально не привезли из города. Пока мои двоюродные братья рассекали на раздолбанных по ямыным дорогам деревни Лучи, я сидел на скамейке у входа в старенькую, но уютной хатку, куда бабушка с дедушкой приехали доживать свои, как тогда я выяснился, докучливым начинающим внуком-историком, неистово и настойчиво жаждущим

Почему он не нашёл [illegible] конспект [illegible]

И раз я [illegible] вокруг [illegible] анонсы [illegible] близлежащ[illegible]

Я не пом[illegible] перекл[illegible] про военное [illegible] Витебск. [illegible]

по интервью на плёнку и на того, что [illegible] истории моей семьи! Ведь после его рассказов о семье стало [illegible]

Однако, после тщательной выкуренной [illegible] отвоёванной у бабушки грядке в огороде, [illegible] предавался воспоминаниям молодости, и открывал также [illegible] характер деда более с весёлой стороны. В них я [illegible] неосуществившихся доказательств, да они всё и не отличались [illegible] Но я отчётливо помню, как дедушка, увлекшись, начинал [illegible] подвалах» двух братьев-близнецов, один из которых мой отец. [illegible] случай, что ему приходилось использовать ремесло Морфлота, которой осуществлялся на малых реках Двора в звезде. И тут становилось все яблочки у своих яблонек. Мой «аэрокурорт-малёх» и сам творил дела не легче по степени наглости, но только у него был ещё и подельник с самого рождения.

Вот эти двое друзья с утраты памяти и посвящена моя работа. Конечно, если бы не конкурс, то за эти воспоминания я бы взялся ещё не скоро, а как — это отличная новость

Арганізатары конкурсу ў Беларусі

Арганізатары конкурсу ў Беларусі

DVV International — Інстытут міжнароднага супрацоўніцтва Нямецкай асацыяцыі народных універсітэтаў (www.dvv-international.de)

Народныя ўніверсітэты (die Volkshochschule — VHS) альбо народныя вышэйшыя школы ў Германіі з'яўляюцца адной з самых распаўсюджаных арганізацыйных форм адукацыі дарослых, якія прапануюць шырокі спектр адукацыйных магчымасцяў для дарослых людзей з вельмі розным узроўнем адукацыі і запатрабаваннямі: ад пачатковага прафесійнага навучання, курсаў павышэння кваліфікацыі, праграм культурнай і палітычнай тэматыкі да мерапрыемстваў у галіне вольнага часу і здаровага ладу жыцця.

Нямецкая асацыяцыя народных універсітэтаў (Deutscher Volkshochschul-Verband e.V. — DVV)*, якая была заснавана ў 1953 г., прадстаўляе інтарэсы каля 900 існуючых у Германіі народных універсітэтаў на федэральным, еўрапейскім і міжнародным узроўні, а таксама 16 земельных (рэгіянальных) асацыяцый народных універсітэтаў.*

У структуры DVV вылучаецца ***Інстытут міжнароднага супрацоўніцтва — DVV International****, дзейнасць якога скіравана на развіццё адукацыі дарослых па-за межамі Германіі. На сённяшні час DVV International з'яўляецца адзіным у свеце спецыялізаваным агенцтвам па тэме «Адукацыя дарослых і развіццё» і здзяйсняе праектную дзейнасць больш чым у 30 краінах свету.*

Прадстаўніцтва зарэгістраванага аб'яднання «Deutscher Volkshochschul-Verband e.V.» (Федэратыўная Рэспубліка Германія) ***у Рэспубліцы Беларусь — Прадстаўніцтва DVV International,*** *www.dvv-international.org.ua/belarus*

Прадстаўніцтва было зарэгістравана і пачало актыўную дзейнасць у краіне з верасня 2009 г.

Асноўная мэта Прадстаўніцтва — садзейнічаць дзейнасці ў сферы адукацыі, навукі, культуры, асветы, духоўнаму развіццю асобы дзеля пераадолення беднасці.

Дзейнасць у Рэспубліцы Беларусь накіравана на:

- пашырэнне спектра паслуг у сферы адукацыі дарослых для ўсіх мэтавых груп;

- умацаванне арганізацый, якія прапануюць адукацыйныя паслугі для дарослых, і развіццё сеткавых кантактаў;

- садзейнічанне вывучэнню гісторыі, у тым ліку выкарыстанню сучасных падыходаў і метадаў навучання;

- лабіраванне і прасоўванне канцэпту «адукацыя дарослых».

Прадстаўніцтва ажыццяўляе праекты ў галіне адукацыі дарослых і моладзі ў цесным супрацоўніцтве з беларускімі партнёрамі (дзяржаўнымі ўстановамі адукацыі і культуры, грамадскімі арганізацыямі, незалежнымі экспертамі і інш.).

Моладзевае грамадскае аб'яднанне «Гісторыка» *(http://historica.by)*

МГА «Гісторыка» *— гэта згуртаванне маладых людзей, якія зацікаўлены ў вывучэнні, захаванні і папулярызацыі гісторыі і культуры Беларусі.*

Асноўнымі мэтамі арганізацыі з'яўляюцца:

- даследаванне гісторыі Беларусі ў еўрапейскім кантэксце;

- папулярызацыя гістарычных ведаў;

- спрыянне захаванню гісторыка-культурнай спадчыны.

Дзейнасць арганізацыі накіравана на арганізацыю і рэалізацыю асветніцкіх праектаў, падарожжаў і валанцёрскіх ініцыятываў (летнікаў па добраўпарадкаванні і кансервацыі выбітных помнікаў і мясцін, вандровак і г.д.), гістарычных даследаванняў (Беларускі архіў вуснай гісторыі http://nashapatiac.org) і рэканструкцый, а таксама на ўдзел у сумесных праектах.

Фонд імя Кёрбера *(www.koerber-stiftung.de)*

Фонд Кёрбера быў заснаваны ў 1959 г. нямецкім прадпрымальнікам і ініцыятарам Куртам А. Кёрберам (Kurt Körber, 1909–1992 гг.). Асноўная місія фонду — пераадоленне сучасных сацыяльных праблем. Яго дзейнасць ахоплівае такія вобласці, як навука і навуковыя даследаванні, адукацыя і культура, паразуменне паміж народамі і ахова навакольнага асяроддзя.

Фонд працуе на нацыянальным і міжнародным узроўнях, прапануючы свае ўласныя праекты, супрацоўніцтва і мерапрыемствы, з дапамогай якіх вырашае праблемы ў такіх галінах, як інавацыі, міжнародны дыялог і актыўная грамадзянская супольнасць.

З 1973 г. фонд падтрымлівае Федэральны прэзідэнцкі конкурс па гісторыі ў Германіі, а ў 2001 г. стаў ініцыятарам стварэння сеткі EUSTORY.

Міжнародная сетка EUSTORY *(https://eustory.eu)*

EUSTORY — гэта міжнародная сетка, якая складаецца больш чым з 20 незалежных няўрадавых арганізацыяў, якія праводзяць гістарычныя даследчыя конкурсы для моладзі ў сваіх краінах. Сетка была заснавана ў 2001 годзе з ініцыятывы Фонду Кёрбера і ў цяперашні час аб'ядноўвае арганізацыі з Беларусі, Бельгіі, Балгарыі, Чэхіі, Даніі, Эстоніі, Фінляндыі, Францыі, Германіі, Ізраіля, Італіі, Латвіі, Нарвегіі, Польшчы, Партугаліі, Румыніі, Расійскай Федэрацыі, Сербіі, Славацкай Рэспублікі, Славеніі, Іспаніі, Швецыі, Швейцарыі, Украіны і Уэльса.

Дзейнасць сеткі накіравана на:

- навучанне праз правядзенне нацыянальных гістарычных конкурсаў, якія заахвочваюць маладых людзей шукаць сляды гісторыі ў бліжэйшым асяроддзі, разглядаць гісторыю з розных пунктаў гледжання і рабіць свае ўласныя высновы;

- арганізацыю міжнародных летнікаў, дзе сустракаюцца пераможцы ўсіх нацыянальных гістарычных конкурсаў. Працуючы з аднагодкамі, удзельнікі вучацца паважаць разнастайнасць і бачыць сябе вачыма іншых;

- правядзенне штогадовых сеткавых сустрэч, на якіх збіраюцца ўсе сяброўскія арганізацыі EUSTORY, каб абмяняцца досведам і абмеркаваць актуальныя пытанні.

Пераможцы конкурсу «Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці»

КАТЭГОРЫЯ ШКОЛЬНІКІ

I месца
Міранюк Аліна Алегаўна
«Со страниц армейского альбома...»
Сярэдняя школа № 1 імя Галаўко г. Бярозы, 9 клас
Куратар Рутіч Галіна Міхайлаўна

II месца
Сядзько Аляксандра Мікалаеўна
«Мы хотели выглядеть хорошо...»
Лоеўская сярэдняя школа імя Казлова, 10 клас
Куратары
Сямашка Людміла Мікалаеўна (Музей бітвы за Днепр),
Сямашка Ксенія Уладзіміраўна

II месца
Талкун Ганна, Талкун Анастасія
«Советская эпоха в зеркале свадебной фотографии»
Гімназія №1 г. Дзятлава, 9 клас
Куратар
Радамская Алена Вікенцьеўна

III месца
Буяліч Вікторыя Валер'еўна
«У Божай міласці, у людской шчырасці будзе доўжыцца мой радавод»
Навасёлкаўская сярэдняя школа Пастаўскага раёна
Віцебскай вобласці, 11 клас
Куратар
Вішнеўская Алена Генадзьеўна

III месца
Плявака Антон Аляксандравіч
«Формирование домашней библиотеки. Её роль в повседневной жизни семьи»
Сярэдняя школа №2 г. Ашмяны
Куратар
Барысевіч Інэса Генрыхаўна

III месца
Філіновіч Анастасія Анатольеўна
«Руссо туристо! Облико морале!»
Мотальская сярэдняя школа Іванаўскага раёна, 9 клас
Куратар
Райкевич Вольга Мікалаеўна

Намінацыя
«Чалавек незвычайнага лёсу»
Ананька Аляксандр Васільевіч
«Каваль з хутара Загрэбля»
Русиновская сярэдняя школа Баранавіцкага раёна,10 класс
Куратары
Кісялёва Алена Леакадзьеўна,
Скамарох Раіса Сцяпанаўна

Намінацыя
«За літаратурны стыль»
Аўсюк Дар'я Сяргееўна
«Сталіца там, дзе ты жывеш!»
Аб'яднанне па інтарэсам: «Краязнаўства» пры Сарьянскай ДС-БШ Верхнядзвінскага раёна
Куратар
Казлоў Дзяніс Іванавіч

***Намінацыя** «Фотарасследаванне»*
Цішкевіч Марыя Мікалаеўна,
Храленкова Анастасія Сяргееўна
«По волнам нашей памяти» Гімназія №1 г. Горкі, 9 клас
Куратары
Казлова Алена Міхайлаўна,
Дроніна Вікторыя Яўгенаўна

***Намінацыя** «За беражлівыя адносіны да герояў і гераінь»*
Вінцаловіч Ганна Станіславаўна
«Еще раз про любовь... (женская история)» Сярэдняя школа №2 г. Ашмяны
Куратар
Барысевіч Інэса Генрыхаўна

***Намінацыя** «За рэканструкцыю гісторыі мясцовай супольнасці»*
Гук Кацярына Андрэеўна
«Три моста одной реки»
Белавежская сярэдняя школа Камянецкага раёна
Куратар Гурыновіч Людміла Міхайлаўна

Намінацыя
«За арыгінальную форму эсэ»
Косціна Ульяна Сяргееўна
«Дневник памяти»
Магілёўская гарадская гімназія №1, 10 клас
Куратар
Вішаватая Наталля Аляксандраўна

***Намінацыя** «За цікавасць і беражлівыя адносіны да мясцовай гісторыі»*
Масалкова Наталля Аляксандраўна
«Заслоновская республика»
Гімназія №1 г. Оршы, 11 клас
Куратар Гайдук Тамара Леанідаўна

***Намінацыя** «За вывучэнне актуальнай тэмы праз прызму сямейных успамінаў»*
Міхайлава Паліна Сяргееўна
«Черная туча Чернобыля»
Сярэдняя школа №34 г. Віцебска, 10 клас

Намінацыя
«Лепшая творчая праца/фільм»
Равінская Юлія Сяргееўна
«Дорога к Жировичской святыне»
Жыровіцкая сярэдняя школа Слонімскага раёна Гродзенскай вобласці, 10 клас
Куратар Бякрэнь Алена Іванаўна

Намінацыя
«За дэталёвы аналіз фота»
Бубен Таццяна Канстанцінаўна
«Сямейныя фатаграфіі — частка гісторыі краіны»
Сярэдняя школа № 1 г. Скідзеля, 11 клас
Куратар Чаркес Наталля Іванаўна

Намінацыя
«Нагляднае адлюстраванне аспекту савецкай эпохі на аснове індывідуальных лёсаў»
(спец. намінацыя А. Хутэрэр)
Раўко Ірына Алегаўна
«Рамантыкі вялікай магістралі»
Парэцкая сярэдняя школа
Гродзенскага раёна, 9 клас
Куратары
Данілавіч Наталля Уладзіміраўна,
Сідарук Лілія Мікалаеўна

Намінацыя
«Героі нашага (новага) часу»
(спец. намінацыя У. Парфянка)
Раку Артур Юр'евіч
«Ты только день тем жил,
ходил и даже спал с гитарой...»
Сярэдняя школа №2 г.п. Рось
Куратар Раку Лілія Іванаўна

Намінацыя
«Мой род — мая Радзіма» (спец. намінацыя Беларускага фонду культуры і «Краязнаўчай газеты»)
Галавач Дар'я Сяргееўна
«Адно жыццё ў гісторыі
малой Радзімы»
Гімназія №1 г. Ваўкавыска
Куратар Бандык Яніна Леанідаўна

КАТЭГОРЫЯ СТУДЭНТЫ І МАЛАДЫЯ СПЕЦЫЯЛІСТЫ

І месца
Ахоціна Яўгенія Юр'еўна
«Вёска, якой няма»
ТАА «Вебмарт Груп»
Куратар Кудрык Тэрэса Дзеанізаўна
(Волпаўская сярэдняя школа)

ІІ месца
Астроўская Вераніка Алегаўна
«Віцебскае «Узгор'е»: адраджэнне культуры»
Беларускі дзяржаўны універсітэт, факультэт філасофіі і сацыяльных навук, 1 курс
Куратары
Цімошчанка Ларыса Міхайлаўна,
Дробыш Таццяна Анатольеўна
(Віцебскі гарадскі цэнтр дадатковай адукацыі дзяцей і моладзі)

ІІІ месца
Мядзелец Карына Юр'еўна
«І нараджае вера дабрыню»
Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, факультэт фінансаў і банкаўскай справы, 2 курс
Куратар Пучынская Іна Сямёнаўна

Намінацыя *«За беражлівыя адносіны да сямейнай гісторыі»*
Антуновіч Настасся Сяргееўна
«Усё пачынаецца з любові ... »
Полацкі дзяржаўны медыцынскі каледж імя Героя Савецкага Саюза З.М. Тусналобавай-Марчанка
Куратар Мілаш Валянціна Іосіфаўна

Намінацыя *«За літаратурны стыль»*
Леснічэнка Аліна Мікалаеўна
«Надя-Надежда»
Мінскі фінансава-эканамічны каледж, 3 курс
Куратар
Басарымава Вольга Сяргееўна
(сярэдняя школа г.п. Краснаполле)

Намінацыя *«За глыбокую рэфлексію і зварот да рэдкага жанру фота»*
Гушча Аляксандра Уладзіміраўна
«Апошні шлях. Жыццё да і пасля»
Столінская раённая бібліятэчная сістэма
Куратар
Машлякевіч Ірына Леанідаўна
(Велямiцкая сярэдняя школа)

Намінацыя *«Малая радзіма»*
(спец. намінацыя Беларускага фонду культуры і «Краязнаўчай газеты»)
Барысік Паліна
«Будзем памятаць мы... »
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, перакладчыцкі факультэт, 5 курс
Куратар Барысік Людміла Генрыхаўна
(сярэдняя школа №8 г. Слоніма)

КАТЭГОРЫЯ СТУДЭНТЫ І МАЛАДЫЯ СПЕЦЫЯЛІСТЫ–ГІСТОРЫКІ

Намінацыя *«За лепшае візуальнае прадстаўленне вуснай гісторыі»*
Казлоў Дзяніс Іванавіч
«Мне повезло родиться с другом»
Сар'янская ДС–БШ Верхнядзвінскага раёну, настаўнік гісторыі

Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці

Уклад. К. Антановіч — Мінск, 2020.

Прадстаўніцтва DVV International у Рэспубліцы Беларусь
Моладзевае грамадскае аб'яднанне «Гісторыка»

Інфармацыйнае выданне
Выніковыя матэрыялы конкурсу для моладзі
«Па-за кадрам: ад гісторыі сям'і да гісторыі супольнасці»

Укладальнік
Канстанцін Антановіч

Рэдактар
Вольга Мурашка

Мастацкі рэдактар, макет
Марына Кабахідзэ

У афармленні вокладкі выкарыстаны фотаздымкі
з сямейных архіваў удзельнікаў конкурсу
Усе фотаздымкі можна знайсці па спасылцы:
http://pazakadram-best.tilda.ws/

Пры падтрымцы:

Міністэства замежных спраў Германіі